

Ī DĒÁĒÈÇÈÌ ÑB Ê Ī DĀÁÁĀĪ Ī ÑÒÈ

*Ī Ī Ī ÒĀĀ ĀĀĪ ĀĀÈ ÈÌ ÒĪĀĪÒĀĀ Ī Û Ī Ī ĒĒĒĒĒĀĪ ĪĪ - ĀĪĪ ĀĪĀĪ, Ī Ī ÈĒĀĀ ĒĀĒĀ - Ī Ī Ī ĒĒĀ ĀĀĪ ĀĪ È.
È Ī ĀĪ ĒĀĪ Ī - ÈĀĪ ĀĀĪ ĪĒÈ È ÈÌ ÒĪĀĪÒĀĪ Ī ĀĀĀĒĪ ĀĪ ÇĀĀĀĪĀĒĒĒĪ, Ā ĀĪÒ ĀĀĪ Ī ĒĪĀĒÈÒ
ĀĀĀĪ ÇĀĀĀÒ Ī Ī.*

Утратив деньги и имущество, кто-то переживает столь сильно, что не может думать ни о чем другом. Мало того: ему кажется, что эта утрата – самая большая беда. Но что поделать! Если Б-г захотел, чтобы именно этот человек потерял деньги и имущество – значит, так неизбежно и случится: всё в Его воле.

Деньги, однако, могут вернуться, как и имущество, – это дело поправимое. Наладиться бизнес, дела пойдут в гору, возможен даже неожиданно крупный выигрыш. Но вот у вас гора денег, и что вы – счастливы? Достигли цели жизни? И тут вы вспоминаете, что люди, имеющие большие деньги, иногда не самые счастливые. Словом, деньги, имущество – вещи материальные, они приходят и уходят. И не следует так уж сильно переживать их утрату. Не стоят они того, чтобы тратить свою жизнь, здоровье и энергию на такие временные огорчения.

...К раввину пришел человек за советом: стоит ли вложить деньги в ценные бумаги?

Раввин ответил:

– Не стоит, потому что, вложив деньги, ты потеряешь покой, будешь все время в стрессовом состоянии.

Тот человек удивился и спросил:

– Почему раввин уверен в худом исходе, ведь я стойко переношу трудности, да и авось мне повезет?

Раввин объяснил:

– Ты не сможешь контролировать рынок ценных бумаг. Ты должен трудом зарабатывать деньги: при помощи знаний, умений, опыта, а затем продавать это свое достояние, работая мозгами, руками. Не нужно, чтобы вся твоя энергия уходила на обогащение. Деньги – не окончательная цель.

Тогда собеседник совсем смутился:

– Что же в мире дороже всего?

И раввин сказал:

– Самая большая ценность в мире – время. Б-г каждому определил срок жизни. И можно добрыми делами продлить время нашего земного существования, отведенное Всевышним, добиваясь, чтобы жизнь была плодотворной. Можно молиться о продлении жизни – и достойных Б-г услышит. Постарайся жить так, чтобы твоя молитва была действенна и принята.

...Время нужно ценить по-настоящему. Наши мудрецы писали: часы – самый хороший учитель. На их циферблате мы видим, как движется время, и особенно это заметно по секундной стрелке: она движется только в одну сторону. Видишь это и становится понятно, что повернуть время назад – невозможно. Значит, секунды, теряемые нами, уже никогда не возвратятся. А ведь из этих секунд складываются минуты, часы, дни, месяцы, годы, десятилетия. И, обернувшись, мы видим – уже позади наше детство и юношеские годы. И чем дольше живем, тем для нас каждый проживаемый день становится важнее вчерашнего и позавчерашнего, ибо надо прожить его интенсивнее, лучше, праведнее, делая добро на благо людям.

Урок, получаемый при взгляде на часы, поучителен: мы осознаем яснее ясного – время бесценно. Никакие благословения утраченного времени не вернут – это не удастся! Даже если жить дольше обычного. Но то, что мы должны были сделать в возрасте, который миновал, – уже невозможно сделать ни сейчас, ни сегодня, ни завтра. Уже никогда!

Нужно ценить не только свое время, но и время всех, кто нас окружает...

Когда я учился в школе, отчетливо помню: когда кто-то из учеников вел себя неправильно или опаздывал, терял время всего класса, учитель говорил:

– Посмотри, в классе сидят двадцать твоих товарищей. У каждого из них ты украл три минуты. Выходит, ты только что украл у нас час. Подумай об этом – и больше такого не делай!

Это крепко врезалось в память и мне, и моим соученикам – думаю, на всю оставшуюся жизнь! Каждый из нас зарубил себе на носу: нужно ценить не только свое время, но и время окружающих людей...

Когда мы опаздываем на встречу, мы теряем не только свое время, но таким неприличным поступком показываем неуважение к ожидающему человеку.

В наши дни часто бывает, что, достигнув определенного возраста, некоторые из нас начинают его скрывать.

...Раввин остановился в гостинице. Ее хозяин заметил, что каждый час из номера, занятого раввином, разносится пение и слышно, как кто-то танцует. И вот, когда раввин уже покидал гостиницу, хозяин не выдержал и спросил, чему тот так радовался каждый час. И раввин ответил:

– Нашу жизнь грустной делают часы. Глядя на них, мы думаем: вот прошел еще час детства... еще час юности миновал. Мы чувствуем, что постарели еще на час. Но те часы, что всегда со мной, убеждают меня в прямо противоположном. И в этом нет ничего удивительного! Ибо они отбивают радостным боем каждый час – вот тогда я и чувствую, что мы все ближе к приходу Мошиаха, и радуюсь этому, как умею!

...И каждому из нас тоже нужно умение оценивать прошедшее время правильно. Не следует думать, будто мы стали на целый час старше, будто неминуемо приблизились к порою своей немощи. Наоборот – следует непременно думать о том, что мы стали более знающими. О том, что мы значительно подобрали. И о том, что благодаря явному улучшению собственных личностных качеств мы, к примеру, на целый час приблизились к истинной цели всей нашей жизни.

Чтобы не жалеть об утраченном времени, следует построить свою жизнь так, как говорил хозяину гостиницы веселый раввин. Лишь тогда мы будем жить осмысленно. И тогда всякий раз, глядя на циферблат и узнавая, который час, мы будем осознавать, что используем и тратим свое время абсолютно правильно. И убеждаться: именно поэтому мы и развиваемся в течение всего отпущенного нам Бгом срока нашего земного существования.

Поэтому мы вправе доказать: часы – не только наш учитель, но они – именно то, что делает нашу жизнь лучше, осмысленнее. И, наконец, истинно бережное отношение ко времени приближает наше существование к более праведной жизни.

Так давайте же приближаться к праведности все оставшееся нам время!

Главный раввин России Берл Лазар

יִי נֵאִי עַבְרָאָאֵם נְעִיִּי דָאָא

Eätéœi

יִי נְאֻוְעָאֵוּ עַסְוֵיִנָא

*Ēpæc æcæi aā, cæc nāy
nāi iā, - nēcæc dācæc Åcæc, - jōi æcāi iā iā :ai nōièò Ūiðā.
Nēòðā i à Åcæcōi, 19:18*

*Ēæc-ōi è Ōai ap iðeoaē jūi-ièè è nēcæc: «B iðei óeúæcēi iðe ōiēiæcē, :ōi òu iáo-èœuī ai y Ūiðā
i tēcāā y nōip iā iāi tē i iā». Ōai æc - ii iðeoaē nōièeōæū - iðā æc aā, i iæcāy iōāiīi, èi òiðtē
nēcēi æc á òiò i iī ai ò āiīiæc ðcā Ūiāiā iðeoaē òiò è Åcæcō - è ii iāðòèè iðeoaē aā nēcæc: «I ā
āiæcæ æcæi ai ó òiā, :aā nāi iā æcæcōu Å jōi - aā Ūiðā. I nōæuī iā - èi i ai òæcē. Ēæc è ó-è.
Ōæi cā, Ōāiīi 31a*

Человеческая вселенная

Прежде чем был сотворен известный нам мир, прежде чем сотворено было время и вызвано к бытию само представление о «до» и «после», Б-г сотворил иной мир. (Термины «прошлое» и «настоящее» используются здесь не как обозначения линейно текущего времени, но как имеющие отношение к реальности, непосредственно переживаемой нами в данный момент [настоящее], и высшей реальности, предшествовавшей этой нашей реальности [прошлое]. И вот тот – иной – мир рухнул под собственной тяжестью. В том мире все было столь сосредоточено на своем существовании, что он не выдержал и рухнул. Кабалисты называют тот мир миром Тоху [«хаос»].)

Реальность Тоху была образована из тех же элементов, что и наша реальность, в которой мы пребываем. Однако конфигурация этих элементов была несколько иной. Мудрецы говорят о десяти «Б-жественных атрибутах» – сфиройс. Почти все кабалистические и хасидские тексты так или иначе связаны с представлением о десяти сфиройс. Сфиройс были эманацией Б-га и призваны были служить «духовными строительными блоками» всего творения. Ибо всякий объект, сила и явление были вызваны к бытию через их посредство.

Тем самым мироздание можно сравнить с человеком. Ведь его основополагающие умственные способности и черты характера порождают неисчислимое множество идей, чувств, мотивов и поступков. Талмуд (Брохойс, 10а) действительно проводит такое сравнение: «Как душа наполняет тело, так Б-г наполняет мир».

Человек же, – продолжают эту мысль кабалисты, – будучи «сотворен по образу Бга» (Брейшис, 1:27), также наделен десятью основными атрибутами. Это – замысел, понимание, восприятие, притяжение, отторжение, синтез, соревновательность, преданность, общительность, восприимчивость. От них ведут свое происхождение все элементы «микрокосма». Они отражают десять небесных сфиройс. Это – «письмена», являющиеся проекцией Б-га, – проекцией, через которую Он создает Свое творение, поддерживает его бытие и связь с ним.

Так, Иов (19: 26) говорит: «Из моей собственной плоти я познаю Б-га». Созерцая процесс становления души и динамику ее отношений с телом, мы постигаем Б-жественные силы творения и способ, избранный Б-гом для отношения к нашему существованию.

Тоху также был миром, образованным десятью небесными сфиройс. Но в данном случае они существовали как десять отдельных элементов, вне какой-либо связи друг с другом. Более того: каждая из сфиройс фактически отрицала все остальные. Кабалисты, пытаясь описать это состояние, говорят, что сфиройс существовали «одна под другой», в виде колонны. Притом, каждая из сфиройс всецело довлела одному какому-то уровню, так что между ними не существовало никакого взаимодействия. Если рисовать диаграмму Тоху, призванную как-то передать «характер» этого мира, то она бы выглядела следующим образом.

- замысел;
- понимание;
- восприятие;
- притяжение;
- отторжение;
- синтез;
- соревновательность;
- преданность;
- общительность;
- восприимчивость.

Представьте человека, в котором такое качество, как «привлекательность», – то есть все, связанное со склонностью к привязанности, любви, желанию, со способностью давать и т.д., – существовало бы, полностью отрицая противоположные качества. А именно, те, что связаны с «отторжением» и «отказом», то

есть со способностью к сопротивлению, с опасениями, с трепетом перед превосходящими силами и т.д. Или представьте человека, чье стремление к соревнованию никак не ограничено «преданностью» кому-то или чему-то. Или представьте иного, чей разум не способен постичь являющиеся идеи – ибо ему дана способность к порождению замыслов, но не способность к «пониманию». Эти примеры показывают, что интеграция наших способностей – не только необходимое условие существования каждого как сбалансированной личности, но в еще большей степени – жизненно необходимо для самого функционирования каждой из этих способностей. Если каждая из наших способностей не будет обогащена качествами других, то ее «одномерность» и стремление доминировать любой ценой, захватывая новые и новые зоны, вскоре приведут ее в тупик – к аннигиляции.

Именно это произошло с миром Тоху. Отсутствие взаимодействия между сфиройс означало, что каждая из них «вела себя» слишком интенсивно – не только по отношению к остальным сфиройс, но и по отношению к собственному «сосуду» – ограничивающим ее параметрам. И «сосуды» Тоху «треснули» под неудержимым натиском тех сил, для которых они были вместилищем и формообразующим фактором. Тогда из обломков мира Тоху Б-г сотворил нашу реальность, мир Тикун – мир исправления.

В мире Тикун сфиройс образуют парцуф, «лик», или конфигурацию:

gài úñé ìííèì àíèá
 áííí ðéýòèá
í ðèòýæáí èá ì ò ò ì ðæáí èá
 íèí òáç
íí ðááí í áà ò áéíí ííòú ì ðáááí í ííòú
 í áú è ò áéíí ííòú
 áííí ðèèì = è áííòú

Таким образом, различные силы, что образуют мир, связаны и взаимодействуют друг с другом. За счет этого в каждую из соответствующих сил оказываются включены и элементы всех других, тем самым «смягчая» эту силу и придавая ей конструктивную направленность. Так, любовь слегка окрашена отчуждением – иначе отец, обнимая ребенка, задушил бы его. А в желании присутствует запрет или ограничение, в правосудии – сочувствие, в порыве – осознание лежащих на человеке обязательств. Иначе все эти побуждения оказались бы для нас разрушительными.

Dáííáíí í úá èíèðú

И все же не обошлось без потерь. Пронизанный взаимосвязями мир Тикун наделен стабильностью и способностью к конструктивному развитию, которых предшествующий мир хаоса был лишен. Но, с другой стороны, мир Тикун не знает пыла и интенсивности проявлений, характерных для Тоху. Вот почему Б-г начал Творение с «неудавшегося начала» – с Тоху: Он хотел, чтобы «искры» бесконечной, несдержанной сущности Тоху лежали в основе «исправленного» мира Тикун.

Наша миссия в жизни – извлечь на свет этот погребенный потенциал и дать ему пространство для проявления, но уже в рамках, наложенных миром Тикун. А именно – совмещая тем самым лучшее обоих миров – силу Тоху и сконцентрированность Тикун.

В этом заключается глубинный смысл высказывания из Талмуда (Псохим, 87б): «Народ Израиля рассеян был среди народов только ради того, чтобы собрать воедино обратившихся». Под «обратившимися» следует понимать вызванные к жизни останки мира Тоху, павшие искры, наделенные громадным потенциалом, – когда они будут «извлечены на свет» и «исправлены».

Наше проникновение вплоть до самых дальних уголков земли дало нам возможность соприкоснуться с душами, ведущими свое происхождение еще из этого не различимого для нас периода древнейшей духовной истории. Периода, когда коллапс Тоху привел к тому, что эти души были рассеяны среди множества народов, населяющих мир. И обращение этих душ к заветам Торы – «чертежу», согласно коему Б-г творил жизнь в мире Тикун, – даст им возможность конструктивно реализовать заложенные в них величайшие силы.

Заметим, что Талмуд говорит не только об обращении людей. Искры Тоху погребены во всех живых существах и элементах нашего мира. И наш контакт с этими элементами, чему способствует наше рассеяние по всей земле, создает возможности для их «обращения». Каждый раз, когда какая-либо часть материального мира – будь то физический объект, научное открытие, культурный феномен и т.д., – вовлекается нами в исполнение Б-жественных заповедей (мицвойс) Торы, происходит «исправление» и интеграция искр мира Тоху, сокрытых в соответствующей сущности.

Учение о взаимосвязях

Душа из погребенного мира Тоху, привлеченная возможностями реализации, даваемыми Торой, пришла к великому мудрецу Шамаю. «Научи меня Торе, – попросила она. – Но только – пока я стою на одной ноге».

Шамай разгневался. «На одной ноге?! Это трехмерный мир Тикун. И здесь мы делаем все, сообразуясь с мерой и конструктивностью. Иди туда, откуда ты пришла».

Тогда душа отправилась к Гилелу. И он терпеливо объяснил ей: «Ты ищешь центра, ибо чувствуешь в себе великие силы, грозящие разорвать тебя, если попробуешь их реализовать: ведь каждая тянет в свою сторону. Потому ты должна научиться любить ближнего, как себя самого. Чтобы осознать: в тебе есть нечто от него, а нечто от тебя – в нем. На этом стоит Тикун. И на этом стоит Тора: взаимосвязь и интеграция. Остальное – комментарии...»

Yi Ied

ОГНЕННАЯ КУПЕЛЬ

È nēaçaē Á-ā řadauayniē Ī řoa: «...[ēřyř] āā řa řnēāāđīēōñř řđēēřnř řāāř ēāř ē ōř āđōēř ēç řāāđřāā řāāřāā. Őřēūēř āēēāāēōēđ đřāñđāāř ēēāř řāřēř : ř āđāđř řāřāē ē řōōřř řāřēř, řnřřř řāřēř, ē āř-āđřř řāřāē, ē āđāđř řāřēř, ē řāñđōřē řāřāē, āāāēōāē, āēēēřēē ē řāř ō řā āūāāē çāř āēāř, ř řāēřř āř ō řnēāāđīēōñřř... Ēřyř āā āñřēē ēç āđāđřāā řāřēō... řē ē ēāēřř ō ōř āđōāř ō řā āřēāāř řř řřāđřāēōđ āāēā řōōřř řāřēř ē ř āđāđř řāřāē řā āřēāāř řř řnēāāđřyōđ řāřyř».
Āāēēđř, 21:1-11

Ī āřāēāñ āđāōēē ř đřnēē đāāāē Āāāç «Āāō Ā-ā- ēřyř; āř -ōř āā ō řāā řřāđōēēřyř Ī ř řnēā řřāāāāř ēy Ī řōā?»
Ī ō āāōēē đāāāē Āāāç
«Ā řēāř y řřāđōēēřy ř ř».
Őāēř āā, Nāř āāāđēř, 39ā

Ā-āřřēñđēřā- řñōūāēçřē. Ē, ā ēřřā-řřř ř-āđā «āēçřū» ř řāēřř řřđāāāēōđ ēāē řđāūāāř ēā ā ēřřōāēōā ř Ā-āāñđāāř řūř. Ī řōřř ō-ōř ř āāđāōū ē āřāđēēē, -ōř řđāāāř ēēē āāēā řřnēā ōēç-āřēē ř āđōē āřēñđēřōāēāř, ō řāā ēāē āđāōřēēē ř āđōāř ē řđē āēçřē (Őāēř āā, Āđřōřēř 18).

Ī řēō-āāōñř, -ōř ř āđōū - řā řā-ōř řō řđēđřāū řđēñđāā ř ēōđ, řđē-āř, āř ōāđ řřđ, ř řēā řō řō ř ēđ řñōāāēyāō řāřř ōāēřā ř Őāřđōřř. Ē āāēñōāēōāēūřř, ř ū āēāēř : ř āđōū řñōāř řāēōñř -āñōūř řāōāē đāāēūřřñōē ō řēūēř ō řāā, ē řāā -āēřāē āēñđāřđēđřāēñř řō Ā-āā, řđāāāāēāēā řāđōēā Āā āēç.

Ī ř řēřāñ řđřđēā Ēōāyō (25:8) āāđř ē řāđāōřřā ōē-ōřāēāřēā çāē ē āřññōāř řāēāřēā řñāđōāř řē āāř řēē ř āēāō Ā-āř ē Āā ōāřđāēāř řñđēđřāř ř řēāōā řđēāāāō ē ō ř ō -ōř řřūō ř āđōē řñōāřō řāř řāāāřř.

Ī ř āř ō řā āřy ēřřōāēō řñ āđōāñ ē (řđēēřnř řāāř ēā ē ōāēō, řřñāūāř ēā ř řāēū ē ō.ā) āāāāō ē đēōāēūř řē řā-ēñđōā Ā řō řñ řñōřyřēē -āēřāē řđāūāāāđ āř ōāđ řřđ, ř řēā řā řñāāđēōđ ř-ēūāř ēā āēçp-āřūāā ā řāy řřāđōēāřēā ā řēēāō - ēōřāēū ř āřāřē āēy đēōāēūř řā ř-ēūāřēy, ē řō řđāy řñřōāāō řñōāñō řñāūř ēđēōāđēyř.

Ēřyřō - «řāyūāř řēēō», řāřřř ō ēç řřō řēā Āāđřā, ēçāđāř řā Ā-āř řēōāēōđ ā Őđāř ā ā řāāāp ř-āāāū çāř đāūāř đēōāēūř řñēāāđřyōñřy. Ī ř - çā ēñēçp-āřēāř ōāđ řēō-āāā -ōř řñyçāř ū ř řřāāāāř ēāř āēēçēō đřāñđāāř ēēřā, ēāē ř ū āēāāē āñōēōā, řđēāāāř řř ā řā-āēā řāōāā ōāēñđā.

Ī āřāēř řāđāřñāyūāř řēē āřēāē řā řū řñōđāēř řāđāçř řñāçpāāōđ đēōāēūř çp-ēñđōā, ē ř ř řā ř āēāō řñēāāđēōđ řāy āāēā đāāē āēēāēōēđ đřāñđāāř ēēřā.

Ī āāđāōū ō-āō: çāēřř Őřđū, Āēřōā, - řā-ōř āřēūōāā, -āř řđāūř ēāř řřā řō Ā-āā řřāāāř ēā āēy āēāōūēō ā řō řñ ř ēđā Āēřōā ř řēñāāāō ē «řřāāāāēā» Nāř řā Ā-āā, ō řō řñ řā, ē řō řđū ř ř řñōđēō Nāřē řō ř řōāēy řñ ōāřđāēāř. Ēāē řēāçāř ř ā Őř řēñ Đāāā (30:4): «Ī ōēē Ā-āā - řā řōēē řēřōē ē ēđřāē. Ī ōōđ ō řā, ēōř ēç řēřōē ē ēđřāē: řāñđāāēyōđ āđōēā ēāē řññōōř āōđ řā řāēř řā ř řō řā řđēāāđēēāāōñř řōēō řđāūřēāřēē; Ā-ā - ōř, -ōř ř ř řñāāđōāāō, āř ō řř-āř ō ř ř āāēō Ēçđāēçp, -ōř āāēāōđ ē ř řāē řāāōñyř».

Ēç řō řā řēāāāō, -ōř Ā-ā řđēřēñā Nāā āēřōē-āřēē řñāōū ēřyřā (Őř řēñ 25:2), ōāř řā řū, ř ř çāēřř Őřđū, āřēāāř āřçāñđēēāāōñyř řō āyēřā «řñēāāđřāēyř» -āđāç ēřřōāēō ř řā-ēñōū ř ē řāđōāñ ā řñōāāñōāēē řñđāūřēāřēyř ē Őāēř āā (Nāř āāāđēř, 39ā). Ī āřāēř ōā āā Őřđā řñāūāāō, -ōř Ā-ā Nāř řđāāē řřāāāāř çp Ī řōā Ā řřō ř ō ā Őāēř āā řāñēāāāōñyř, ēāē ř řñēā řō řā Ā-ā ř-ēñđēē Nāy ā «ēōřāē řā ā ř řē» (řñ. ōāēāā Őāēř āā, Nāř āāāđēř, 39ā).

Ī āāđāōū (Őřēñōřēñ ōāř āā) řyřñyçpō: řāđřā Ēçđāēçy - «āāōē Ā-āā», ē, çā-ēō, Ī řōā - řāēř ēç āēēāēōēđ đřāñđāāř ēēřā Ā-āā, đāāē ē řō řđūō ēřyřō đāçđāēāř řñāōū đēōāēūř řā-ēñōū. Ī ř, řāñđāāř řř, āāēā řāyçāř řō řñāēāōđ Őř-ř ř ōāē āā řđřđē Ēōāyō (63:1-3) řēññāāō řēññāēāř ēā Ā-āā ā řā-ēñđōō āēēñā đāāē ēřēōř ēāř ēy Āā řāđřāā: «Ēōř řō řō, řđēōřāyūēē ēç Yāř řā, ā āāāyřř ūō řāāēāāō ēç Āřōđū?..»

B (řōāā-āāō Ā-ā) - āřāđyūēē ř đāāāēēāř, āāēē ā řāāř ēē!.. ē āđōçāēā ēđřāř ēō řā řāēāū Ī řē, ē āñ řāēāū Ī řē çāřā-ēāē B».

Ēāē āā ō řāā āūōđ ř çāēřřř, çāřđāūāřūēř ēřyřō řñēāāđřyōđ řāy? (řāāđ (III, 89ā) řyřñyçāō: Ēçđāēçy - «řāñđā Ā-āā, āāēōā, ē řō řđāy řā āūēā çāř āēāř », řōāāđāřūāy āñ řđēōyçāř ēy ē

– Саша, Коля и Дима, – ответил ученик.

– Прекрасно! – обрадовался меламед. – Смотри, как все просто. У Андрея Сидорова трое сыновей: Саша, Коля и Дима. А теперь представь: когда-то давно жил человек по имени Ноах и у него тоже было трое сыновей. Так вот их звали Шем, Хам, и Яфет.

Вечером, придя домой из хедера, маленький Берл радостно сообщил маме:

– Сегодня мы читали про трех сыновей Ноаха!

– Прекрасно. И что же у него были за сыновья? – спросила мать.

– Саша, Коля и Дима, – ответил сын.

Метафора – очень эффективное средство обучения. Владеющий этим искусством объяснит ученикам самую сложную идею. Он оттолкнется от образов, доступных и понятных его аудитории, и свяжет эти образы с понятиями и терминами, которые хотел привить слушателям. Но это возможно, только если ученик понимает, как работает метафора. Если само внешнее уподобление не заслоняет от него суть концепции, которую сравнение облекает, как одежда – тело. Неправильно же понятая метафора может создать самые невероятные представления о концепции, которую она должна пояснить.

И это весьма часто происходит, когда делается попытка постичь Творца через метафору Его творения. Представьте стихи, написанные точным и изящным языком и переведенные языком грубым и примитивным. При этом само стихотворение настолько сильно, что его глубина и красота просвечивают даже сквозь совершенно неадекватную форму – неловкий перевод. Читающий его должен постоянно помнить: он имеет дело с подобием. Помнить – чтобы ограниченность и неловкость перевода не ассоциировалась у него с оригиналом.

Точно так же случается, когда говорят: Б-г сотворил нас по Собственному образу, давая возможность воспринимать Его реальность через постижение нами нашего тела. Этим вовсе не подразумевают, что мы в своем сознании должны наделять Б-га телом или его подобием, – такое было бы глубочайшей ошибкой. Наша реальность – конечна, ограничена и несовершенна. Тогда как Б-г и все Его проявления, а среди них – эманация в процессе творения, бесконечны. Они превосходят рамки каких-либо определений и совершенны.

Поэтому слова и модели, которые мы используем, говоря о Б-ге, сначала должны быть «очищены» от всех присущих им коннотаций, связанных с конечностью и несовершенством, столь характерными для контекста нашего опыта. Воистину – только при этих условиях они смогут приблизить нас к пониманию Б-жественности.

Ḥōdī cū dōā

Все это применимо и к нашему случаю, когда Б-г описывается как священник или первосвященник. У людей коэн – тот, кому сообщена большая мера святости, чем его мирским собратьям. Он живет духовной жизнью, свободен от материальных устремлений и целиком погружен в служение Творцу. Вот почему ему запрещено прикасаться к мертвым. Ибо смерть – самое симптоматичное проявление того, насколько физический мир далек от своего духовного источника. Тем не менее, его статус допускает некоторые исключения, когда его святость должна быть нарушена во имя ближайших родственников. Первосвященник обладает еще более высоким уровнем святости. На этом уровне о каких-либо уступках материальному просто уже не может идти речь, – вот почему для него немислим любой контакт с мертвыми.

Если всякая физическая реальность отражает нечто Б-жественное, то тем более это относится к реальностям, определяемым Торой – Б-жественным планом творения. Действительно, Тора относится к себе самой как мошол а-кадмони – «изначальная метафора» или «метафора Изначального Единого» (II Шмуэл, 24:13). Поэтому и наши мудрецы – в частности, Нахманид в своем введении к Торе – постановили, что каждое слово Торы есть «имя» Б-га, описание проекции Его существа.

Таким образом, земные священник и первосвященник – это человеческие подобию двух соотносящихся друг с другом истин Б-жественной реальности. А именно – священника и первосвященника в отношении Б-га к нам. «Коэн» в Б-ге – это Б-жья «святость». Это – Его трансцендентность по отношению к земному, конечному, мирскому.

И однако так же, как в проходящей модели священничества, служащего Ему, существуют «исключения». В частности: моменты, когда Он позволяет Себе «запятнать Свои одежды» ради Своих близких родственников. Моменты, когда Б-г говорит в Теилим (91:15): «с ним Я в бедствии, спасу его и прославлю его».

Но Б-г также первосвященник, и Он обладает святостью, которая не может быть поставлена под сомнение. Конечно, это не значит, что Б-гу-первосвященнику «запрещено» вступать в соприкосновение с реальностью материального мира. Как подчеркнуто выше, мы должны всегда очищать наши земные метафоры от всех недостатков их физического статуса, прежде чем приложить квинтэссенцию их значения к нашему пониманию их Б-жественного источника. Такие понятия, как «разрешенное» и «запрещенное», принадлежат словарю творения, а не всемогущего Творца. Мы должны проводить строгое различие между неосквернимостью Б-жественного первосвященничества и его недолженствующей-быть-оскверненной земной метафорой. Другими словами, первосвященник – это тот, кто не может быть осквернен. В приложении к человеку, – а ведь святейший из людей остается смертным и уязвимым для присущей смертным нечистоты, – это переводится как запрет соприкасаться с тем, что могло бы осквернить его. Но в первоначальном, сущностнейшем смысле, первосвященничество Б-га означает Его невосприимчивость к осквернению. Означает

Его абсолютную трансцендентность по отношению к материальному – даже тогда, когда Он наполняет Собою самый материальный уголок Своего творения. Только при соединении с человеческим статусом «не может быть осквернен» Б-жественного первосвященничества становится «не должен оскверниться» – в отношении подверженных осквернению сынов Аарона.

Áāíēíāy ēāāí òēòēēāōēy

Однако Б-г желает относиться к нам не только как первосвященник, но и как «обычный» священник. Если бы погребение Моше осуществил «Сам» Б-г в качестве первосвященника, Ему не было бы нужды погружаться в огненную микву, чтобы очистить Себя. Если бы только первосвященник в Б-ге был бы Тот, Кто «пребывает среди [Израиля], среди их нечистоты», – не было бы нужды, чтобы «искупить святилище от нечистоты» (Ваикро, 16:16). Если бы только Б-жественным первосвященником был Тот, Кто уполномочил Моше освободить Израиль из египетского рабства, Он не явился бы в терновом кусте, соучаствуя в страдании Своего народа (см. комментарии Раши на Шмойс, 3:2). Если бы Ишаяу узрел Б-жественного первосвященника идущим от Эдома, он не увидел бы одежды, забрызганные кровью.

В качестве первосвященника Б-г действует, не будучи затронутым, и проникает самые нижние ярусы Своего творения – притом, их недостатки не пятнают Его. Но однако, Б-г допускает также более уязвимую святость Б-жественного «обычного» козна. Это на человеческом уровне переводится как разрешение обычному козну оскверниться в определенных обстоятельствах. Тем самым Б-г допускает: осквернить Себя погребением Моше, страдать со Своим народом, забрызгать Себя кровью, вызволяя Свой народ из изгнания. Он хочет, чтобы мы знали, что Он – не только с нами, где бы мы ни были, но Он также подвергает Себя всему, чему подвергаемся мы.

В то же самое время, Он – с нами в качестве первосвященника: превосходя все это, Он уполномочивает нас также добиться чего-то от Его нерушимой святости.

Áāāō

В ПОИСКАХ Б-ЖЕСТВЕННОГО

È āāíōēē Á-ā íāōāūāyānū ē Ī íōā íā āōā Nēíāē, òāē: āāíōē nī nūíāí ē Èqōāēēy ē íēāēē ēí...ōāñōūēāō çāñāāē ííēā òāíā ē ēāñōūēāō íāōāē āēííāāāíēē òāíē, ē nīāēōāē íēíāū āā çāí ēē.

Á ā nūāū íē āā nūāāíōā ííēíy āūāāō āēy çāí ēē... ííēy òāíāā íā çāñāāē ē āēííāāāíēēā òāíāā íā íāōāē.
Áāēēōí, 25:1-4

Ī í-āí ò ēí āíí çāñāāāū òí ē òā [çāēíí, òāāōpñēē ēāēāíē nūāū íē āā āāāōū íōāūō çāí ēā] nūāūí íāōāçíí nūyçāíā nī āōíē Nēíāē? Ðāçāā íā āā çāñāāāē āūēē āāíú íā Nēíāā? Ðāçā ííōíí ó ÷ōí íēāçāíí ā Ōíðā: òí ē òāí ú āūēē íāē:āíú íā Nēíāā – ē ā òíí, ÷ōí ēāñāōñy yōíā çāēííā āííāūā, ē ā òíí, ÷ōí ēāñāōñy āā ÷āñōííñōāē.

Ī í òāēēā āāū í ēōāíēñ íāē:āíú í ú íā Nēíāā – ē ā òíí, ÷ōí ēāñāōñy ēāēāíē ēç çāñāāāē āííāūā, ē ā òíí, ÷ōí ēāñāōñy ÷āñōííñōāē āā

Ðāē íā Áāēēōí, 25:1-4

Īāōā yííōā – āōāy íāōāēāēūíā āēāñííēō:ēy ē òāōíē:āíēíā íðāāñā Īíāíā òāōííēíāē çāōðāēāpō āñ nōāñí: íāōāçíāíēā ē āíñā āēçíāí ē çāāāñíōðāíāíēā, ííē āāēāpō íāōō āēçíúēíí òíðōíāí ē āçííāñ āā

Ī í íí í āā òíā ēāē ēíí íñpōāñāy ē òāōííēíāē:āíēāy ðāíēpōēē íðāēāāpō íāí āñ āíēāē āíēāā āñēēē òñāāíú íāōāēāēūíā āñōāōēā ē òēçē:āíēíē āçííāñíñōē, í ú çāāāñíy āííðñíí: í íāō ēē āñ yōē āññōēēāíēy íā íāí íí āāēā nī nūāñōāíāāōū āōōíāííí ó ðññōó?

Ī ííāēā òēēíññōíēēā nēñōāí ú ēññāyō ēç òíā, ÷ōí āōōíāííñōū – íā:ōí íāññyçāāí íā íā íō í ēðā nūā, – ē ííā íā ēí āāō íōííōāíēy ē òēçē:āíēíí ó ē òāēāñííí ó āūōēp. Èūāāēçí nī íōðēō íā yōō íðāēāíí òēíā:ā

Áāēíñōāí

Дважды в день мы утверждаем единственность Б-га, возглашая: «Слушай, Израиль, Б-г – Всесильный наш, Б-г один!» (Дворим, 6:4). В реальности утверждение о единственности Б-га означает не только то, что в творении не существует иных сил, властных над этим миром. Еще это означает, что вне Б-га не существует ничего, даже самого Творения (см. Дерех Мицвойсехо, Заповеди Ахдус Ашем, с. 118-124). Подобно тому, как образы, возникающие в сознании человека, не существуют вне этого сознания и все созданы одной субстанцией – «мыслью», так творение существует в Б-ге. Ибо все сущее в мире – лишь физическая манифестация Б-жественной энергии, и эта энергия и есть истинная и единственная «субстанция» творения.

Поэтому, хотя мир кажется обладающим реальностью, отдельной от Б-жественного, на самом деле, все – с точностью до наоборот. Потому, что единственная реальность – Б-жественная реальность, и по отношению к ней мир является лишь проекцией. Поскольку же Б-г есть сущностное бытие, не имеющее начала и конца, постольку и творение полагает себя обладающим существованием, не имеющим начала и конца.

Причина, в силу которой мир считает себя самодостаточной сущностью, заключается в том, что по сути он есть не что иное, как Б-жественность.

Таково истинное значение стиха пророка Малахи (3:6): «Ибо Я, Г-сподь, не изменился». Многие философы, отталкиваясь от этих слов, приходили к выводу, что, сотворив мир, Б-г передал контроль над творением иным силам. Рамбам, великий систематизатор еврейского законодательства, писал, что эта идеология, по сути, – основание идолопоклонничества и полностью отрицает «Творца» (Законы об идолослужении). Эти философы утверждали: невозможно помыслить, будто Б-г постоянно вовлечен в жизнь сотворенных Им. Ведь такая вовлеченность противоречила бы Его сущности и должна была бы накладываться на Б-га некий отпечаток. Даже само представление о том, что Высшее Бытие, Конечная Истина могут ассоциироваться с низменным, фрагментарным бытием тварного мира, вызывала у них протест. Такой подход игнорирует любые чудеса, Б-жественное Провидение и тому подобные объекты. Но в свете вышесказанного картина предстает совсем иной. Причина, по которой творение никак не влияет на Б-га, заключается не в том, что Б-г совершенно отстранен от творения. Наоборот, Он и Его творение – одно. Именно поэтому творение и не может оказать никакого влияния на Б-га.

Итак, значение приведенной выше формулы – самоописание Б-га. Так как до творения существовал один только Б-г, то же верно и после творения: ведь и поныне лишь одно сущее – Б-г. Ибо Он – само определение всего сущего. А тем самым Он – субстанция творения. Именно поэтому природа – Б-жественна. Да и сама Материальная сущность земли, ее, так сказать, «физичность», – принадлежит Б-жественности.

Извлечение

Эти два подхода различаются не только на уровне идеологии, но и на уровне практики. Как достигается духовность? Философы того типа, о котором мы говорили, считают, что для этого необходимо преодолеть пределы, положенные человеку этим миром. А для этого – и прежде всего! – ему следует отрешиться от уз материальности, чтобы достичь «возвышенного» состояния, открывающего путь к духовным измерениям. Ведь пока человек пребывает в ловушке этого мира со всеми его ограничениями, он не способен постичь, что есть истинная духовная реализация, ибо Б-г «отстранен» от Его творения.

Что до иудаизма, то он настаивает: духовность обретается не на пути «бегства» от природного порядка вещей. Чтобы достичь духовного мира, надо считать «шелуху» внешнего, замутнящую Б-жественность, присутствующую в творении. И тогда – непременно удастся увидеть, что Б-г явлен в мире и манифестирует Себя в нем.

Сторонники иных учений убеждены, будто Б-г и мир противоположны друг другу. И будто бы для того, чтобы достичь Б-жественного, надо отбросить все мирское.

Мы же, напротив, верим, что Б-г не ограничен сферой духа и что Его можно обнаружить как в Его творении, так и во всей иерархии космического порядка. Именно в этом – смысл нашего существования, нашего присутствия в этом мире. «Возжелал Б-г, чтобы было ему жилище в нижних». Наша задача не в том, чтобы создать что-то, не существовавшее ранее. Задача наша в том, чтобы открыть Б-га, погруженного в творение. А значит – проявить, что нет разделения между материальным – и духовным, бесконечным – и конечным.

Вот почему мицвойс в первую очередь свидетельствуют о физических действиях с физическими объектами. Ибо только так мы и можем открыть, что Б-жественное присутствует даже в самых материальных и мирских аспектах творения. А ведь именно в выявлении этого поистине непреложного факта и состоит цель нашего бытия.

יִמְצֵא יִמְצֵא

После этого объяснения мы лучше поймем утверждение Раши, приведенное в начале. Так почему же в Торе избрана именно мицва шмита, требующая воздерживаться на седьмой год от обработки данного надела земли?

Избрана она для того, чтобы на ее примере было понятно: насколько все заповеди, которым мы были научены на горе Синай, даны и в целом, и в подробностях. Но ведь для этого «раскрытия» заповедей могла бы быть избрана «более фундаментальная» мицва, требующая дел милосердия или соблюдения Субботы.

Однако мы видим, что именно шмита аккумулирует в себе цели и назначение всех заповедей. В год шмита не следует работать на данном наделе. В этом выражена полнота веры и повиновения Б-гу. Выражена также и убежденность в том, что Он ниспошлет нам необходимые источники пропитания – путями, превосходящими порядок природы. Ведь все прочие аспекты жизни в седьмой год остаются теми же: совершаются все работы, кроме работ на этой земле. В такой год запрещены только занятия земледельца.

Тем самым нам раскрывается само глубинное значение заповедей, призванных выявить сверхприродный порядок в природе: Б-жественное – в мирском, дух – в материи. Вот почему шмита – источник, из которого «выводятся» все остальные мицвойс. В этой заповеди в концентрированном виде выражено само предназначение всех мицвойс, как и предназначение творения. При том, что Шабос также олицетворяет взаимопроникновение духа и материи, Субботой управляет столь много специальных законов,

Рамбам (Законы о человеческих характерах, 2:3) говорит, что во всех проявлениях нашего характера разумно помнить о «Золотой мере» (ср. «Поучения отцов» 4:4). Но помнить нужно за исключением одной только гордыни – ее немедленно следует подавлять. То есть человек должен быть не скареден, не склонен к мотовству, но – щедр; не труслив, не безрассуден, но – храбр; не упрям, не излишне уступчив, но – покладист. Сказанное не означает, что в поощрении «самости» нет совсем уж ничего позитивного. Ведь во всем сущем, что есть в этом мире, обязательно присутствуют некие положительные качества. Ибо все происходит от Него, а сущность Его есть благо.

Но при том, что мы можем обладать достаточной мощью для того, чтобы обращать многие «негативные» качества во благо и на службу Б-гу, существуют и иные силы. И они столь могучи, столь склонны к порче и разложению, что мы должны отдавать себе отчет: любая наша попытка с ними совладать и обратить их во благо обречена на провал. Однако бывает, что на какое-то время «позитивная» сердцевина самого «негативного» явления всплывает вдруг на поверхность: когда Б-жественная сущность проявляется «поверх всего», вопреки любой порче, распаду и разрушению.

Подобное произошло и с теми, кто в пустыне подошел к Моше с претензиями, что они не принимали участия в первом Пейсах. Инстинкт, толкающий их думать о себе, обрел не форму желания доминировать или получить чувственное удовлетворение, но – форму желания послужить Создателю, пусть даже – ожесточенного желания. И их крик: «Почему мы должны быть лишены соучастия?» указывает не только на потребность иметь и быть, но и на потребность давать и служить, выразить признательность Б-жественному подателю их свободы. В просьбе, с которой они обратились к Моше, фермент, «закваска» «я», был не только антитезой скромности и самозабвения, но, скорее, – продолжением этих качеств. Маца и закваска сосуществовали в их душах бок о бок. «Я» – толкало к благим поступкам. А самореализация – вела их к признанию того, насколько человек обязан Б-гу.

И на второй Пейсах, праздник, явленный нам в ответ на их самовлюбленный вопль, нет нужды запрещать хранить в доме закваску. Ибо когда «я» утверждает себя вот таким образом, то оно – вполне желанный соучастник в нашем праздновании свободы. Свободы, обретенной нами с Исходом, – свободы Б-жьего народа.

Ēāā āā-īī ād

ĒĒĪ ĀĀŪ Ē ĀĀĪ ĪŌŪ

Ēāā - āāāāāēāōōā, īāāāīāīāy ēç āāēā ēāī āā ē āēī ē, īāāāāpūēō ÷ēēĪ 39. Ā āā-īī ād - āāēāēūī ī çī ā-ēō «ēçīōī āāīīē ī ādī».

Ōī āāōū - ēç īāēāāāyōēāīāīā īāēīāā ÷ōī īōī-ēōūāābō, īā-ēīāy ī āōīōā āy Īāēīāā: ēīāā ā ēā-āāōāī āāōāū ā Ōāī īōēīīēē īī ād (ī āā īāūāī ā) ŷ-ī āīy. Ē, īōēāā āīāā, ŷōīō āāī ū āīīōēēōāōīy īō-āī ēāī ēāāēū.

Āāī ū āāā-ī ūē

В этот день отмечают годовщину смерти рабби Шимона бар Йохая. Он – автор одного из главных кабалистических сочинений – трактата Зогар. Слово это буквально означает «свечение» или «сияние», поэтому обычно название этого трактата переводят как «Книга Сияния».

Рабби Шимон велел своим ученикам праздновать годовщину его ухода в мир иной. И при этом подчеркнул, что сам он считает этот день «днем свадьбы» – йом ил-ула. Дело в том, что смерть – это завершение земной жизни человека, ее кульминация. В случае с праведником – это еще и высшая точка его жизни, когда жизненная миссия достигает своей полной реализации.

Именно поэтому рабби Шимон говорил об этом дне как «дне брачном». В связи с этим следует еще помнить: физическая жизнь является браком мужского начала – духа и женского начала – материи.

Кабала – мистическая душа Торы, тот элемент, что ближе всего к ее духовной сущности. Вся Тора, включая талмудические истолкования законов, применяемых к случаям, когда «двое держатся за одни одежды» или «о продаже коровы за осла» (Талмуд, Бава Мециа, 2а, 100а), – мудрость и воля Б-га. И тот, кто размышляет над ними и вбирает их в себя, тем самым пролагает себе путь к постижению Самого Б-га.

При этом, однако, Б-жественная мудрость постигается в ее земных «одеяниях». Ведь «когда человек ...понимает и постигает какой-либо закон Мишны или Геморы... этот закон – не что иное, как Мудрость и Воля Б-га. Ибо так пожелал Он, что если, к примеру, Реувен будет что-либо определенным образом утверждать, а Шимон подобно ему ответит, то решение их спора должно быть также некоего определенного рода. И даже если никогда не произойдет обсуждения подобных утверждений и контраргументов, все же Воля и Мудрость Всевышнего – выразилась. Она в том, что если кто-нибудь будет нечто подобным образом утверждать, а кто-то другой отвечать ему, – их спор должен разрешиться так, как сказано в законе.

И поэтому, когда человек узнает и постигает разумом это решение в виде закона Мишны, или Геморы, или кодификаторов, тем самым он постигает, схватывает и объемлет разумом Волю и Мудрость Всевышнего, благословен Он. Ибо мысль не способна постичь ни Его, ни Его Волю и Мудрость иначе, как при их облечении в открытые нам законы... Это удивительное единство [единение человеческого разума с Б-жественной мудростью], которому нет ничего подобного. И в вещественном мире не существует такого

совершенного единства со всех сторон и во всех отношениях» (Тания, гл. 5). Таким образом, Б-жественная мудрость узнается в ее земных облачениях так, как она явлена в мирском и обыденном.

И поэтому «Тору сравнивают с водой. Подобно тому, как вода стекает вниз с высоты, так Тора спустилась с места славы ее – Воли и Мудрости Б-га, благословен Он... оттуда она простиралась и спускалась все ниже в укрытии ступеней, от ступени к ступени в ходе поступенного нисхождения миров, пока не облеклась в материальное и проблемы этого мира, к которым относится большинство заповедей Торы и связанных с ними законов...» (Тания, гл. 4). С другой стороны, когда идет речь о самой душе Торы, то форма, как и суть ее – Б-жественны. Ибо кабала обсуждает не финансовые споры и торговлю скотом, но – Б-жественные высказывания, небесные атрибуты и формы Б-жественных энергий. Если изучающий Талмуд знает, что бренность всех объектов его штудий – лишь раковина, скрывающая в себе Б-жественную сущность, то сознание кабалистов получает Б-жественную мудрость в сосуде, что значительно прозрачней. И сквозь его стенки проникает свечение, испускаемое Б-жественным и духовным, – содержимым этого сосуда.

Qdei Ia e i'iaiai ia ia ooi

Когда в Талмуде приводится доказательство, разрешающее спор двух мудрецов или некую юридическую сложность, то часто оно вводится фразой: То шма – «Иди, послушай» или «Иди, пойми». Ивритское слово шма означает и «слышать», и «понимать».

В Зогаре вводная фраза, выполняющая эту функцию, принципиально иная: То хази – «Иди, смотри». Разница между этими двумя сторонами Торы подобна различию между созерцанием воочию явленного и слушанием и постижением сказанного или рассказанного. И зрение, и слух – органы восприятия, получающие соответствующий раздражающий сигнал и передающие его в мозг, где происходит интерпретация полученной информации. Однако существует некоторое различие в том, как оценивается поступающая информация.

Из всех способностей восприятия мы более всего доверяем зрению. Ведь то, что мы видим, мы «видим собственными глазами». Так что информацией от других органов восприятия или рациональными доказательствами практически невозможно опровергнуть то, что мы знаем благодаря зрению.

Что до слухового восприятия, то оно не столь отчетливо позволяет нам интерпретировать полученную информацию. Мы доверяем нашему слуху, но все-таки не как зрению. То, что мы слышим, воспринимается нами как факт, нуждающийся в «подтверждении». Но то, что мы видим, воспринимается нами как реальность.

Тот, кто размышляет над «телом» Торы, достигает знания Б-жественной реальности. Однако это остается «тем, что поведано на ухо» – информацией из вторых рук. Информацией, связанной со своим носителем, который слишком принадлежит этому миру. И лишь изучая «душу» Торы, мы приходим к «видению» Б-жественности. Приходим к восприятию реальности Б-жественности более непосредственным и свободным от обусловленности образом.

Aakelemae

E'NOE'I U'E NI U'NE DAQA'E'OE'B

I'at e'q ba'ba'e'od'at u'o +a'el'aa:-a'el'e'o i'at'e'nd'a - no'dai e'at e'a e' da'qa'e'oe'p. A'el'e' yoi' no'dai e'at e'a i'm'ci'aa'o'ny', oi' ei' i'ue'ni e' e'ci'at'e'p, d'ino'o' i'e'no'ai' a'oe:-a'el'e' a'el'e'e'aa'o'ny'. A' ei'uo' i'e'o:-ay'o +a'el'aa'e' em'u'ou'aa'o' i'at'i'daa'e'at'ia' a'ani'te'f'end'at e' i'ay'm'ia' a'e'aa'e'a +oi'-oi' e'ci'at'e'ou' A' i'no'ba'e'ia' y'oe'o' a'e'aa'e'e' - no'dai e'at e'a' a'oe' e' a'oi'at' i'i' o' d'ino'o' i'uo'u'aa'e'a' i'a' i'i'ci'at'ia'

Yoi' - i'f'e'oe'at'ia' e'a:-a'no'at', a'it'aa'ep'ua'a' i'ai' o' i'oe'oi'ao' +a'el'aa:-a'el'e' a'oe'. E'at' i'e'aa'i' i' ai' a'oi'oe' a'aa' e'ie'e' «O'at'e'y»: a'oa' +a'el'aa'e' - +a'no'e'oa' a'aa'at'e' i'ie' i'uu'i'no'e' i'aa'oa' E' a' i'e'o' yoi'aa' a'ny'e'a' i'iu'oe'e' q'aa'e'oe'ou' e'no'e'i'ue' i'i' u'ne' i'ao'aa' no'dai e'at'e'y' e' aa' i'at'i' o' e' i'at'i' o' d'at'p' a'aa'o' i'u'ou'aa'o'ny' i'at' e' e'ae' i'ai' i'at' ai'. A'el'aa' o'ia', a'aa' +a'el'aa'e' i'no'e'aa'o' e'no'e'i'ia' i'el'aa'e'a' a'ua'e', i'i' a'aa'o' i'no'iy'i' no'dai e'ou'ny' e' o'i' o' +o'ia'u' a'no'e' u' a'el'aa'aa' ci'at'e'y' i'aa'a'

A'te'no'e'io' A'-a' i'a' a'aa'ao' i'aa'at'e' a'el'e', e' A'-a'no'aa'i'ue' i'oa'io'ae' a'io'oe' i'aa' i'oda'aa'o' a'aa'e'i'a' i'no'u' O'at'oa'. E' a'aa' - yoa' +a'no'e'oa' A'-a'no'aa'i'ue' i'ee'aa' i'a' a'ni'te'oe'ny' a'at'ino'p', i'i' no'dai e'ou'ny' a'aa'oa' e' a'aa'oa' i'i' i'at'ai' i'aa'e' i'aa'aa' a' O'at'e'e'i' (84:8) «E'ao' i'ie' i'o' i'e'u' e' i'e'a'».

E'aa'aa' i'oe'i'ny'ua'y' da'at'no'u

Однако при том, что стремление к развитию свойственно всем без исключения, выражается оно у всех по-разному. Мы все хотим двигаться дальше, развиваться, но многие не знают, с чего начать. И нехватка знаний изначально тормозит саморазвитие. Как же человек вступает на путь бесконечного совершенствования?

Ответ на этот вопрос может быть получен из разбираемого здесь фрагмента Торы – Ваикро. Он начинается словами: «Им бехукойсай телеху» (26:3) и обычно переводится так: «Если по установлениям Моим будете вы поступать».

Слово «телеху», переводимое как «поступать согласно чему-то», означает также и «отправляться дальше». Мало того: в Теилим (84:8) и некоторых источниках оно трактуется как отсылка к представлениям о личном росте (см. также: Зхарья, 3:7).

«Бехукойсай» – в переводе «Мои установления» – отсылают к особой категории мицвоис, именно к тем, что относятся к хуким. Такими отсылками явно предполагается, что личностный рост определяется тем, насколько усвоены уроки хуким.

בַּעוֹיֵסֵי הַיַּיִן אֵלֶּיךָ לְפָנֶיךָ

Слово «хок» означает «вырезать (надпись, рисунок) на жестком материале». Зададимся вопросом: в чем состоит разница между написанием текста и вырезыванием текста на камне? Ответив на него, мы поймем и внутренний смысл хуким, и их влияние на нас.

Во-первых, в отличие от письма, для того, чтобы вырезать текст на камне, нужно приложить серьезные усилия. Письмо тоже, хотя и попадает в одну из 39 категорий работ, однако усилия пишущего несравнимы с усилиями резчика.

В этом контексте Раши толкует слова: «Им бехукойсай телеху» как «если ваши труды в изучении Торы», при этом относящиеся не только к самому изучению, но также предполагающие ревностное обращение к Торе. Независимо от влияния на личностный рост подобное отношение к изучению Торы само по себе – добродетель (Тания, гл. 15). Когда человек именно так относится к чтению и изучению Торы, ее слова «вырезаются» на его сердце. Даже если сердце его твердо, как камень, вода Торы просочится в него. Это представление соотносится с историей о рабби Акиве, которого подвигло на изучение Торы зрелище воды, пробившейся сквозь скалу.

Вот первый ключ к личностному росту. Духовность невозможна без жертвенности. Поле не даст урожай, если до этого его не вспахать и не засеять. Чтобы Б-жественный потенциал в каждом из нас дал плод, необходимо приложить серьезные усилия.

Вне противопоставлений

Между письмом и гравировкой есть и еще одно различие. Когда мы пишем, поверхность, на которую наносим буквы, и чернила – две разные сущности. Но когда мы вырезаем надпись на камне, сама надпись и камень – сущностно одно: они неотделимы друг от друга. Также в Овойс (3:11) фраза «Даже если обладает он Торой и мицвойс» объяснена следующим образом: в оригинале на иврите для передачи значения «он обладает» использованы слова «еш бе-ёдой», буквально означающие «иметь в руке». Такой человек может соблюдать Тору и заповеди, но соблюдает их, «держа в руке». То есть они – не стали частью его внутреннего «я». Это – указание: сколь важно проникнуться Торой внутренне, сделать ее учение частью своего «я». Шагом вперед на этом пути будет соблюдение Торы даже тогда, когда это противоречит нашей натуре. Но глубинная приверженность служению Бгу подразумевает преобразование нашей природы, когда мы переплавляем нашу сущность и она становится лишь отражением Его воли.

Это – второй урок хуким: человек и Тора не должны восприниматься как две разные сущности, но должны слиться в единое целое.

Эти два урока – взаимосвязаны. Ибо, как мы объяснили, усилия в изучении Торы способствуют тому, что истина Торы проникает в сердце. Этот уровень духовного развития персонифицирован Моше. Отражено это в Bemidbar (11:15): «И дам Я траву на поле твоём для скота». Моше здесь говорит от имени Б-га, используя грамматическую форму «от первого лица». Такое возможно потому, поясняет книга Зогар (III, 232a), что «Б-жественное присутствие говорило его устами». Моше был совершенно слит с Торой.

И именно такой подход ведет человека к настоящему духовному росту, когда он переходит пределы, положенные ему восприятием, и перед ним распахиваются необъятные горизонты, открываемые Торой.

כִּי יִדְאַעְאֵי עֵינֶיךָ אֵלֶּיךָ

Сказанное подводит нас к третьему истолкованию хуким, ибо этот термин относится к измерениям Торы, превышающим наше понимание.

Усилия, направленные на изучение Торы, приводят человека к осознанию истины: каждый аспект, каждая грань Торы – даже кажущиеся вполне постижимыми для интеллекта смертного, по сути – необъятны. Ибо Тора – мудрость Б-га. И, как поясняет Тания (гл. 4), «мысль совершенно не постигает Его, как не постигает она и Его атрибуты». Рамбам (Законы основ Торы, 2:10) объясняет: «Он – знающий... и Он есть само Знание. Все есть одно».

Более того, усилия при изучении Торы ведут не только к осознанию беспредельности мудрости Торы – они ведут также к тому, что эта беспредельность становится частью внутреннего мира изучающего. В процессе изучения изменяется само мышление изучающего. И тогда бесконечные измерения Торы становятся одним целым с самой сущностью человека.

וְיִתְעַלֵּי אֵלֶיךָ לְפָנֶיךָ

Главу Бехукойсай часто читают в соединении с главой Беар. На поверхностный взгляд эти два фрагмента Торы дают нам совершенно разные подходы к человеку. Ибо Беар возвещает о личной стойкости, об укреплении своего «я», а Бехукойсай – сконцентрирована на теме преодоления границ личности.

Тем не менее, по мере того как мы пытаемся приложить уроки, вынесенные из этих двух чтений, к нашей жизни, мы осознаем: они дополняют друг друга.

Когда сила, о которой повествует глава Беар, покоится за пределами «я», как учит Бехукойсай, тогда человек открывает в себе глубинные, куда более могучие ресурсы. И они превышают те, на которые можно рассчитывать, опираясь лишь на себя.

С другой стороны, преодоление границ «я» возможно лишь тогда, когда человек обладает достаточной внутренней силой, необходимой, чтобы отринуть «самость».

СїаòüА-æаїòáííîüА-ä

Многие из чтений Торы сфокусированы на том, какова награда соблюдающим Тору и как воздастся не соблюдающим ее.

Можно задаться вопросом: когда человек осуществил тот выход за пределы «я», о котором говорит раздел Бехукойсай, что ему до награды? На эту тему известно изречение Алтер Ребе: «Не хочу Твоего Мира. Не хочу Твоего Эдемского Сада. Все, что я хочу – это Ты». На самом деле, лишь тот, кто воистину признается Всевышнему «хочу одного Тебя», может во всей полноте воспринять награду, связанную с Торой и мицвойс по воле Бга. Пока человек озабочен своими желаниями и стремлениями, всякая награда, в том числе и награда за соблюдение Торы, будет восприниматься им лишь в контексте этих желаний. Когда же человек выходит за пределы своей индивидуальной воли, материальная одержимость несущественным отступает. И он тогда различает, что Б-г есть добро и благо.

Тем самым создается структура, укрепляющая самое себя. Она помогает человеку продвигаться дальше в изучении и соблюдении Торы, которая сама есть награда.

Когда же это распространится на всех людей, мы в полной мере сможем возрадоваться благословениям, упоминаемым в Торе. А именно – когда наш народ вернется в свою землю, ведомый Мошиахом. Ибо сказано в главе 26 Ваикро (5,6): «И сходитьсь будет у вас молотьба со сбором винограда... и будете есть хлеб свой досыта... И установлю я мир в стране, и когда ляжете, никто не будет вас тревожить».

ΕΪΤΙ Ο Ι ΟΑΙ Α Ι ΔΑΙ Ι ΕΣΤ ΑΑΙ Ι ΑΒ ΔΑΕΕΑΕΒ? ***ὁαὶ ἀδὰ Ὀαὶ ἐεεῦ***

Кому нужна организованная религия? Безусловно, не нам. Ведь мы – потомки Авраама, человека, который самостоятельно искал Б-га, который послушался обращенного к нему лично призыва Б-га оставить свой край и свой дом. Он ушел от «организованной религии»

Месопотамии, но не основал свою собственную религию. А пророки разве не осуждают притупляющее воздействие «организованной религии»?

Иудаизм всегда относился к числу наименее организованных религий. И многое говорит, что это было только к лучшему! Большинство заповедей можно выполнять индивидуально или в уединении собственного дома, где присутствуют только члены семьи. Кворум, требуемый для миньяна, – всего десять человек! А если нам хочется изучать Тору, ну что ж, можно просто сесть за книгу вместе с кем-то более знающим, чем мы сами. Вряд ли это может быть названо «организованной религией»! К чему же нам большие синагоги со всеми их курсами лекций? Наиболее веский аргумент в пользу организации – необходимость образования для детей, но и эту задачу можно осуществлять в небольших масштабах.

Когда мы жалуемся на заорганизованность религии, мы тем самым признаем, что она легко может оказаться выхолощенной. Об этой тенденции писал в своей знаменитой книге «Одинокий верующий» великий раввин Йосеф Соловейчик. Наши религиозные общины зачастую превращаются, по его выражению, в «величественные общины». Религия становится своего рода творческим опытом гуманного овладения миром, способом получать личное удовлетворение и удовольствие, которые возвышаются над животным стремлением к самосохранению потому, что дают нам ощущения комфорта и счастья.

Однако зачастую нам чего-то не хватает – не хватает ощущения встречи «сердца с сердцем», которое бывает в «Общине завета», как называет ее раввин Соловейчик. В «Общине завета» мы открываем друг другу свою внутреннюю сущность, раскрываемся до последнего предела и убеждаемся в уникальной правоте каждого. Но это трудно найти во многих наших религиозных общинах, где мы погружаемся в заботы о наведении порядка и сохранении организационной структуры. А затем, поскольку мы не находим в синагогах этого особого качества, у нас возникает искушение выйти из общины и начать поиск подлинно глубоких отношений где-то еще, зачастую просто в дружеских отношениях, которые преподносит нам жизнь.

Но это не решает проблему, потому что на вопрос «Кому нужна организованная религия?» существует иной ответ: «Она нужна Б-гу!» Б-г нуждается в человеке. Б-г просит нас изменить этот мир. Если нас тянет к интимному общению с Б-гом, мы можем обращаться к Б-гу в своем собственном доме. Но ведь мы призваны также преобразовать мир вообще! Возможно, лично нам кажется предпочтительней более интимный путь общения с Б-гом, тот путь, которым следовали Авраам и его спутники. Однако Б-г хочет, чтобы мы помнили также и царя Давида и его сына Соломона, построившего Храм, свет которого воссиял во всем мире.

В руководимых Б-гом связях, которые мы формируем, будь то в синагогах или вне их, мы находим пищу для себя. Источниками вдохновения могут быть наши супруги, наши лучшие друзья, наш раввин или дантист. Но, откуда бы ни исходило вдохновение, мы должны, черпая эту энергию, поставить ее на службу общине, Общине завета, действующей в рамках «Величественной общины». Иудаизм утверждает, что, в конечном счете, личное неотделимо от общественного. Воля Б-жья проявляется и там и тут.

Возможно, мы по-разному относимся к этим двум уровням человеческих связей, они рожают у нас неодинаковые чувства. Это объясняется тем, что мы страдаем от разлада между душой и телом, между внутренним и внешним. Нужно преодолеть этот разлад, сделать так, чтобы «Величественная община» более полно отражала цельность интимной религиозной общины – Общины завета.

Чтобы объединить эти два мира, придется чем-то пожертвовать. Возможно, потребуется преодолеть бюрократические препоны, мириться с людьми, которые находятся не на одной с нами духовной «волне». Нужно ежедневно снова и снова рисовать себе образ общины, которую мы стремимся в конечном счете создать. Нужно добиваться, чтобы она стала изливать больше света, любви и доброты, чем тогда, когда мы только приступили к нашей работе. Это жертвенное действие и есть наша отдача Б-гу. Мы идем в синагогу не для того, чтобы получить, а для того, чтобы отдать!

Когда мы делаем это, выявляется еще одна истина: именно в религиозных организациях мы, скорее всего, найдем то, что в кабале названо нашими «спутниками», то есть людей, которые идут теми же духовными путями, что и мы. Правда, в синагогах есть люди, которые пришли туда по посторонним причинам – либо потому, что их дети ходят в еврейскую школу, либо потому, что они чувствуют себя обязанными придерживаться религии отцов и дедов. Но и такие причины – тоже соединяющая нить, желание находиться в Общине Завета, желание, проявляющееся от поколения к поколению.

Однако большинство верующих приходит в общину по гораздо более глубоким причинам. Они – тоже в поиске! Стоит нам глубже раскрыть себя, как мы, возможно, обнаружим, что рядом с нами сидит новый Спутник. Поэтому, прежде чем выйти из состава общины, присмотритесь, проанализируйте свои отношения с организованной религией. Если вы обнаружите, что ваши порывы, действительно, не встречают отклика, может быть, вам надо поискать этот отклик где-то еще. Но не исключено, что вы найдете новый способ установить контакт с людьми именно здесь, где вы находитесь сейчас. И это поможет вам преобразовать свою локальную

организованную религию в живой религиозный организм – сияющий центр жизнеспособности, радости и надежды.

І І А І Н О È Ó Á Á Д А Ò È È Á А Д А Е Н È È Ò І А Û È І

Ò È Д А І Û І А Ä І А І È І А Ä È Ä Ñ Ò І Û

Пурим – это всегда сказка. Но как в каждой хорошей сказке, в ней есть много такого, что делает нашу жизнь ярче, выразительнее, добрее. Без сказки действительность становится тусклой, бесцветной. Так бывает в детстве, но и в зрелые годы мало что меняется...

Вот что написала нам Марина Зарахович из Донецка.

«Сколько она сказок знала: про отважных принцев и прекрасных принцесс, про Золушку и Снежную королеву... Но только один раз в году я слушала сказку про героев с необычными именами. Были в той сказке персидский царь Ахашверош, мудрый Мордехай и смелая, прекрасная Эстер. Мне разрешали кричать при упоминании злодея Омана, который хотел убить всех евреев. В тот день бабушка пекла треугольные коржики со сказочным названием оменташа и делала мне корону, в которой я ходила целый день. “Бабушка, а почему звездочки на короне – шестиугольные?” – “Это особенные звездочки, они дают силу. А сейчас – давай веселиться, ведь сегодня Пурим!” Много лет прошло с тех пор. Давно уже нет бабушки, корона обветшала, но вот те самые звездочки на ней до сих пор горят, придавая силу евреям, освещая веселый праздник Пурим».

Пурим – это праздник избавления.

В многовековой истории евреев ситуация всегда складывалась как-то так, что самые страшные, самые трагические события часто оказывались прямо или косвенно связанными с праздником Пурим. У всех еще в памяти 1991 год: тогда, во время войны в Персидском заливе, новоявленный Оман обстреливал ракетами мирные израильские города. Было ли такое когда-нибудь в истории, чтобы воевали с одним государством, а бомбили другое, не воюющее?.. Даже в конце жестокого XX века такое казалось необычным. Однако после американской трагедии 11 сентября ничего невероятного в мире, кажется, больше нет...

Та война, как мы помним, закончилась аккуратно в Пурим: Оман поджал хвост. В этом году в пуримские дни все человечество пребывало в лихорадочном напряжении, – и наконец, очередная война разразилась сразу после этого нашего праздника... И сегодня мы молим Б-га о том, чтобы наши братья в Израиле не пострадали в этой первой полномасштабной войне XXI века...

– События многовековой давности, о которых мы вспоминаем в дни праздника Пурим, – сказал в своем праздничном поздравлении главный раввин Хабаровска Яков Снетков, – каждый раз напоминают нам о самом важном. О том, что, хотя мы и разбросаны по всему миру, но нас объединяет особый образ жизни, определенный Торой. Пурим напоминает: когда евреи соблюдают заповеди Торы, тогда ни народы, ни государства не властны над нами.

...Каждый год – и во все времена! – евреи отмечают Пурим. Чтобы не забыть, как скорбь и плач наши обернулись победой и радостью!

В зале ДК «Первомайский» Петербурга на празднование Пурима собралось около 300 человек – ученики школы «Бейт Сефер Менахем», их родители, бабушки и дедушки. Выступали со сценками, стихами, танцами ученики начальных классов. Чтение Мегилас Эстер сопровождалось показом слайдов с историческими сюжетами.

После выступления школьного хора был показан большой спектакль, в котором традиционный пуримшпиль тесно переплетался с событиями, посвященными трехсотлетию Петербурга. Прошел также и конкурс «Мисс Эстер» – уже для мам учащихся школы. Все конкурсантки настолько соответствовали образу легендарной героини еврейского народа, что жюри даже не смогло... выбрать победительницу!

В клубе «Порт» праздновала Пурим еврейская молодежь. Это веселье было организовано по инициативе общинного центра Петербургской еврейской религиозной общины «Бейт-Хабат» при активном участии студенческой организации «Гилел», молодежного отдела Еврейского агентства в России и Израильского культурного центра. Праздник открыл руководитель «Бейт-Хабат» раввин Цви Пински. В клубе собрались более 400 гостей. А пивоваренный завод «Степан Разин» активно помогал присутствующим исполнить одно из непреложных правил Пурима – выпить от души и повеселиться.

Весело прошел Пурим в еврейской общине Петрозаводска. А начался он с чтения Мегилас Эстер в синагоге, где собрались члены религиозной общины, активисты общества «Шалом» и благотворительной организации «Хесед Агамим». Состоялся также праздник для пожилых людей – участников программы Хеседа «Теплый дом». Но самыми шумными стали, конечно, детские утренники. Ученики еврейской воскресной школы «Йом ришон» подготовили пуримшпиль и показали его своим соученикам. В молодежном клубе также состоялся пуримский веселый вечер. А на праздник общины собрались все.

В Архангельске отпраздновали Пурим, организованный еврейской общиной, благотворительным фондом «Хесед Ахим», архангельским представительством ЕАР при поддержке ФЕОР, Джойнта и местных бизнесменов. Торжество прошло в столовой «Россиянка», где собралось около 170 человек. Все гости при входе получали маски – эти традиционные обязательные атрибуты самого веселого еврейского праздника.

А в городе Боровичи впервые после открытия синагоги состоялось чтение Мегилас Эстер. Все, как и положено, шло празднично и в соответствии с еврейской традицией. Сам же Свиток Эстер был доставлен из Петербурга.

В Брянске праздник Пурим стал заметным событием для всего города. Все потому, что этот веселый праздник вышел за пределы иудейской общины. На нем смогли побывать не только евреи, но и все, кто интересуется историей, религией и культурой еврейского народа.

Зал ТЮЗа на триста мест был заполнен. Актеры театра драмы Олег Самойлов и Наталья Корнева поставили пуримшпиль с участием учеников еврейской школы. Веселые клоуны – актеры ТЮЗа – заслуженный артист РФ Владимир Аверин и его коллега Михаил Лаврушин сумели создать атмосферу настоящего карнавала. Представитель администрации поздравил собравшихся от имени главы области губернатора Юрия Лодкина.

Пурим также широко отмечали и в еврейских общинах Брянской области – в городах Новозыбкове, Сураже и других.

В Клинцах, например, праздновали более полутора человека: примечательно, что празднующих оказалось вдвое больше, чем в прошлом году. Евреев от имени местных властей поздравил глава городской администрации. А молодая община Унечи вообще отмечала Пурим впервые.

В нынешнем году в празднике Пурим участвовало около 200 евреев Орла. Особенно много было детей и молодежи. В зале областной филармонии выступил клейзмерский ансамбль «Шалом». А в воскресной еврейской школе Рославля ученики и учителя показали веселый пуримшпиль.

В Костроме было организовано посещение еврейских домов – «Операция Шалахмонес», как ее назвали в общине. В этих «походах» участвовали не только взрослые, но и дети. А праздничным вечером в Камерном театре под руководством Бориса Голодницкого – лауреата премии имени Соломона Михоэлса – состоялся пуримшпиль. Отметили Пурим и в детском саду «Ор Авнер».

А в Рыбинске сыграли пуримшпиль ученики и преподаватели воскресной еврейской школы и ансамбль «Эстер» женского клуба «Бат Хава».

Праздничный вечер в Волгограде стал результатом слаженной работы недавно созданного по инициативе председателя совета ВЕОЦ Яэль Иоффе координационного совета, куда вошли руководители еврейских организаций области. В холле зрительного зала работала книжная лавка, где каждый мог приобрести еврейские периодические издания, книги. Вечер открыл главный раввин Волгограда Залман Иоффе. Впервые зрители увидели на сцене новый проект молодежного клуба общины – вокально-инструментальный ансамбль, пока не имеющий даже названия. А «гвоздем» программы стало выступление клейзмерского ансамбля «Симха» из Казани. И музыканты полностью оправдали название своего ансамбля: ведь «Симха» значит радость.

В государственном цирке Екатеринбурга состоялся большой праздничный концерт. В огромном помещении в этот вечер собрались на Пурим свыше трех тысяч зрителей и участников. Среди гостей праздника было немало представителей власти. Среди них – глава Екатеринбурга А.М. Чернецкий, заместитель председателя областного правительства С.И. Спектор, министр здравоохранения области М.С. Скляр, заместитель главы города В.Г. Тунгусов, депутат Екатеринбургской городской Думы Я.Л. Габинский и другие.

Ведущий программы, заслуженный артист России А. Бродский зачитал поздравление от полномочного представителя президента РФ в Уральском федеральном округе П.М. Латышева. В концерте приняли участие артисты Московского еврейского театра «Шалом» и ансамбля «Фрейлехс», звезды российского цирка, Образцовый оркестр штаба Приволжско-Уральского военного округа с еврейской программой, а также детские коллективы – хор мальчиков «Пирхей Русия» и танцевальный ансамбль девочек – учениц екатеринбургской еврейской общеобразовательной гимназии «Ор Авнер». Праздничные торжества и чтение Свитка Эстер прошли в Екатеринбургской синагоге и в гимназии «Ор Авнер». В большом молодежном празднике приняли участие несколько сот человек.

Отметили Пурим и евреи городов Свердловской области – Серова, Верхней Пышмы, Полевского, Ревды. Пурим в Каменске-Уральском совпал с трехлетием общины, так что местным евреям пришлось отмечать сразу два праздника. На пуримшпиль в форме КВН, в Новоуральске собрались больше ста человек. А в Нижнем Тагиле двести человек пришли в зал музыкального училища. Там их встречали дети в маскарадных костюмах, изготовленных своими руками на занятиях воскресной школы. Духовой оркестр играл еврейские мелодии. На следующий день собрались 75 членов клуба «Интеллектуал». Перед собравшимися выступил ансамбль еврейской песни «Мейдл», а затем – детский ансамбль танца «Родничок» Дворца культуры «Юбилейный» и духовой оркестр.

Во Владивостоке в пуримшпиль участвовали не только люди, но и... куклы. В зале краевого театра кукол на суд зрителей был представлен спектакль «Будем жить!» Его сценарий подготовила молодежная группа ЕРКО Владивостока. В представлении были заняты профессиональные актеры и ребята из «Эстетической студии» еврейской общины. Веселье шло под музыку клейзмерского ансамбля «Ноар».

Вместе с евреями России Пурим отмечали и на всем огромном постсоветском пространстве – от Прибалтики до Средней Азии.

В еврейской школе Риги прошел костюмированный бал. Ребята не только самостоятельно приготовили костюмы традиционных пуримских героев, но и представили каждого из них.

А большой общинный вечер прошел в гостинице «Рига». В программе этого замечательного праздничного вечера приняли участие актеры Театра русской драмы и ансамбля клейзмерской музыки.

В Вильнюсе в честь Пурима был организован концерт артистов из Израиля – певца Джими Ллойда и музыканта-клейзмера Ханана Барсели. А начался праздник с выступления учащихся школы «Бейс Менахем», исполнивших песни о Пуриме. Самые маленькие участники программы порадовали зрителей еврейскими танцами. В антракте можно было приобрести предметы, связанные с иудаикой и непременно оменташн.

В праздновании Пурима участвовали также евреи других больших городов Литвы – Каунаса и Клайпеды.

В нынешнем году в Республике Киргизстан еврейская община ее столицы Бишкека отмечала Пурим в карнавальных костюмах, с танцами, конкурсами и подарками. В конференц-зале отеля «Пинара» собрались около четырехсот человек. Члены правления ОЕKK «Менора» поздравили гостей с праздником, пожелав всем «Оманам» исчезнуть с лица земли навечно, а евреям – радости и веселья, как в дни Пурима.

На Украине Пурим отмечался с особенным размахом.

Педагогический коллектив и учащиеся школы-детского сада «Ор Авнер» стали организаторами праздника в городе Белая Церковь. Проходил Пурим на сцене Дома культуры «Сельмашевец». Собрались более 600 гостей и участников всех возрастов. Приятным сюрпризом было выступление ансамбля еврейской музыки из Коростеня.

Пурим продолжался в школе «Ор Авнер Хабад», где вместо уроков был объявлен «день самоуправления». Школьники представляли раввина, директора, завучей и учителей. На праздник все пришли в карнавальных костюмах. Помещение детского сада украсили фигурками веселых клоунов, разноцветными гирляндами, мишурой, воздушными шарами.

А ученики еврейской школы Кировограда даже смогли побывать в роли кондитеров. После пуримшпиля, конкурсов, викторин, игр и сюрпризов дети прямо в школе пекли традиционные оменташн – «уши Омана». После сладкого угощения им оставалось только развезти «шалахмонес» и вместе с теплыми поздравлениями вручить их пожилым евреям.

В Хоральную синагогу «Золотая Роза» Днепропетровска пришли сотни людей, чтобы послушать чтение Свитка Эстер. «Давно уже в синагоге не хватает мест для всех, – пишет нам Борис Бородин. – И люди стоят в проходах, а дети, одетые в карнавальные костюмы, пробираются между взрослыми, чтобы поближе подобраться к чтению. А все для того, чтобы не пропустить ни слова, но главное – заглушить топотом, криками, трещотками имя главного злодея Омана. Действительно, это – настоящий праздник и для взрослых, и для детей, день единения и общей, ничем не омраченной радости. И даже почтенный главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий в этот день, так же как и все, шумит трещоткой при упоминании Омана».

Пуримшпили проходили на многих «еврейских площадках» города.

– Ведь как получается? – рассказывает Аркадий Пинскер, один из прихожан синагоги. – Внучка в еврейском детском саду – вот вам первый пуримшпиль. Внук – в школе «Ор Авнер» – вот вам второй. А дочка – волонтер в программе «Мазл Тов». Как же не пойти, не посмотреть, сколько всего интересного они придумали для детей и их родителей в фойе оперного театра?! Концерт, организованный «Джойнтом», тоже пропустить никак нельзя. Потому, что – не было еще такого года, чтобы бессменный режиссер Миша Кольванов не придумал что-нибудь новое и необычное. Ну, а на пуримшпиль, организованный еврейской общиной совместно с представительством «Сохнута» и Израильским культурным центром, уж тем более пришлось идти. В огромном зале днепропетровского цирка собрались все мои друзья и знакомые. Все – вместе с семьями, с детьми и внуками. Так что мы все там встретились, пообщались. А ведь это, увы, в нашем возрасте не так часто случается...

Праздничные представления были еще и в хедере, махоне, молодежных клубах общинного центра, «Хеседе Менахем». Участники хора «Голдене Мейделах» с успехом выступали во многих частях города. А студентки еврейского женского педагогического училища «Бет Хана» не только развозили «шалахмонес» нуждающимся, но даже ездили со своим пуримшпилем в Полтаву. Прошли и традиционные встречи учащихся еврейской школы «Ор Авнер – Хабад-Любавич» с евреями, нашедшими приют и покой в Доме для пожилых «Бейт-Барух».

Праздничный вечер в Донецке открыл Большой симфонический оркестр филармонии. Главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий поздравил евреев с праздником, пожелал всем счастья, здоровья и «нахес» от детей. Оркестр сменили коллективы Донецкой общеобразовательной еврейской школы «Ор-Менахем» – хор «Пирхей Донецк» и ансамбль «Симха». Вторую часть концерта вели два веселых скомороха, в которых можно было узнать учителей Оксану Соловей и Орну Гордон. Кульминацией представления, несомненно, стала песня Ахашвероша, Мордехая и Омана на мотив нашумевшей «Бэлль» в исполнении артистов филармонии и солистов хора «Пирхей Донецк».

*Daé, íááíáèè daé í íèí
ííááòííí,
Í í íá íèò èèòíííèòííí
íòèèòííí.
È ó íáííáíá, íáíá íáááèèáá -
íá Yíòáá
Í áòòÁ-áííí íèáò, íáííáíáò
ííá, ííáííí*

*È áí àí, è íí-íþ ááááí Á-áí
í ú í íèèòü
Í á í íæàò í àí, ááááí, íí-áíòüá
èçí áí èòü -*

проникновенно пел Мордехай.

Эстер, юная балерина Катя Маслий, порадовала зрителей чудесным танцем. И, конечно же, всех евреев именно она и спасла...

У пурымшпиля всегда хороший финал!

ПРОИСКИ МЕСТНЫХ ОМАНОВ С ТРЕСКОМ ПРОВАЛИЛИСЬ

Ульяновский еврейский общинный центр решил отметить праздник Пурим в одном из лучших концертных залов города. Это и произошло при немалом стечении народа в Большом зале культурного центра досуга молодежи (КЦДМ) на 1100 мест. Билеты на вечер были проданы, приглашения получили все городские и областные власти. В программу праздника входил пурымшпиль и концерт, в котором, помимо еврейских творческих коллективов, участвовали татарский танцевальный ансамбль, а также мордовская и чувашская вокально-инструментальные группы. Праздника должен был начаться в 18.00, за два часа до него – генеральная репетиция, и вот тут-то – через двадцать минут – во Дворце культуры было выключено электричество. Оказалось, что МП «УльГЭС», получатель денег за электроэнергию, отключило Дворец за долги. Наши попытки связаться с руководством энергетиков результатов не дали, как, впрочем, и попытки дирекции КЦДМ.

Тогда мэру Ульяновска Павлу Романенко и губернатору Ульяновской области Владимиру Шаманову мы передали телефонограммы следующего содержания. «Убедительно просим немедленно вмешаться. Сегодня в великий еврейский праздник Пурим еврейская община арендовала помещение КЦДМ, проданы билеты, оплачен концерт. По решению директора “Ульгэс” г-на Шерстнева именно в этот день отключили электроэнергию. Мы расцениваем это как антисемитскую выходку. Просим срочно вмешаться. В случае срыва мероприятия еврейская община вынуждена будет обратиться к президенту РФ В.В. Путину лично».

Одновременно с телефонограммами мы проинформировали ФЕОР в лице М. Гринштейн. Она, в свою очередь, связалась с руководством и передала просьбу о помощи. Совместными усилиями удалось отстоять праздник, и уже в 16.45 свет включили.

Однако менее чем через час у входа в КЦДМ появился пикет с плакатами антисемитского содержания. Охрана КЦДМ и пост милиции пикетчиков разогнали. Но несмотря ни на что праздник прошел очень весело. На горе всем Оманам...

*È. Ááááçáðíá
Ðóéíáíæè àéè ÒÁÍ ÑÍÁ áíòðáòèèèíííí ðáçèááí òíí Áçáðáèéáçè àí á*

Президент Азербайджана Гейдар Алиев в своем президентском дворце в Баку принял президента Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваева, главного раввина России Берла Лазара и председателя бакинской еврейской религиозной общины раввина Меира Брука. В ходе встречи они обсудили вопросы, связанные с некоторыми общинными проектами и, в частности, с открытием в Баку еврейской частной школы, которое откладывалось в течение более чем восьми месяцев из-за невозможности получить лицензию. В настоящее время эти проблемы решены.

Были также обсуждены проблемы, связанные с инвестициями в экономику. Президент Азербайджана высоко оценил теплые дружеские взаимоотношения, сложившиеся в республике между азербайджанским и еврейским народами. Гейдар Алиев выразил свою благодарность за плодотворное сотрудничество главному раввину европейских евреев, председателю БЕРО Меиру Бруку.

В ходе беседы президент Г. Алиев заявил:

– В Азербайджане никогда не было антисемитизма, евреи всегда принимали активное участие в общественно-политической жизни нашей страны. Среди них было немало известных деятелей науки, культуры, здравоохранения, которые пользовались большим уважением в азербайджанском обществе. Благодаря сложившейся в последние годы атмосфере политической стабильности резко снизился отток евреев из Азербайджана. Евреи в Азербайджане могут жить спокойно.

Президент республики подчеркнул, что лично является гарантом стабильной жизни еврейской общины.

Главный раввин России Берл Лазар поздравил президента Азербайджана с предстоящим юбилеем и пожелал ему крепкого здоровья и успехов в политической деятельности. Раввин Лазар отметил, что Азербайджан представляет собой пример для остальных стран, поскольку в этой закавказской республике всегда существовала атмосфера религиозной терпимости и дружба между народами.

Президент Азербайджана дал согласие принять участие в церемонии открытия еврейской школы, которое планируется на первое сентября.

Áèèòíðéý Áááííáááá

ПОСОЛ США ВСТРЕТИЛСЯ С РАВВИНОМ ПЕРМИ

В ходе своего визита в Пермь посол США в Российской Федерации Александр Вершбоу и его супруга встретились с раввином Залманом Дайчем. В беседе были затронуты темы, связанные с жизнью пермской еврейской общины. Посол и его супруга проявили живой интерес к работе еврейского общинного центра. Господин Вершбоу с удовлетворением воспринял рассказ раввина об открытии первой еврейской школы в городе, как и информацию об активной жизни еврейского центра. В завершение встречи раввин Дайч от имени всех евреев Пермской области подарил послу талес и молитвенник-сидур. А затем пояснил, почему сделал это: раввин полагает, что в нынешнее тревожное время необходимо обращаться к Г-споду с молитвой, ибо «после молитвы мир станет лучше».

Ńřá éíô.

ΒΑΑΑΕΙΪ ΙΔΙΑΑΕΪ ΝΑΪ ΕΪΑΔ Β ΥΪΕΑΑΔΝΕΟΑΟΑ

По приглашению Университета менеджмента главный раввин Калининграда и Калининградской области Давид Шведик провел семинарское занятие для студентов юридического отделения.

На лекции были затронуты темы антисемитизма и расовой нетерпимости. Лекция вызвала большой интерес у будущих юристов. Они после лекции задавали множество вопросов, словом – шло живое обсуждение различных мнений и возникали полезные дискуссии. Студенты пришли к выводу, что разжигание национальной розни и пропаганда фашизма являются серьезным преступлением. И главное: за подобные преступления виновные должны быть наказаны по всей строгости российских законов.

Ńřá éíô.

ЕВРЕИ ГОТОВЯТСЯ К ТРЕХСОТЛЕТИЮ ПЕТЕРБУРГА

В Большом Октябрьском зале Петербурга состоялся ежегодный отчет губернатора города о проделанной работе. Еврейскую религиозную общину на встрече представляли главный раввин Петербурга Менахем-Менди Певзнер и председатель общины Марк Давидович Грубарг.

Глава администрации отметил активное сотрудничество представителей всех конфессий города с властями. Благодаря этому в Петербурге практически отсутствуют конфликты на национальной почве. Особо был отмечен вклад Петербургской еврейской религиозной общины в подготовку к трехсотлетию города. Так, в частности, закончены работы по реставрации фасада и завершается внутренняя отделка Большой Хоральной синагоги – выдающегося памятника архитектуры.

С удовлетворением было сказано и о совместной работе СПЕРО с бывшим полномочным представителем президента России в Северо-Западном федеральном округе В. Черкесовым. Имелась в виду деятельность председателя СПЕРО М.Д. Грубарга в «антинаркотической комиссии» при полномочном представителе президента страны.

Касааясь назначения В. Матвиенко на должность полномочного представителя президента в СЗФО, М.Д. Грубарг отметил, что бывший вице-премьер правительства всегда активно сотрудничала с Федерацией еврейских общин России в Москве. И поэтому выступающий выразил надежду, что ее назначение в Петербург послужит дальнейшему успешному взаимодействию СПЕРО и администрации.

Ńřá éíô.

Α ΟΔΑΕΪΑ ΑΟΑΑΟ ΙΟΕΡΥΟ Ι ΟΣΑΕ Ϊ ΑΝΟΪ Ϊ Ε ΑΑΒΑΕΝΕΪ Ε Ϊ ΑΥΕΪ Ϊ

Делегацию Хэйлунцзянской академии общественных наук в Биробиджане ждали. Тем более, что в составе китайской делегации были президент академии, председатель ассоциации предпринимателей и ученых провинции Хэйлунцзян Цюй Вэй, руководитель научно-исследовательского центра по проблемам евреев в Харбине Ли Шусяо и другие.

Гостей встречал заместитель председателя правительства Еврейской автономной области Валерий Гуревич.

На состоявшейся встрече глава китайской делегации Цюй Вэй отметил, что одна из целей поездки – найти новые свидетельства о жизни евреев в Китае. И добавил, что биробиджанцев они хотят видеть в качестве консультантов еврейского центра в Харбине.

Руководитель академии общественных наук рассказал о деятельности возглавляемого им научного учреждения. Он пояснил, что ассоциация разрабатывает стратегию развития бизнеса, а сочетание науки и практики дает возможность успешно реализовывать конкретные проекты. Китайские ученые весьма плодотворно сотрудничают с российскими учеными Сибири и Дальнего Востока. Они участвуют в совместных международных конференциях по проблемам региона.

Гостей интересовало, в частности, как избираются руководители области, учитывается ли при этом национальный принцип, много ли евреев живет в Еврейской автономии. Поговорили и о еврейском юморе, который, по мнению хозяев, хорошо понятен китайским гостям.

Основной частью визита стало посещение китайской делегацией общинного центра. Тепло встретил гостей председатель совета общины «Фрейд» Лев Тойтман. Во встрече участвовал главный раввин ЕАО Мордехай Шейнер. Гости и не скрывали своего восхищения фактами, изложенными в обстоятельном рассказе о многогранной деятельности «Фрейда».

Лев Тойтман сообщил, что биробиджанская детская еврейская школа уже давно самая крупная в Сибири и на Дальнем Востоке по числу воспитанников, а молодежные клубы общины посещают почти 250 юношей и девушек. В еврейском народном университете изучают иврит, идиш, историю, традиции не только люди еврейской национальности, а все желающие, кому это интересно.

Рассказал он и о строительстве синагоги в Биробиджане, об участии в фестивалях еврейской культуры, о ежегодном общинном фестивале еврейской книги, сотрудничестве с общинами других стран. Сообщил и о той материальной поддержке, которую оказывает «Фрейд» своим малоимущим членам, отметив при этом, что число общинных программ год от года увеличивается.

Гостей интересовало, какие средства расходует община на свои программы, каковы основные источники финансирования, помогает ли государство в их реализации. «Государственных денег мы не просим, потому что в этом случае становимся зависимыми, а если сами решаем проблемы, с нами считаются», – пояснил свою позицию Лев Тойтман.

Биробиджанцев подкупил интерес гостей к истории еврейства в Харбине, та бережность, даже трепетность, с которой китайские ученые собирают по всему свету материалы для еврейского центра. Ли Шусяо сообщил о том, что в Харбине жили более 20 тысяч евреев, выходцев из России. И среди них было немало выдающихся предпринимателей, деятелей культуры, музыкантов, художников, финансистов, словом – людей, которые внесли большой вклад в строительство города.

– Об этих людях нельзя забывать, – считает руководитель научно-исследовательского центра по проблемам евреев в Харбине.

В свое время, продолжил он, в городе было четыре синагоги, еврейская гимназия, столовая, больница. А местная еврейская община занималась благотворительной деятельностью, подобной той, которую ведет сегодня «Фрейд». Сейчас с помощью правительства провинции реставрируется большое еврейское кладбище. Планируется восстановить синагогу и еврейскую школу в качестве музейных объектов...

Созданием центра по проблемам евреев в Харбине занимаются недавно, с 2000 года, но уже собрано немало экспонатов и документов. Специалисты составили альбом из 300 фотографий, отражающих жизнь евреев в Харбине. Участники делегации показали биробиджанцам фотографию старой синагоги в Харбине. Китайские ученые планируют организовать передвижную фотовыставку в нескольких дальневосточных городах, в том числе и в Биробиджане.

Лев Тойтман вспомнил, что при его встрече с мэром Харбина шел разговор о передаче здания синагоги, и поинтересовался, как решается этот вопрос. Гости ответили, что в этом году начнется ремонт здания. Председатель совета «Фрейда» рассказал гостям о пожелании главного раввина России Берла Лазара об открытии в Харбине еврейского культурного центра...

Обе стороны выразили готовность к дальнейшему взаимодействию. В частности, Лев Тойтман говорил о возможности предоставления архивных материалов по истории области. А Цюй Вэй пообещал привлечь к сотрудничеству бизнесменов для того, чтобы они оказали содействие общине в приобретении необходимых материалов для окончания строительства здания синагоги.

Китайские гости высоко оценили итоги своих встреч в Еврейской автономной области. Они также искренне выразили надежду на продолжение контактов в интересах обеих сторон.

Аידישע און יידישע

ՉՊՈՒ ԱՈՒՆ ԵՎ ՕՕԲԻ ԵՐՎԱՆԻՆՈՒԵՐՈՒՆԻ ԵՐՄԱՅԻՆ ԵՎ ԵՐՎԱՆԵՐԻ Ա

Что связывает эти, казалось бы, разные сферы жизнедеятельности людей: иудаизм и шахматы? Вероятно, то, что евреи всегда с большой любовью относились к этой интеллектуальной, сложной игре.

Институт изучения иудаизма под руководством известного ученого, раввина Адина Штейнзальца обычно поддерживает добрые начинания в разных областях жизни. Не обошел он своим вниманием и эту прекрасную игру.

В Москве в здании института на Гончар

ной набережной проходят шахматные турниры, в которых принимают участие дети из разных столичных шахматных клубов. Причем, не только евреи: примерно треть всех участников составляют ребята других национальностей. Организатор этих турниров – Александр Альбертович Гулько, председатель Федерации шахмат Северного округа. Его тренерский стаж – уже более двадцати лет.

Турнирами заинтересовались не только детвора и их родители, пришли на них и очень известные деятели шахматного мира. В частности, Игорь Юльевич Ботвинник – племянник легендарного первого советского чемпиона мира по шахматам Михаила Моисеевича Ботвинника, возглавляющий фонд его имени. Бывал на турнирах и международный мастер по шахматам, неоднократно победитель многих соревнований Владимир Борисович Уманский. Главным судьей турниров стал судья республиканской категории, один из

лучших судей Москвы Семен Борисович Цейтлин. Присутствовал здесь и руководитель команды «Гардэ», кандидат в мастера спорта по шахматам Михаил Алексеевич Дроздов, и еще многие тренеры детских шахматных школ Москвы.

Интерес юных шахматистов и их родителей к первому турниру, его хорошая организация сыграли свою роль и поэтому на втором турнире ребят было уже вдвое больше – 65 участников в возрасте от 7 до 15 лет. Среди девочек проводился отдельный зачет победительниц. И, конечно, победители получили призы. После игры всех участников и гостей пригласили на чаепитие.

Организаторы соревнований собираются в дальнейшем еще больше расширить состав участников турниров. Ведь подобные спортивные состязания дают возможность детям совершенствовать свои интеллектуальные способности, а, кроме этого, еще и сближают их.

Отрадно, что Институт изучения иудаизма стремится не только к реализации своих традиционных задач в области еврейского просвещения, но и просто привлекает людей к здоровой интеллектуальной жизни. А вместе с тем и к дружескому общению, независимо от вероисповедания и национальной принадлежности. И если кто-то из гостей захочет узнать об иудаизме – пусть узнает о нем из первых рук.

À. Àðññààäü

Ì ÁÄÀËÛ ÒÐÀÍ ÕÀ ÈÀÕËÈ ÁÐÓ×ÁÍÀ ÈÁÍÍÈÁÓ ÈÍÁÀËË

В Ригу для официального вручения медали Франца Кафки писателю Леониду Ковалю прибыл президент Европейского союза искусств и руководитель Европейского общества «Франц Кафка» профессор Мирослав Кливар.

В решении Европейского общества отмечается, что этой высокой награды писатель удостоен за заслуги в области искусства и литературы. Среди обладателей этой медали – Стивен Спилберг, Милош Форман, другие известные деятели культуры.

Леонид Коваль удостоился этой награды первым на всем постсоветском пространстве. Он посвятил свое творчество истории еврейского народа и, в первую очередь, – истории Холокоста. Это принесло ему признание и известность не только у себя на родине, но и в Европе и США.

Отмечая высокие заслуги Л. Коваля, президент Латвийской академии наук Ян Страдынь сказал:

– Вся ваша работа и особенно ваши книги, посвященные истории еврейского народа, Холокоста, действительно бесценны... История и трагедия одного народа – это история и трагедия всего человечества, из понимания которых люди должны извлекать уроки на будущее. Отрадно сознавать, что в Латвии живет такой человек, как вы, который с любовью и чувством ответственности спокойно делает свое дело. Дело, которому нет аналогов в мировой документальной литературе по Холокосту...

Леонид Коваль – писатель, драматург, публицист, общественный деятель, автор более десяти книг по истории Холокоста. Главное место среди них занимают романы «Корни дикой груши» и «Стон», трехтомное историко-публицистическое исследование «Книга Спасения» и «Книга Спасителей». Его пьеса «Покаяние» поставлена на сцене Театра русской драмы в Риге. Он – автор сценария фильма «Еврейская улица», а также текста реквиема «Колокола Холокоста».

Известный чешский композитор Вячеслав Граховский начал работу над музыкой к опере «Покаяние» на либретто Леонида Коваля. Это будет едва ли не первая народная драма о Катастрофе.

Леонид Коваль – один из организаторов Латвийского общества еврейской культуры (1988), организатор и президент Общества узников гетто (1989), организатор и президент первой еврейской общины Юрмалы (1992), организатор и президент Международного общества истории гетто и геноцида евреев (1993).

Он также лауреат премии Американской ассоциации узников гетто. Группа ученых Германии выдвинула кандидатуру Леонида Коваля на соискание Нобелевской премии.

Зал, где чествовали лауреата, был полон. Поздравить известного писателя и общественного деятеля пришли посол Чехии в Латвии Яна Буленова, депутаты Сейма, представители городских муниципалитетов Латвийской республики, президент еврейской общины этой страны Аркадий Сухаренко, руководители крупных предприятий и учреждений, духовенство, видные писатели и журналисты. Артисты Театра русской драмы показали отрывки из его пьесы «Покаяние, или Полет над бездной», певцы исполняли песни на его стихи. С идеей председателя Союза писателей Латвии Валдиса Румниекса о том, что труды Коваля – это новаторский прообраз того, к чему призывает наш мир, были согласны все выступившие.

Церемония вручения писателю Леониду Ковалю медали «Франца Кафки», доставленной с берега Влтавы на берег Даугавы, стала праздником единения людей разных национальностей во имя счастливой жизни на Земле.

Ì àðñ Áëþì áí ò àëüü

ÀÈÐÁÈÕÍ ÐÁÁÐÁÈÑËËË ÕËËËÛ - ÍÀ ÝÈÐÁÍÁ

Профессионализм директора волгоградской школы «Ор Авнер» Е.В. Никитиной общепризнан. На этот раз Елене Викторовне получила благодарственное письмо от администрации Волгоградской области «за

ХАСКАЛА НАОБОРОТ

Da'ava'ei I ai e'da

*Á i'no'ra'isi oi ee if ne'o-ae'i'no'e, oi ee if i'na'i o -ei'ra'e-u'i o da'qi a'ep dy'ari n
ra'ei'le E'ay'ite Áii a o-e'o'ey, io'e'ia ma'o'ne'a o-e'o'ey ma'po'ra'ee i'ra'ai E'IN, ai'ada'ta
ma'ae'eni do'ra'ae'o'ae' a'oi if ep-a'ep a'ae'ite o'da'e'ee. E' e'o i'ra, e 170 yo'e'o o-e'o'ae' e'c 135
a'oi'ra' a'ua'o'at CN'ND - i'ra'o'ra'ee E'no'e'o'o ep-a'ey e'aa'ei a' i'ra do'ra'ra'oi da'ae'ia Áae'ia
O'ae'i'ca'ei'na. I' i'ra'ra'o'ao' ca'ni i'ra'ra'ee'e e'oi'ra' i'ada'ta yo'ai a' i'ra'ra' i'ae'ra'ei' i' i'ra'ra'o'e'o'ae'ra'
aa'e'at'ey «Áae'o' e'a-i' e'ada'e», - «Áii o-a'ey».*

Георгий Лернер, заместитель директора Института изучения иудаизма, выступая на съезде, сказал:

– В день, когда мне исполнилось пять лет, мой отец был в нескольких шагах отсюда на допросе и видел в окно наш дом, который как раз рядом с этим.

Мог ли кто в ту пору или хотя бы лет пятнадцать назад предсказать, что в начале следующего века в этом здании официально соберутся дети и внуки десятки лет притесняемых иудеев, чтобы обсудить успехи в изучении традиции, основанной на Торе!

Этот съезд – принципиально новое явление и в истории России, и в еврейской традиции. И вот почему: цель реализуемой с 2000 года программы «Байт ле-мидраш», в рамках которой проходил съезд – донести Тору, наследие Яакова, до каждой еврейской семьи, превратив ее частные владения в Дом учения. Таким образом и столь широко, тем более в условиях тотальной ассимиляции, задача еще не ставилась никогда.

Что ж, цель высока и прекрасна, однако есть большие «но»: изучать еврейскую традицию без Торы невозможно. Как и Тору – без знания иврита. Есть переводы? Но очевидно, что всякий перевод – только одна из интерпретаций оригинала. И уж тем более это верно, когда речь о таком сложном, глубоком и многозначном первоисточнике, как Тора.

Есть и другая проблема. Традиция предписывает учить Тору только у того, кто по ней живет, выполняет ее заповеди. Это понятно: сила личного примера известна. Но откуда взять столько раввинов, столько людей, олицетворяющих жизнь по Алохе? К тому же в сознании наших сограждан предубеждение в отношении «деятелей культа» еще далеко не изжито. И если подходить к традиции, начиная с изучения иврита, то путь к цели может оказаться столь долгим, что обильных плодов просвещения нашему поколению не застать. Словом, в который раз встают классические вопросы «что делать?» и «с чего начать?»

Разрабатывая программу «Байт ле-мидраш», сотрудники института отдавали себе отчет в том, что в их плане есть риск. Однако в данном случае дерзать заставляют условия. Когда нивелировано национальное самосознание, хорошо продуманный, просчитанный риск может стать залогом успеха. В чем же риск? Безусловно, в том, чтобы распространять Тору просветительно: доверить светским людям нести ее таким же, как они. А чтобы доверие было оправдано, надо обучать их «экстерном», снабжать особенными, специально разработанными пособиями. Тогда, разъехавшись по домам в разные концы страны, они смогут делиться своими знаниями с другими, организуя единомышленников на уровне домашних кружков. Потом в этих маленьких группах обнаружатся еще лидеры, и так далее.

Какова роль таких людей, и кто они по сути – учителя? Вроде бы нет, их удел ученичество. Но это особые ученики, первопроходцы по духу, способные вести за собой других. В то же время особая роль возлагается на саму Тору как национальный жизненный код, на ее способность пробудить в еврейской душе память о Синае, о данной там клятве «насе ве-нишма» – «исполним и слушать будем». Допускаю, именно эта часть идеи может восприниматься двояко: кому-то покажется абстрактной, призрачной, но более искушенному в еврейской традиции, скорее, вполне реальной.

Это просветительское движение, спровоцированное Институтом изучения иудаизма, очень напоминает другое, возникшее около двух с половиной сотен лет назад – Хаскалу, только с точностью до наоборот. Если во второй половине XVIII века, прельстившись науками и светскими знаниями, еврейская молодежь потянулась прочь из местечек, от традиционного образа жизни (Хаскала для многих стала путем ассимиляции), то нынешнее движение – дорога назад. И не с пустыми руками, а с нажитым багажом. Овладев всевозможными знаниями и навыками, кто-то мало-помалу начал ощущать, что в жизни все же чего-то не хватает: может, и малого, но значительного. А по зрелому уму, зачем идти в «безродные космополиты», когда по праву можно быть народом Книги?..

Богатое наследство. Так к традиции потянулись люди и с высшим образованием, и с научными степенями, самых разных, порой неожиданных профессий: математики, физики, врачи, режиссеры, актеры, журналисты. Чтобы усилить этот поток, и была разработана программа «Байт ле-мидраш».

Прежде чем начать ее реализацию, сотрудники института тщательно изучали свою аудиторию: проводили регулярные выездные семинары по иудаике, работали с каждым из участников персонально. Скрупулезно разрабатывали пособия, поддерживали связь от встречи до встречи. Так складывались отношения, которые обычно бывают у очень дорогих друг другу людей. Этот опыт уникален во всех отношениях.

Что касается пособий, то, подключившись к просветительской программе «Ламед», интереснейшие материалы могут получать все, желающие узнать об иудаизме из первых рук, независимо от национальности, вероисповедания, возраста...

Это просветительское движение, спровоцированное Институтом изучения иудаизма, очень напоминает другое, возникшее около двух с половиной сотен лет назад – Хаскалу, только с точностью до наоборот. Если во второй половине XVIII века, прельстившись науками и светскими знаниями, еврейская молодежь потянулась прочь из местечек, от традиционного образа жизни (Хаскала для многих стала путем ассимиляции), то нынешнее движение – дорога назад.

Не могу не сказать о семинарах отдельно. Мне тоже посчастливилось приобщиться к этой жестко форсированной учебе, которую регулярно проводит институт для директоров еврейских школ, преподавателей традиции, активистов общин, еврейских журналистов. Здесь всегда атмосфера неустанного ученичества, творчества, товарищества, энтузиазма. Так что семинары института Штейнзальца – островки какой-то заповедной жизни. Отсюда возвращаешься совсем другим, переоценка ценностей неизбежна, а значит, на новом духовном уровне преобразуется вся жизнь. Здесь всегда собираются особые люди. Очевидно, в силу собственных качеств и свойств, сотрудники института притягивают к себе таких, о ком иначе не скажешь – святые еврейские души. И сколько этих «раритетов» они извлекают с великих просторов бывшего СССР, даже из уголков, где, казалось бы, и евреев-то быть не должно – это феномен!

Но вернемся к программе «Байт ле-мидраш». По какому принципу она работает? Думаю, не ошибусь, упрощенно сформулировав его с помощью известной поговорки: если Хаим не идет к Торе, Тора сама идет к нему в дом. И с нею не раввин, а родственник, друг, сослуживец, знакомый – те, чьи души проснулись раньше других, и они испытывают колоссальную потребность поделиться своими открытиями. Из евреев многое выхолостили в советские времена, но вкус, интерес к жизни, пылкость, жизнестойкость, слава Б-гу, все те же – стоит только задействовать нужные струны. Именно этой деликатной работой и занимаются сотрудники института: Давид Палант, Ишайя Гиссер, Григорий Лернер, Александр Фейгин, Йона Шнайдер, их единомышленники, коллеги и друзья под руководством раввина Адина Штейнзальца.

Съезд почтили вниманием многие старые друзья института – из посольства Израиля, ФЕОР, «Джойнта», ЕАР, международной женской еврейской организации «Кешер». Выступления были теплы и неформальны. Приглашая гостей на сцену, Ишайя Гиссер сказал:

– Когда произносишь имя друга, во рту сладко...

Выступавшие удивлялись: как изначально небольшой проект «Байт ле-мидраш» смог вырасти до таких масштабов, охватив территорию от Петербурга, Риги, Минска, Киева, Кишинева, Нальчика, Батуми до Магадана, Хабаровска, Владивостока. Отмечали уникальность, многообразие и высокое качество разработанных учебных пособий и, конечно, говорили о том подвижничестве, которым заражают людей раввин Адин Штейнзальц и его ученики.

Зеев Вагнер, руководитель отдела образования ФЕОР, обычно чуждый всякому пафосу, на этот раз сказал:

– Мне хорошо известно, что значит быть организатором и преподавателем во многих из тех городов, откуда приехали на свой первый съезд эти учителя Торы. Уверен, всех их можно считать праведниками.

Итог съезда в сущности подвела Тхия Тамаре, руководитель образовательных программ ЕАР.

– Для меня это событие, – сказала она, – завершение этапа на самом деле не трех, а уже почти четырнадцати лет работы института и в то же время только середина пути, потому что еще очень много предстоит сделать.

Í ÀÐÍÁ - ÈÇÌ ÓÄÐÛÕ È ÐÀÇÓÌ Í ÛÕ

**Áûñò óí èáí èá í à ñíáçää
ðàââè í à Áäè í à Õò áéí çàèüüà**

**Ó èáæáíá í áðíáá áñóü ñáíý áðóíáí áý ýéèòà - í óäðáóü,
ñýòüá è èáæáíé í à ñáíáí óðíáí á ñáýçáí ñí áñáí í èðíí.
Ðàçóí ááðíý, í àí á ýòíé í áéáñðé í á: ááí ñòü áé óñý: ó í áñ
áñóü ñáíé áæé èéá è þáé, è í ù áæé èõ áíéüóá - áí
èòí-èéáí, - áñé ñááí è óüñ áðóáí è í áðíááí è.**

В Торе, в книге Дворим, сказано, что на народ Израиля будут смотреть другие народы и говорить: «Как мудр и разумен народ этот великий!» Чем он велик? Там же сказано: не многочисленностью, а мудростью и разумностью. То есть, весь народ состоит из мудрых и разумных.

У каждого народа есть своя духовная элита – мудрецы, святые, и каждый на своем уровне связан со всем миром. Разумеется, нам в этой области нечего стыдиться: у нас есть свои великие люди, и мы дали их больше, чем кто-либо. Но наша гордость связана не только с тем, что мы дали великих людей, на несколько голов возвышающихся над своим поколением, а еще с тем, что весь народ, каждый из нас, разумен и мудр.

Греческий географ и историк времен Александра Македонского оставил описание разных стран мира, дошедшее до нас, к сожалению, во фрагментах, где есть несколько слов и о евреях. Написано, что чуть-чуть южнее Сирии живет народ, в котором каждый философ: ребенок и старик, ученый и простой труженик. Понятно, что, описывая другие народы, хорошо зная окружающий его мир, этот географ и историк мог бы сказать, что нашел мудрецов и среди эфиопов, греков, египтян. Но что удивило его, и потому он посчитал достойным внести это в свою книгу, что философы – весь народ. В мидрашах и классических текстах мы найдем много историй о маленьких детях, которые говорят мудрые вещи. Каждая история имеет свой контекст, но все вместе они демонстрируют, что и дети наши – мудрые дети.

Из поколения в поколение с глубокой древности нашей гордостью было не только то, что евреи разумны и мудры в абстрактном интеллектуальном смысле, но и то, что они способны постигать, способны учиться. В последние столетия и особенно в недолгой истории советской России наш народ, что очевидно, не стал менее интеллектуален, но стал заметно менее разумен и мудр. Такой, каким мы видим его сейчас, можно сказать, он превратился в народ невежд, не умеющих читать и писать, в людей, которые не знают элементарного в своей культуре. Если раньше можно было говорить о духовно богатом народе, то теперь мы – народ нищий.

Можно, разумеется, подумать, что вопрос в том, сколько импортировать сюда раввинов и какого масштаба. Но, поверьте мне, это не главное. Главное, не где раввины и сколько их, а где евреи и сколько их, и какие они: что в еврейском плане представляют собой женщина, на которой лежат заботы по дому, и ее муж, работающий на заводе, и ребенок, который крутится у них под ногами.

В прошлом бабушки, мамы и папы твердили своим детям, укладывая их спать, простую фразу: «Тора, заповеданная нам Моше, – наследие общины Якова». Понятно, годовалому или двухлетнему ребенку не много можно сказать – немного он поймет. Поэтому говорили им простую вещь: кем бы вы ни выросли, как бы ни сложилась ваша жизнь, у вас есть наследство. Подумайте о детях, выросших с этими словами, и о тех, кто не слышал этих слов: ведь наследство существует в равной мере для всех, оно ждет их. Эти дети выросли и ходят по нашему миру – подумайте о них. Вам это не напоминает ситуацию, когда человек, на чье имя где-то записано наследство в несколько миллионов долларов, не знает об этом и прозябает без штанов?

Наш проект «Байт ле-мидраш» – это кампания по возвращению наследства наследникам, не знающим о его существовании. Из поколения в поколение на протяжении всей еврейской истории в общинах были места, где люди учились: специальные дома, квартирники, комнатки, которые назывались Байт ле-мидраш. То, что пытаемся сделать мы, а точнее, вы, большая часть сидящих в этом зале, это превратить наши частные дома в Дома учения. Не столько вернуть евреев к Торе, сколько вернуть Тору евреям. Вернуть ее родителям, детям, чтобы воздух дома был наполнен Торой. Ведь в нашей традиции знать еврейство, еврейские тексты – не удел элиты, духовенства, специалистов. Это должен знать каждый в той мере, в какой ему доступно. Это путь к тому, чтобы снова стать «народом разумным и мудрым», чтобы каждый из нас имел непосредственную связь с Знанием.

Надо понять, что все это человек должен сделать сам. Ибо не может раввин вместо меня изучать Тору, а кантор вместо меня молиться, точно так же, как я не хочу, чтобы повар вместо меня кушал и кто-то вместо меня делал детей. Эти вещи я хочу делать сам. Продолжая свою мысль, я хочу сказать, что очень рад видеть вас здесь, и что вы – уже большое сообщество. Но этого все же еще недостаточно и для каждого из нас, и в нашей общей работе. И пусть сбудется сказанное в Танахе: да размножит вас Всевышний в тысячу раз против того, что вы сейчас

Ἰ Οὐδ' Ὀφθαλμοὶ Ἐὐὰ Ἄϊ Ἄδαϊ Ἄϊ Ἐ

Ἰ ἀὐαῖ Ἀλέξια

В апреле 1995 года в составе группы бывших узников концлагерей и гетто я побывал в Германии по случаю 50-летия со дня освобождения концлагеря Берген-Бельзен. К юбилею были приурочены выставки, конференции, многочисленные встречи. О важности события свидетельствует хотя бы то, что память жертв Берген-Бельзена прибыли почтить не только члены германского парламента (бундестага), но и его лидеры, и парламентарии земли Нижняя Саксония. Колонну, идущую на траурный митинг к мемориалу Берген-Бельзен, возглавлял тогдашний канцлер ФРГ Гельмут Коль.

Так уж случилось, что в нашей стране Берген-Бельзен известен менее, нежели, скажем, Освенцим или Бухенвальд. О нем если и пишут, то чаще всего из-за Анны Франк: Анна какое-то время находилась, а потом умерла в этом лагере, уже после освобождения весной 1945 года...

Берген-Бельзен печально знаменит еще и тем, что стал первым на территории Германии концлагерем, куда свозили русских военнопленных. Разумеется, «учреждения» подобного рода находились в ведении СС и порядки в них были воистину чудовищные: «Когда мы прошли через ворота Берген-Бельзена, мы оказались вне жизни и времени. Нам не на что было ориентироваться, не за что и не за кого было держаться»... «Тот, кто попадал сюда, попадал в хаос, в ничто». Это строки из воспоминаний бывшей узницы Берген-Бельзена Людмилы Рочковой. Она тоже была в составе нашей делегации. После Берген-Бельзена Л. Рочкова побывала и в других концлагерях, но такого кромешного ада, по ее словам, нигде не видела.

На мой вопрос, какой день в лагере запомнился ей больше всего, Людмила Константиновна ответила: «Первый день после освобождения. Перед тем нас несколько суток уже не выпускали из барак. Не давали ни есть, ни пить. Люди умирали один за другим. Ужас, растерянность, невыносимый смрад могли без преувеличения свести с ума. Наконец двери нашего барака открылись. Какие-то люди в военной форме торопливо выталкивали нас во двор. То, что я там увидела, было еще страшнее. Штабеля трупов между бараками; трупы, доверху заполнившие канализационные ямы... Вблизи крематория выросли холмы – места поспешных захоронений». На глазах Людмилы Константиновны заблестели слезы, и я попытался перевести разговор на другую тему. Заговорил о ее возвращении на Родину. «Из Ленинграда, города, в котором я родилась и выросла, меня прямо в день приезда отправили за 101-ю версту. Как же: ведь я узник концлагеря, значит, предатель...» Слушая рассказ Людмилы Константиновны, я невольно вспоминал слова из книги Екклесиаста: «А блаженнее... тот, кто еще не существовал, кто не видел злых дел, какие делаются под солнцем...»

Берген-Бельзен был разделен на восемь отдельных концлагерей: лагерь для русских военнопленных, для немецких заключенных, малый и большой женские лагеря, венгерский лагерь (в нем содержались венгерские евреи – они предназначались для обмена на немецких военнопленных, а также на вооружение и амуницию)...

Сегодня на территории бывшего концлагеря покой и музейная тишина. Бараки сожгли англичане, освободившие узников: другого способа прекратить вспыхнувшую эпидемию не было...

Если бы не мемориальный комплекс, в Берген-Бельзене ныне, пожалуй, ничто не напоминало бы о трагедии сотен тысяч людей, попавших в руки фашистских палачей. Но комплекс стоит как символ покаяния нынешних поколений немцев. Покаяния в страшных преступлениях, содеянных предками.

1. Старик и его внуки

На митинге, состоявшемся неподалеку от бывшего концлагеря, рядом со мной оказался пожилой, пожалуй, даже старый немец с двумя мальчиками. Я плохо говорю по-немецки, но все же отважился спросить его, почему он взял на митинг внуков. Старик довольно мрачно ответил: «А что еще могу я сделать, чтобы им не пришло в голову сотворить то же, что сделали поколения моего отца и мое собственное? Пусть с детства сами наблюдают прошлое...» Он нечаянно ответил на вопрос, мучивший меня давным-давно. Я все не мог понять, зачем в марте 1944 года мой дедушка повел меня на место расстрела евреев. Там убили сотни людей. Повел как раз в тот день, когда останки погибших выкапывали и перевозили на еврейское кладбище в Бершади. Увиденное осталось в моей памяти, точно незаживающая рана... Я часто возвращаюсь мыслями к тому ужасному мартовскому дню...

Но 29 апреля 1995 года, когда я стоял на земле бывшего концлагеря, я получил наконец ответ. Сомнения мои разрешились. Старик стремился к тому, чтобы внуки его не повторили злодеяния дедов, а мой дед хотел, чтобы его внук запомнил все это и навсегда возненавидел фашизм. Сорок четвертый год остался в далеком прошлом, но сегодня я понимаю: дедушка был прав. Дай Б-г, чтобы оказался прав и старый немец.

2. Встреча в Ганновере

Я не рассказываю подробно обо всех событиях тех дней, о внимании, о дружелюбии, с какими отнеслись в Германии к нашей делегации. Хотя все записывал, да и в памяти многое осталось. Лишь об одной встрече, самой впечатляющей, не могу не поведать.

Вечером 30 апреля правительство Ганновера устроило прием для гостей, приехавших на немецкую землю по случаю годовщины освобождения Берген-Бельзена. Во время приема ко мне подошла и села рядом пожилая женщина с необыкновенно выразительным лицом. Она сказала, что сразу узнала меня и даже помнит мою маму. Просто забыла, как меня зовут. Я сказал, что в детстве меня звали Марик, а когда повзрослел...

– Ну да, это вы, я не ошиблась... Вы жили в Одессе, на Ланжероновской. Я правильно говорю?

Я хотел было уточнить, что в Одессе я действительно жил, но не на Ланжероновской, а на Пироговской, и улицы эти находятся далеко друг от друга, во всяком случае, по масштабам Одессы, но едва открыл рот, как женщина меня спокойно перебила, взмахнув рукой.

– А что вы можете помнить, молодой человек? Вам тогда было несколько годиков, и вы не знаете, что делалось в Одессе, когда немцы взяли город.

– Но ведь Одессу взяли румыны, а не немцы...

– Во-первых, румыны были там сначала, а потом пришли немцы. Во-вторых, вы что, думаете – румыны вели себя лучше? Кто так думает, тот абсолютно неправ! Они были еще хуже, если вообще можно быть хуже. Так сколько вам лет? Пятьдесят пять? Что же вы можете помнить? Вы жили тогда на Слободке (отдаленный район Одессы. – М.Г.) или где-то рядом...

Я снова попытался остановить мою собеседницу, желая объяснить, что в Одессе тогда вообще не жил – мы оставались в Бершади. Но она все равно говорила без умолку.

Я попросил разрешения включить диктофон. «А зачем, вы думаете, я вам все это рассказываю? Просто так? Мне сказали, что вы писатель. Так напишите то, что я вам расскажу... В Одессе война была еще страшнее, чем здесь, в Берген-Бельзене. А то мы плачем над могилами в Германии, а тысячи одесситов разбежались по всему миру, нашли себе веселую жизнь на Брайтоне и выбросили из головы все, что было во время войны в Одессе».

Женщина перевела дыхание и продолжала:

– Так слушайте меня. Одессу сначала захватили румыны. Это было 16 октября, а уже утром семнадцатого они объявили регистрацию всех евреев. Это значит – половина города. Многие пытались убежать в ночь на 18-е. Но что значит убежать? Куда? Того, что было в Одессе, не было нигде. Вы же знаете, в Одессе жило много евреев и каждый второй был доктор или провизор. Что подделаешь – евреи любят и умеют лечить... Почему они решили уничтожить врачей в первую очередь, вернее – без очереди? Cholera их знает! Так они захотели, эти бандиты. Вы, наверное, помните доктора Гольденберга, он был детский врач. Это же мой дядя. Я из Гольденбергов... Значит, доктора вы не помните? Его знала вся Одесса, его вызывали даже в Киев на консультации. Хотя конечно, откуда вы можете помнить, если вам было тогда два года?

Большие темные глаза моей соотечественницы были полны слез. Лицо, поразительно красивое несмотря на возраст, лицо Беллы на полотнах Шагала, не старила даже копна седых волос, венчавшая гордо посаженную голову. Я понял, что повествование будет долгим и хотел уже поменять батарейки в диктофоне, но она меня успокоила:

– Что вы думаете, я вам буду рассказывать до утра? Если хотите, можете завтра прийти к нам в гости, посмотрите, как мы здесь устроились. Дети, конечно, счастливы. У них есть все, о чем в Одессе нельзя было даже мечтать, поэтому про Одессу они и не вспоминают. Правда, поют во время застолий эти песенки про Одессу-маму. Дети у меня – русские, точнее – украинцы. Мой муж был Охрименко. А внуки... Я сама не знаю, кто они. Один из зятьев, когда хотел жениться на моей дочери, а я не хотела ее отдавать за него, сказал, что он еврей... Он такой же еврей, как вы – китаец. Сын мой женат на якутке. Черт знает, где он ее нашел! Как вы думаете, в Одессе уже не на ком было жениться? Здесь, в Германии, они все – и дети мои, и внуки – стали евреями. Они регулярно ходят в синагогу. Вы были здесь в синагоге? Это что-нибудь особенное. Старшему моему внуку там недавно справили бар-мицву...

В этот момент наш руководитель – за каким столом он сидел, сказать трудно, ибо в огромном зале были тысячи людей, – начал свою речь, и ее переводили поочередно на несколько языков. В записи на моем диктофоне она звучала не слишком внятно, но смысл ее сводился к одному: есть преступления, в которых даже каяться бессмысленно. Никакое раскаяние не оправдывает содеянное.

Я же, слушая, вспоминал знаменитые слова о том, что врата раскаянья открыты для всех, кто хочет войти в них. И это пожалуй, справедливо.

Выступающий продолжал говорить о том, что немецкий народ все-таки не просто покаялся за совершенное в годы войны под руководством Гитлера. Что не одно лишь военное поколение, но и потомки потомков этих немцев готовы на жертвы во искупление вины отцов. В ту минуту я думал не о немцах, а о евреях и почему-то припомнил, как сказал один из наших пророков: «Если Всевышний вновь обратится к своему

народу, он вернется к Нему». Это наверняка относится ко всем народам Земли.

Не закусывая, я выпил рюмку водки. Моя собеседница опять повернулась ко мне:

– Скажите, вы верите им? После того, что они натворили в Одессе, нет им прощения... Проклятье – и только!

– Но вы же приехали сюда жить...

– А что я могла сделать, если моих детей без меня сюда не пускали?! Я была, как в том одесском анекдоте, единственная еврейка во всей семье. «Вы – наша виза» – говорил мне зять Арсен, который до женитьбы на моей дочери называл себя Аркадием... Что он – Арсен, я узнала уже после свадьбы.

– А почему не на свадьбе?

– Потому, что на свадьбы я не хожу. Даже к своим детям. Когда я вспоминаю картину, которую видела из окна квартиры моей тетки много лет назад, то и сегодня веселиться не хочу. Я вам уже рассказала, что в первые дни войны переехала жить к тете Мане? Она жила на Большой Арнаутской в полуподвальной комнате. Чтобы увидеть, что делается на улице, надо было высоко заирать голову. Так вот, по Большой Арнаутской – она тогда называлась Чкалова – евреев вели в последний путь. Однажды в толпе я увидела знакомое лицо. Я узнала этого человека: он был маленького роста, лысый, с большим лбом и глубокими морщинами на этом лбу. А голова его была втянута в плечи, выделялся только лоб. Знаете, кто это был? Вы не поверите – это был профессор Бланк. Но где вам понять, что такое для Одессы был этот доктор! Говорят, ему власти предлагали эвакуироваться еще до прихода немцев, но он сказал, что не может оставить своих больных. Он лечил этих больных... Видите ли, у нас была специальная больница на Слободке. И еще говорят, что доктора Бланка эти изверги взяли прямо с работы. Он умолял: «Посмотрите на моих больных. Они же без меня погибнут!» Но кто его слушал?..

После паузы женщина заговорила снова.

– Их вели по Большой Арнаутской. Тех, кто отставал, били дубинками по спине, а потом – по голове. И делали это и румыны, и наши полицаи, а не немцы. И если несчастные падали, их тут же добивали ногами или, кому повезло, пристреливали. Моя тетя однажды сказала: «Какой счастливый наш сосед Миша Абрамсон! У него вчера разорвалось сердце. А жена повесилась... Но ведь не все могут это сделать», – говорила она, глядя мне в глаза, как будто спрашивала моего совета...

Госпожа Гольденберг смахнула слезы с глаз и снова пристально на меня посмотрела. Я чувствовал приближающуюся головную боль, тянуло под лопаткой... Хотел попрощаться, но не поворачивался язык.

– А самое страшное знаете что? Я вам расскажу. Но возьму с вас слово, что об этом вы писать не будете. Хотя вообще – как хотите. Среди тех, кто издевался над евреями, были... (она проглотила комок, подступивший к горлу) были и наши евреи тоже. Точнее, я помню только одного. Это был некто Ленья. Еврей со странной для еврея украинской фамилией Щастливый. Сколько ни гоню от себя все эти годы его мерзкий образ, он, мне кажется, меня преследует. Я и сейчас его вижу. Полный, даже толстый, одутловатое лицо, красные щеки – то, что называлось «кровь с молоком», маленькие глазки на здоровенной морде. А еще помню его руки – пухлые, с короткими волосатыми пальцами. Часто рядом с ним был сын, его вроде звали Саша. Больше не хочу о нем рассказывать, но, поверьте, он издевался над евреями еще изобретательнее, чем украинские полицаи. Он имел большую власть – решал не только, кому оставаться живым, но и кому какой смертью умирать. За более легкую смерть брал взятки. Но конец получил такой, какого заслуживают эти люди. Покончили не только с ним, но и с его сыном. И честное слово, мне было жалко невинного ребенка.

У меня больше не было сил слушать воспоминания госпожи Гольденберг. После всего, что за последних два дня я видел и слышал в Берген-Бельзене, это было уже чересчур. Я попросил у нее номер телефона, сказав, что попытаюсь завтра позвонить или зайти.

– Я знаю, вы к нам не придете. И не уверена, сумею ли передать вам все. А я очень хочу это выплакать. Мои дети не желают слушать, когда я говорю им, как скучаю по Одессе. Вы думаете, я хочу пройтись по Дерibasовской или по бульвару Фельдмана? Нет, я хочу, даже не заехав в Одессу, попасть на пару часов в Доманевку. Вы думаете, там было лучше, чем в Берген-Бельзене? Поверьте мне, еще страшнее! Доманевка – это никому в мире не известное местечко под Одессой. Там погибли все: мои родители, сестры... Мне рассказывали, что ребенок моей старшей сестры Хаси продолжал сосать грудь, когда она была уже мертва. А потом полицейский отрезал кинжалом грудь у моей сестры и вместе с живым ребенком бросил на съедение собакам, которые стерегли этот лагерь. Полицейский сказал: «Собакам надоело мясо мертвецов, надо иногда кормить их живой жидятинкой». Вы уже поняли, что этот полицейский не был румын? Что он был из наших? Когда мне все это рассказали сразу после войны, я думала, что сойду с ума и попаду к доктору Бланку на Слободку. Но доктора Бланка уже давно убили. В тот день, когда их вели по Большой Арнаутской. Он, говорят, дошел до Овидиопольской дороги, а там упал, и его добились палками.

Мне казалось, я теряю рассудок. Спас меня Арон Зусман, глава нашей делегации. Он сказал, что автобус, который везет нас на ночлег, отправляется через пять минут.

Взглядом я попрощался с новой знакомой. Нашу группу разместили в общежитии евангелической общины, находилось оно километрах в ста пятидесяти от Ганновера. По дороге на ночлег мы обычно засыпали от усталости и пережитого напряжения. На сей раз я заснуть не мог. Но почему? Что нового узнал я от этой женщины из Одессы? Детство мое прошло в гетто, и уже там я насмотрелся ужасов, да и слышался вдоволь. «Черная книга» никогда не была для меня просто книгой. Она была частью моей жизни. Что же так потрясло меня в рассказе, услышанном в Ганновере?

Прслушав пленку с записью, я понял: «Черная книга» нескончаема. Трагедия госпожи Гольденберг не завершилась с переездом из Одессы в Ганновер, а скорее обрела новую глубину. В записи была фраза, на которую я поначалу не обратил особого внимания: «Не подумайте, что я сумасшедшая из психушки на Слободке». Она действительно не была сумасшедшей. Она была человеком, которого не отпускала война. – Я хочу в Одессу, – говорила она с великим душевным страданием, – потому что такие, как я, должны умереть в тех местах, где мучились и погибли близкие им люди. Дети не знают и не хотят знать, что было в Одессе во время той войны. Они не хотят знать, а такие, как я, не могут забыть. Пусть они живут здесь, в Германии. Кто хочет – пусть живет в Америке. Но зачем тащить нас за собой? Я хочу каждый день ходить по тем улицам, по

которым вели на гибель моих родных и тысячи таких же несчастных. Я не хочу забыть то, что видела своими глазами».

* * *

Давно известно, что прошлое, которое человек не в силах забыть, есть часть его настоящего. Память о минувшем, как что-то спрятанное в тайнике, живет в нас, и мы обязаны распорядиться этим при жизни...

Вскоре после разгрома фашистов Симон Визенталь написал: «Таким людям, как я, дома не нужны. Мы потеряли больше, чем дом, мы потеряли больше, чем семью, – мы потеряли веру в человечество, в дружбу, в справедливость. А без всего этого я не могу начинать сначала...»

Не мною сказано: черепки переживут посуду. То же относится и к воспоминаниям.

фашистов провалились, советский народ оказался морально сплоченным, сталинская национальная политика с честью выдержала все испытания.

Провалились и расчеты рюминцев на возбуждение национальной розни в нашей стране.

Но если широкие народные массы не поддались провокациям рюминцев, то этого нельзя сказать о некоторых руководящих работниках. Нашлись отдельные руководители, недостаточно политически зрелые, недостаточно устойчивые, перестраховщики, а также сохранившие свои старые буржуазно-националистические взгляды, которые поддались на эту провокацию и в своей практической деятельности грубо искривляли ленинско-сталинскую национальную политику, сталинский принцип подбора кадров, объективно играя этим на руку врагам народа.

Разве можно считать политически зрелым руководящим работником директора завода, который давал зав. кадрами указание “принимать на работу кого угодно, только не евреев”?

Разве не является грубейшим нарушением советской национальной политики оставление без назначений выпускников-отличников Харьковского гос. университета только потому, что они евреи?

А как расценивать прокурора Харьковской области Савченко, который, по выражению зав. кадрами облпрокуратуры Зеленовой, “очищал” прокуратуру, увольняя лиц еврейской национальности. Разве не издевательством над советскими людьми, над советскими принципами свободы и равенства является деятельность этой же Зеленовой, которая дошла чуть ли не до фашистских проверок “чистоты крови”, требуя от одной из сотрудниц (украинки) метрическую выписку о рождении ее матери Лукьяненко Евдокии Ивановны (умершей 40 лет тому назад) в доказательство того, что Лукьяненко – не была еврейкой и в жилах ее дочери течет чистая украинская кровь?

Необходимо выявить таких горе-руководителей, показать их настоящее лицо, наказать их, а у отдельных работников на местах не видно желания до конца исправить ошибку. Надо сразу же покончить с такими настроениями, и советская печать должна указать на это.

Я излагаю Вам свое личное мнение, свои чувства и соображения как рядовой член партии, но думаю, что я выражаю мысли и чувства многих. Батхон Владимир Павлович, член КПСС, п/б № 9119780».

Արիւնի տնայնացի (Եզով)

«Сегодня праздник для всех честных коммунистов и граждан: объявлено по радио о реабилитации врачей и профессоров. Позор для редакции “Правды”, что печатала материалы, не проверяя их, поэтому оклеветаны были честные труженики медицины. От волнения дрожит рука: этих врачей хотели уничтожить, цвет интеллигенции. Народ не успокоится, пока не накажут суровым судом Тимашук и садистов из НКВД. Эти корифеи медицины спасли столько людей от смерти.

Эта клевета на врачей, похожа на 1937 год, когда садисты (Ежовщина³²) хватили людей, сажали без всяких причин в тюрьму и расстреливали. Это два черных пятна в истории нашего государства. Я старый рабочий – остро переживал все это.

Ваши фельетоны вызывали тошноту у честных людей, они натравливали брата на брата и людей; это был козырь для всяких слухов и ненависти.

Наше государство должно считаться примером для заграницы, у нас все народы живут по Сталину, все равны. Спасибо тов. Маленкову, что он в этом разобрался. Каждый человек честный ожил. Я наблюдал на улице, когда передавали по радио, как озарились лица улыбками и слышно было возмущение по адресу садистов НКВД. Настала новая весна, опять будет равенство и дружба народов, как до 1950 года. Да будет мир во всем мире. Гражданин Советского Союза».

Արիւնի տնայնացի (Արմաճիւնցի)

«Мы, советские граждане города Днепропетровска, как и все честные люди Советского Союза и всего мира, клеймим позором бывших работников МГБ, ярых буржуазных националистов-антисемитов, подлых предателей многонационального Советского государства, бандитов-погромщиков из отродий Петлюры³³, Ежова, Гитлера, учинивших жестокую расправу и пытки, недопустимые законами Советского государства над выдающимися деятелями советской медицины – профессорами Вовси, Виноградова, Егорова³⁴, Фельдмана³⁵, Этингера, Когана Б.Б.³⁶, Когана М.Б., Шерешевского³⁷, Василенко³⁸ и др. а также учинивших жестокую травлю честных евреев СССР.

Все это оказалось ложью, клеветой и ротозейством со стороны высших, соответствующих органов. Дело дошло до того, что бывшие полицаи, выдававшие коммунистов гитлеровцам, стали кричать на евреев – “предатели”, “убийцы”, “шпионы”. А работники райкомов, горкомов и обкомов партии дают указания о снятии евреев не только с руководящих постов, но и самых рядовых – ни в чем не повинных людей, которые своим честным трудом, рука об руку со всем советским народом, строили коммунизм.

Националистам-антисемитам удалось опутать ложью народы и вселить им национальную вражду и ненависть к евреям. Там, где дело касается национальной вражды, там всегда оно проигрывает. Величайшие гении человечества Ленин и Сталин учили нас не этому. Они учили постоянно хранить и развивать дружбу народов. Бандиты-антисемиты-террористы надругались над древнейшей и культурной нацией Карла Маркса, нацией, давшей миру таких выдающихся писателей, как Шолом-Алейхем³⁹, Илья Эренбург⁴⁰, давшей миру выдающихся ученых, академиков, профессоров, конструкторов, такого выдающегося деятеля искусства, каким был Михоэлс, зверски убитый бандитами-террористами.

Мы требуем сурового наказания клеветникам-антисемитам и этой подлой шпионки – Тимашук, а также очистить аппарат нашей родной коммунистической партии – партии Ленина-Сталина от погромщиков

многонационального Советского государства. Мы надеемся, что ЦК КПСС и Совет Министров СССР и МВД, руководимое новым министром, верным учеником и соратником великого Сталина – Лаврентием Павловичем Берия, справедливо разберется в этом вопросе, и во имя мира и дружбы народов поведет политику нашей партии в национальном вопросе по пути, указанному величайшими гениями человечества Лениным и Сталиным».

Àdèí ààdàÑ. (Ì ìnrèàà Ààdàñí á óéàqáí).

«Дорогая редакция! Прошу передать мои извинения достопочтенной Лидии Тимашук за то, что в свое время не успела поздравить ее с награждением Орденом Ленина. Опоздала. Решила теперь не опоздать и спешу ее поздравить с лишением награды.

Пусть знает эта клеветница и продажная тварь, выдававшая себя советской патриоткой, что такой позорный конец ждет всех нечестных людей, пытающихся строить свою карьеру и дутую славу на несчастьи и горе невинных людей, верой и правдой служивших нашей социалистической Родине...

Еврейские трудящиеся, трудовая интеллигенция, ученые, деятели науки и культуры всегда были, есть и будут настоящими советскими патриотами, преданными сынами социалистической Родины. А если и найдутся среди евреев отдельные продажные души, отщепенцы, то их ждет конец, как любых врагов народа без различия национальности.

Опубликование Сообщения Министерства Внутренних Дел и передовой статьи “Правды” от 06.IV должно положить конец искривлению национальной политики партии в ряде мест.

Пора, пора покончить с этим. Это только будут способствовать дальнейшему укреплению морально-политического единства нашего народа. А народ у нас замечательный, ему чужды национальная вражда, антисемитизм, если только ему не будет их навязывать со стороны. Недаром тысячи честных русских людей стыдились создавшимся за последнее время положением с евреями. Они считали все это позором, изменой интернационализму.

Думаю, что выражу мнение тысяч и десятков тысяч еврейских трудящихся, что меры, принятые партией и правительством, своевременны и правильны. Большая заслуга в этих важнейших мероприятиях лично товарищей Маленкова и Берия, за что им большая благодарность. Хочется жить и работать еще лучше на пользу Родине. В среде еврейских трудящихся большой подъем и прилив энергии, которые они направят на дело строительства коммунизма».

Àáààèrà Ó.È. (Èàtèí ààdà, Ì rèdàànrèq, 5, èà 20).

«В редакцию газеты “Правда”. В связи с тем, что 4 апреля 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР отменил указ от 20/I - 53 г. о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л.Ф., как неправильный, в связи с выявившимися действительными обстоятельствами, мое поздравление, присланное в феврале м-це с/г. через Вашу редакцию в адрес Л.Ф. Тимашук, прошу считать аннулированным».

Àéàènrí àdì á Á. (Ì ìnrèàà Ààdàñí á óéàqáí).

«Редактору газеты “Правда”, копия Президиуму ЦК КПСС. Считаю своим партийным долгом обратить внимание на следующее обстоятельство. С чувством удовлетворения восприняли все передовые люди нашей страны и прогрессивная общественность во всем мире, очевидно также восприняла сообщение Министерства Внутренних дел, передовые статьи “Правды” от 6 и 7 апреля.

Однако не следует упускать из виду, что эти же сообщения и выступления газеты вызвали контрреволюционные слухи, слухи, направленные против нашего правительства и руководителей партии. “Авторы” этих массовых слухов, пользуясь пассивностью партийных организаций (в частности в Москве) и членов партии, продолжают играть на низменных чувствах, усиливают чувства национальной вражды. Мне нет необходимости передавать чудовищные по своему вымыслу содержания этих слухов, циркулирующих в настоящее время на заводах, учреждениях и квартирах столицы трудящихся всего мира – в Москве.

Помимо страусового поведения горкома партии (давшего установку в субботу 4 апреля не комментировать сообщение) слухи растут и будут расти потому, что для этого имеется идеологическая почва.

Скажу прямо: наша “Правда”, к сожалению, и огорчению сыграла неблагоприятную роль. Все мы свидетели, как “Правда” неоднократно съезжала с классовых позиций и избегала по ленински-сталински пропагандировать идеи пролетарского интернационализма. Вспомним, как безыдейно и вредно проходила кампания борьбы с космополитизмом. Вместо классового разоблачения, классового подхода к осуждению носителей космополитических идей “Правда” задала определенный националистический тон. Борьба с космополитическими бреднями зачастую сводилась лишь к раскрытию псевдонимов, чтобы подчеркнуть принадлежность того или иного автора к семитам. “Правда”, может быть, того и не желая, а воспитывала чувства национальной вражды.

А на чьей свести знаменитые фельетоны “Правды” за последние полгода, где опять-таки классовый подход заменялся нередко тем, что по своему тону и направлению фельетоны напоминали порой фельетоны “Нового времени”⁴¹ и других черносотенских органов.

Ядом шовинизма сейчас сильно отравлены многие люди в нашей стране и дети, что еще горше.

Редакции “Правды” надо всерьез задуматься о специальной пропагандистской работе, статьях. Нужно открыто напомнить людям, что писал товарищ Сталин (т. 13, стр. 28), ибо люди доходят до того, что пытаются противопоставить идеи товарища Сталина современной политике партии и правительства. Для многих думающих членов партии ясно, что дело не в Рюминых, а в том, что уже в течение ряда лет

неправильным тенденциям не давали отпор и даже, скорее наоборот, они поддерживались работниками отделов кадров и т.д. и т.п.

Интересы социалистического государства требуют борьбы за социалистическую идеологию во всем.

И в этой связи хочу еще обратить внимание на явную недооценку “Правдой” вопросов воспитания подрастающего поколения. “Правда” находит место для подвалов об искусстве и даже о стихах (хотя их значение уж не столь огромное) и не находит нужным писать о коммунистическом воспитании детей.

Уверен, что вы знаете, как неблагоприятно у вас с этим делом.

Я оставляю в стороне, что “Правда” не поддержала серьезные принципиальные выступления “Литературной газеты” о необходимости рассмотреть снова вопрос о раздельном обучении, о чрезмерной перегрузке учебных программ и учебников, о замедленном переходе к политехническому обучению.

Гораздо тревожнее то, что “Правда” не замечает серьезные недостатки в постановке воспитания детей, подростков и юношества в школе, в семье.

Неужели грубость детей и подростков, их недисциплинированность, безобразное отношение к социалистическому добру (во дворе, школе) (я уже не говорю о массовом хулиганстве и т.п.) к лицу стране, идущей к коммунизму. Соберите директоров мужских школ, они вам многое расскажут. Соберите работников милиции, родителей, да поговорите у себя в редакции на летучках и Вы вскроете такие явления в мире детей, которые не соответствуют целям социалистического воспитания. Я не видел ни в Чехословакии, ни в Болгарии, ни в Финляндии, ни в Китае такое недостойное поведение детей, как у нас в стране социализма.

Виной этому мы, взрослые. Виной этому и “Правда”, которая не критикует школы, министерство просвещения, академию педагогических наук, не мобилизует внимание общественности к вопросам воспитания, не борется за организацию разумного досуга детей. Одно внешкольное учреждение, построить и содержать дешевле, чем одну колонию для малолетних правонарушителей.

Почему наши прекрасные журналисты тт. Колосов, Рябов, Елена Кононенко, наши лучшие педагоги и общественные деятели не пишут, а следовательно мирятся со злом, с которым нельзя мириться. Все наши дети, вся наша молодежь должны быть примером всем детям мира. Во всяком случае детям народно-демократических стран и Китая по своему поведению. Они в настоящее время не являются примером.

Спрашивается: как же социалистические условия жизни порождают несоциалистическое поведение детей?

Виной этому мы, взрослые, и наша печать, а следовательно и “Правда”. “Пионерская правда” со своим 2 млн. тиражом не использует свою могучую силу общественного мнения. О морали в ней почти не пишут. Все сведено к пресловутой “успеваемости”. Коммунистическая мораль самотеком не внедряется. Нужно требовать культурное поведение и коммунистические поступки. С уважением член КПСС В. Александров».

Αααααααα (I nneaa Aααααα εΙ εεεαεεε Ι α ααααααα)

«Гр. Четчкина!42 Вы очень хорошая очеркистка, а поэтому прошу Вас написать продолжение очерка “Почта Тимашук”. Хочу знать, чем кончилась ее почта, говорят, что погром не удался. Вам спасибо за содействие. Вы ведь гуманный человек? Ваш почитатель. Дубровин».

ΑΙΙΙεεε ΙΙαΙεεεεε Ι (Οαεεεεε, αααα «ΑΙεεεεα»)

«С большим удовлетворением мы прочли сообщение Министерства Внутренних дел СССР, где сообщается о большой ошибке, совершенной сотрудниками бывшего Министерства государственной безопасности. Только в Советском Союзе может быть такой подход к арестованным и признанию своих ошибок. Но нам непонятно, кто же такая врач Тимашук Л.Ф. и по каким мотивам она действовала, кто ее подталкивал к тому, чтобы оклеветать ни в чем неповинных людей науки, втянуть в эту историю сотни людей. Какие цели она преследовала, и кто был ее вдохновителем.

Мы очень хорошо понимаем, что если врач Тимашук действительно увидела в историях болезни неправильное лечение, почему она об этом не доложила начальнику лечсанупра Кремля или Министру здравоохранения, почему она обратилась сразу в органы госуд. безопасности.

У нас возникают большие сомнения в отношении врача Тимашук, кто она, не враг ли, действующий по заданию какой-нибудь вражеской контрразведки, для того, чтобы посеять вражду между русским и еврейским народом.

Ведь что говорилось в г. Таллине, какие только слухи не ходили по городу, то обнаружено, что все лекарства отравлены, то будто бы в детских яслях и детских садиках обнаружили директиву об истреблении детей.

Мы уверены, что Тимашук не одинока в своих злодеяниях, для таких людей надо требовать суровой кары.

Мы просим ответить нам на это письмо через Вашу газету, кто же такая Тимашук и кто за ней прячется, кто ее вдохновитель? Какую кару она понесет за нанесенный вред нашей медицинской науке и честным людям.

Кто эти люди, сидящие в органах госбезопасности, не являются ли и они запутанными в сети американских диверсантов. Рабочие завода “Вольта”».

ΙΙεεε Ι.Ο. (Νοαεεεεααα, Οαααα 22, δεεε. ααα. ααα. ααα)

«С появлением сообщения об освобождении врачей, профессоров, которых ранее называли убийцами, отравителями, можно без преувеличения сказать, что это сообщение удивило общественность. Да

ошибка и ошибка довольно грубая и мы советские люди должны это воспринять, но не должны успокаиваться. Всюду и везде мы должны быть бдительными...

Забываем мы одно, что все практические знания должны быть подкреплены передовой теорией, чего у врача тов. Тимашук, по-видимому, не было. И выводы, сделанные Ольгой Четкиной на страницах “Правды” от 20-го февраля 1953 г. о том, что у нее накоплен опыт практический за двадцать с лишним лет, не говорит за то, что она за это время безошибочно познала в этой области все...

Отсюда остается сказать, что всему полезному надо учиться, а тов. Тимашук не была таким новатором, поэтому ученые и отметили в своей работе неправильные ошибочные ее выводы, а она в свою очередь имея большой опыт работы, но не имея теории, поторопилась с выводами, что и явилось обмороком общественности».

Αίτιεί τῆς ἐπιμῆς ἰ (Ἐξέλιξις)

«В редакцию “Правды”. Если вы несете хоть какую-нибудь ответственность за свои антисемитские, погромные статьи и сообщения, если вы действительно орган коммунистической партии, то вы обязаны выступить на страницах своей же газеты с недвусмысленными и честным разъяснением своего поведения до “Сообщения министерства внутренних дел СССР”, переданного по радио и объявленного в газетах 4 апреля 1953 года о реабилитации группы наших знаменитых врачей и профессоров.

Заодно, не мешало бы и вашему корреспонденту Ольге Четкиной тоже выступить по поводу своей статьи-очерка в “Правде” № 51 за 20 февраля 1953 года “Почта Лидии Тимашук”.

Кстати, и у “Крокодила”, издающегося у Вас, “рыло в пуху”. Он тоже обязан оправдаться перед народом за свою передовую статью “Отравители”, напечатанную в № 3 от 30-го января 1953 года, статью, грубо и нагло попирающую нашу советскую конституцию (ст. 123).

“Крокодил” в этой передовице прямо призывал и проповедовал расовую и национальную ненависть, совсем недвусмысленно кивая на “единокровных братьев и сестер”... “Порождение все того же Иуды”...

Стыд, срам, товарищи, вместо классового подхода, воспитывать национальную ненависть и рознь. Не это нам завещал Ленин. Вы отступили от марксизма, от заветов Ленина, Вы ложно и неправильно, тенденциозно, в духе царского “Союза русского народа” и “Союза Михаила-архангела”⁴³, Пуришкевичей и Марковых⁴⁴ ориентировали наш советский народ и вели погромную пропаганду.

Вы повинны в дискриминации целого народа, давшего революции так много (Маркс, Свердлов⁴⁵, Урицкий⁴⁶ и много других), давшего более ста человек Героев Советского Союза, давшего сотни и сотни лауреатов Сталинских премий, принесшего в борьбе с фашизмом наибольшие жертвы, более 6 миллионов человек.

Видимо, и взрыв бомбы в нашем полпредстве в Израиле⁴⁷ тоже чудовищная провокация той же самой шайки фашистов “истинно русских” людей, орудовавших бесконтрольно в бывшем министерстве гос. безопасности.

Народ ждет от Вас, товарищи, прямого и честного ответа по всем этим вопросам и большевистского признания, допущенных вами, таких грубых и чреватых огромными последствиями, прямо-таки контрреволюционных ошибок.

Вы за три-четыре года так отравили сознание многих даже честных людей, такую психическую травму нанесли нашей молодежи и, даже детям, школьникам, что для исправления этого, нанесенного вами и, почти всей нашей печатью вслед за вами, вреда, потребуются многие и многие годы воспитательной работы. Без этого, без воспитания сознания людей нам никогда не прийти к коммунизму. Так учит нас наша партия, так учил нас Ленин!

Подписываться хотят все собравшиеся, но многие еще боятся».

Ναε ἀδρά Ἰ. Ἰ. (Ἐπέλιξις Ἀπευθύνε ἰδιῶτι, 18 ἄ 7)

Кто же ретозей?..

«Тайное стало явным... Как могло случиться, что в Москве, на площади незабвенного Дзержинского, в МГБ могли орудовать заплечных дел мастера? Ведь это не село, не районный город... Как в центре столицы Советского Союза мог существовать застенок фашистского типа, а МГБ превратилось в охранку?.. Ответ ясен: Дзержинский и его чекисты были кровно связаны с партией, с народом. Перед ними, перед их моральными качествами преклонялись. Их уважали даже враги. А теперь?..

Где контроль партии? Где любовь народа? Где ответственность за человека?.. Где многое другое?.. Как часто приходится слышать резкую критику трудящихся по адресу работников МГБ и МВД, милиции, офицерского состава... “Словно памятник Александру III-му!” Так метко окрестили здание на площади Дзержинского. Как часто приходится видеть боровоподобных генералов и полковников МГБ, надменных, с апоплексической шеей, с похотливо глядящими на женщин глазами, с видом, точно они – соль земли... со следами вырождения и пороков... Поставленные в исключительные условия, получающие не по заслугам тысячи зарплаты и пенсий, машины, путевки, квартиры и другие блага.

Многие работники МГБ и МВД развратились и стали непригодными для работы чекиста. Но МГБ и МВД – автономная республика. Если за границей в тюрьму имеют вход и родственники, и адвокаты, и корреспонденты, и депутаты, если там свободно дают интервью и пишут в газетах и выступают на митингах, то в СССР этого нет.

МГБ и МВД критике не подлежат. Под предлогом служебной тайны они никого не пускают за проволоку. В Англии, например, разве возможен был бы арест 12 профессоров при наличии смехотворных данных? Разве (если бы арест состоялся) они бы просидели больше 2-3 дней? Конечно, нет. Сразу бы стало известно, что их пытаются и т.д.

Одно из двух: либо в СССР нет морально-политического единства советского народа, о котором столько писали и пишут, либо оно есть и тогда дальше такие порядки существовать не могут. Они оскорбляют до глубины души. Нужен строгий контроль над МВД, нужна критика (пусть закрытая), нужна возможность заключенным сноситься с прокурором, подать жалобу. Нужна немедленная чистка работников МВД, проверка прежних дел, ссылок, осуждений...

Нужна более чем где-либо систематическая политико-воспитательная работа с работниками МВД. Ряды их должны пополняться за счет героев Отечественной войны и трудового фронта. А развратников, стяжателей, себялюбив, унтеров Пришибеевых, благоутробных генералов и полковников-садистов – надо выгнать вон и воздать им, как должно.

ЦК партии не знает, что делается в бесчисленных управлениях, отделениях и пр. МВД по СССР. Это благодаря их преступной работе и глупости немцы дошли до Москвы, Волги и Баку...

Да, скандал с профессорами получился небывалый. Резонанс в СССР и за границей громадный. Москва взбудоражена, как пчелиный улей. Вся политучеба в тысячах кружков пойдет на смарку, если трудящиеся не получат ответ на само собой возникающее».

Ναὐτὰρ ὁ εἶπεν Ἀ.Γ. (ἃ Γρηγορίου, ἀεὶ τῶν ἀνδρῶν - 15829).

«Я, военнослужащий, прошу разъяснить мне непонятное по вопросу ранее арестованных врачей. Мне все же неясно то, на каком основании они были арестованы, как они могли наговорить на себя следственным органам то, чего фактически не было?

В сообщении Министерства внутренних дел СССР говорится, что показания арестованных, якобы подтверждающих выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части путем применения недопустимых и запрещенных советскими законами приемов следствия. Нас смущает то, как можно сказать на себя, что я получал директивы об истреблении руководящих кадров СССР из США от организации “Джойнт” через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михозлса, как это говорил ранее арестованный профессор Вовси?

Ведь их признание ничуть не смягчило бы меры наказания, если бы они фактически оказались убийцами. Здесь можно понять так, что ради своей жизни, они могут сказать все, лишь бы спасти свою душу. Да и как я могу на себя сказать, если я ни в чем не виновен?

На каком основании врачом Тимашук был подан сигнал органам безопасности о том, что группа врачей, по ее словам, является врагами советского государства, так как на самом деле они не являлись таковыми.

Несет ли врач Тимашук Л.Ф. ответственность за ложные показания на группу врачей?

Прошу вас не отказать в моей просьбе.

К сему Суровицкий Алексей Михайлович».

Дорошенко М.И. (Ярославль, Педагогический институт, Республиканская улица, 18)

«Группа студентов Ярославского педагогического института им. Ушинского просит Вас дать разъяснение по интересующему нас вопросу. Опубликованная в Вашей газете от 13/XI-53 г. хроника ТАСС об аресте группы врачей-вредителей с предельной ясностью и обоснованностью подтверждала их виновность: “Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву “об истреблении руководящих кадров СССР” из США от организации “Джойнт” через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михозлса”.

Трудно поверить, что наши советские люди, воспитанные партией Ленина – Сталина, даже при грубо неправильных методах ведения следствия, могли давать такие чудовищные и, оказывается, недействительные, признания в своей преступной деятельности.

Герои-комсомольцы в Великой Отечественной войне доказали свою горячую любовь к Родине своей деятельностью и героической смертью.

Даже жестокие пытки не сломили их волю и не дали фашистам желаемых признаний. Исходя из выше изложенного, нас очень поразило сообщение МВД, опубликованное в Вашей газете 4/IV-53 г., в котором опровергается их преступная деятельность. Убедительно просим Вас дать ответ с разъяснением по интересующему нас вопросу. Дорошенко М.И. (от группы студентов).

Ἀλλὰ καὶ ἐπεὶ τὸ (Ἐπιτάφη Ἀπὸ τῆς ἐπιπέρας τοῦ, ἡδὲ τῶν ἀνδρῶν ὁ ἀεὶ τῶν ἀνδρῶν).

«Мы группа студентов юридического факультета Львовского государственного университета обращаемся к Вам за разъяснением по поводу сообщения МВД – о группе врачей-вредителей.

Не верится, что все это было так, что допущена просто ошибка. Это же в корне подрывает авторитет наших юридических и следственных органов. А в какое положение поставлено МВД? – Позор! В кого же теперь верить? Где искать правду?

Мы требуем, чтобы через газету выступила врач Тимашук Л.Ф. и объективно рассказала как было дело.

Может здесь тоже дело не чисто?

Ждем вашего ответа через газету. Учтите, что воспользовавшись таким неясным обстоятельством дела, – еврейские националисты во Львове активизируют подрывную работу: разносят слухи, что скоро война, что Америка идет евреям на помощь, что евреям разрешат частную торговлю и всякий другой вздор.

В своем письме мы отразили не только наши мысли, но и мысли и настроения всего студенчества.

Мы заявляем, что если этого не будет сделано, то мы объявим поход в защиту врача Тимашук – ее награждал орденом Сталин, а Сталин – это правда.

Просим о нашем письме доложить Н.С. Хрущеву».

Аади ми (I eei eaa Aadi e ei eoeaeu ia oeaai u).

«Уважаемая редакция “Правды”! Вы на страницах газеты поместили тысячи писем людей, выразивших благодарность Тимашук за патриотический подвиг.

Так поместите сейчас наши проклятия, которые мы шлем за то пятно, которое она наложила на евреев, за ту ненависть, которую она разожгла еще больше, чем фашисты – к евреям.

Да будь она трижды проклята и осуждена всей общественностью. Абрамсон».

Aiiei iaieenu i (Eaei aai).

«В Ленинграде резко изменилась политика к советскому еврейству. По поводу и без повода снимают, исключают, не берут на работу, преследуют открыто и скрыто. Я русский человек. Обе мои дочери за евреями, честными рабочими, отдающими все свои силы советскому народному хозяйству.

За что же преследуют евреев под разными предлогами на 37 году революции в стране социализма, где дружба народов и всех национальностей помогает росту демократии, социализма и мира. Хуже всего, что вся эта травля евреев протекает с молчаливого согласия т. Ладакова, председателя Ленгорисполкома, а т. Андрианов не вмешивается, и все пущено на произвол.

Необходимо немедленное вмешательство нашего центра, нашего правительства, нашей партии, чтобы пресечь это безобразие в нашей стране, где все народы равны. Ссылаются на Израиль, но ведь это капиталистическая страна, а я пишу о наших советских евреях, а не об израильских. В Ленинграде форменное избиение евреев с тех пор, как нет нашего любимого вождя Иосифа Виссарионовича. Неужели нельзя прекратить это в корне.

Eopeta A.O. (Naaetate, oe. Eeeta, ai 20).

«Газета “Правда” очень широко освещала в свое время дело о врачах-убийцах. Народ был возмущен, устраивал митинги и вдруг короткая отписка – это ложь, неправда, они не виноваты.

Мы привыкли верить ЦК партии и советскому правительству, а после случившегося в сердце простого народа закрадывается недоверие о действиях ЦК партии и Советского правительства после смерти великого Сталина. Мы привыкли верить органам МГБ, ибо туда берут людей с чистой совестью, а после такого сообщения поневоле закрадется недоверие, разве что его не будет у глупого человека, или фанатика, который верит любому слову, лишь бы оно было кем-то сказано.

Поэтому общественность города Свердловска, весь народ требует детального разъяснения по делу врачей убийц или как их называли: убийц в белых халатах, иностранных наймитов, шпионов, членами еврейской международной реакционной организации и т.д. Мы надеемся, что в ближайшем номере газеты “Правда” вы осветите весь этот процесс так, чтобы ни у кого не могло бы возникнуть каких бы то ни было сомнений по поводу действий ЦК партии и правительства. После смерти великого Сталина творятся дела, вызывающие недоумение. Ждем дальнейшего разъяснения, а не краткого сообщения».

Eueia (Ooei i, Noiaei ney oe, a 22, ea 8).

«В “Правде” от 6 апреля в передовой статье: “Советская социалистическая законность неприкосновенна” дается разъяснение сообщения Министерства внутренних дел СССР. Однако остаются неясными следующие вопросы:

1. Если группа авантюристов хозяйничала в МГБ и вершила грязные дела, то для этого очевидно существовали благоприятные условия. Потеря бдительности министром государственной безопасности, как пишется в передовой, – неубедительное объяснение и напрашивается вопрос, какова была в этом деле роль Министерства юстиции, прокуроров, судебных органов? Если говорить о потере бдительности, о бездеятельности, то не будет ли правильной отнести это прежде всего к органам юстиции?

2. Какими конкретными мероприятиями будет гарантирована принципиальная невозможность повторения подобных явлений, наносящих колоссальный ущерб нашей Родине?

Прошу Вас дать ответ на страницах газеты.

Член КПСС, инженер Лызлов».

Aiiei iaieenu i (Oadieta)

«Прочел в “Правде” передовую “Советская социалистическая законность неприкосновенна”. Расскажите правду народу о застенках пыток и смерти. В странах демократии даже те, кого бросили в тюрьму, не лишены возможности печатать свои произведения, выступать на страницах газет. Напечатайте портреты несчастных врачей так, чтобы видны были их руки. Везде говорят, что у них искалечены, отрублены пальцы. О, проклятие! И это делается у нас, в стране народной демократии. Позор гитлеровским палачам!

Кстати передайте привет писателю Гросману⁴⁸. Почему он молчит. У нас же свобода мнений. Мы, например, думаем, что не обязательно умирать с одним уррра веселым на губе».

Aiiei iaieenu i (Eaei aai, 210 oei ea).

«Мы, комсомольцы школы, просим вас опубликовать статью об автономной еврейской республике, соответственно учения Сталина И.В. о самоопределении нации. Нам учителя по географии и другие ничего не говорят об этой республике.

Где находится эта республика?

Ее географическое положение, население?

Кто управляет республикой и ее административный центр?

Какие природные богатства и какая промышленность там? Сколько рабочих, крестьян, ученых евреев там?

Можно ли там поселиться?

Просим это опубликовать в связи с тем, что мы ничего не знаем из географии и с тем, что в связи с разоблачением врагов и спора о родине евреев, наш ученик Исай Самуил сказал, что наша родина там, где мы живем, а мы живем во всех странах. Это же космополитизм, капиталистическая теория безгосударственности.

А самое главное, после последнего заявления Правительства, в споре Исак, Сруль и Геннадий сказали, что теперь мы покажем русским, что такое еврей. Это нас обидело и мы просим напечатать статью. Посылаем копию в ЦК КПСС и “Правду”.

***Ètì èdàò 210 èéièù.
Nòdàà Ì.Ì. (Àààà Òàdèiàì, àièi ièàà - àdòù - 45015).***

«Товарищ редактор, я обращаюсь к вам с несколькими вопросами по поводу “шпионов-врачей”, как это было опубликовано в газете за 13-е января в газете “Сталинский сокол”.

По радио информировали, что врачей освободили. Но как же так, откуда взяты те показания врачей, что они умертвили Жданова, Щербакова и пытались, якобы, умертвить государственных руководителей?

В настоящее время идут разные кривые толки. Обсуждают этот вопрос по-разному. Я понаслышался разных разговоров.

Я надеюсь, товарищ редактор, вы не откажите мне разобраться в этом вопросе».

Ларин В.М. (Прокопьевск, Кемеровской обл., Трудовая ул., дом 2, кв. 4).

«Прошу через “Правду” дать мне разъяснение по такому вопросу:

На заводе п/я 20, где я работаю, все основные руководящие должности занимают люди еврейской национальности.

Например: директор, главный инженер, гл. технолог, гл. конструктор, главный механик, главный бухгалтер.

Примерно 50% должностей начальников цехов и отделов заняты также людьми еврейской национальности.

Среди рабочих завода евреев несколько человек.

Есть евреи с 4–7-летним образованием занимают инженерно-технические должности.

Я думаю, что это ненормальное явление.

Завод находится на территории РСФСР, а руководят им почти целиком евреи.

На нашем заводе находится слишком большая еврейская семья, которая иногда русских притесняет.

Прошу дать мне разъяснение. Член КПСС (партбилет № 7219403) Ларин В.М.

Àíííèi ífá ièñù í (Òdàdèiàà).

«Услышав по радио сообщение о том, что якобы шпионско-диверсионную группу врачей, работающих в Кремле, неправильно арестовали, мы, советские люди считаем, что это неверно. Почему, когда был еще жив вождь наш Сталин, то все газеты писали об этой вредительской группе, подробно писали о их признании, кого они отравили и хотели отравить, а когда защитник народа умер, то после его сразу нашлись, которые освободили шпионов (евреев).

Советские люди сейчас в полном волнении и возмущены, что евреев освободили. Теперь мы не уверены в том, что возможно кто нибудь из членов правительства явился покровителем этой шпионской группы.

Получается, умер Сталин – и нет защитника Советского народа, а евреям после смерти Сталина спокойно дают власть в руки. Впрочем пусть евреи продают наши Советскую родину. Но все равно мы будем вести борьбу против евреев, мы любим нашего вождя любимого Сталина и славим нашу родину».

Àíííèi ífá ièñù í (Ì ièàà).

«В газете “Правда” 6 апреля с/г. было написано, что советские люди с чувством глубокого удовлетворения узнали, что обвинения, выдвинутые против врачей отравителей, ложны. Это неверно. Наоборот, мы все советские люди возмущены этим освобождением евреев. Они и раньше отравили Менжинского и Горького. Они и теперь, если не отравляют, так все обманщики и жулики. Вся торговля в их руках. Медицина и аптеки тоже. Я простой рабочий и мы все возмущены и огорчены тем, что наше правительство без т. Сталина преклонилось перед евреями.

Уважаемый редактор, прошу вас это письмо передать тов. Маленкову. Это мнение всех людей нашей страны. Рабочий завода “Серп и молот”».

Àíííèi ífá ièñù í (Èdàì dò i dèé).

«Уважаемый тов. редактор! Мы, рабочие механического цеха НКМЗ им. Сталина, узнав о том, что подлые враги нашей Родины оправданы, хотим выразить свое глубокое возмущение по этому поводу. Как могло произойти, что изверги, убийцы в облике человека оправданы? Это вызвало возмущение всего советского народа, который горячо любит свою Родину, свое правительство, своего любимого, дорогого вождя, отца, друга и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина, которого уже нет и который, наверное, тоже был уже давно отравлен этими убийцами и поэтому так безвременно скончался. Хотя убийцы и оправданы, но весь народ их не оправдывает, т. к. не оправдывает и привилегии евреям в нашей стране. И если правительство этого не знает, то мы обращаем внимание на то, чтобы отдать должное врачам-убийцам и всем евреям, живущим за счет остальных народов нашей страны. Однако мы все же надеемся, что наше правительство, прислушиваясь к народу, примет соответствующие меры.

Рабочие механического цеха НКМЗ им. Сталина.

Письмо такого же содержания направляем Председателю Совета Министров товарищу Маленкову».

Ï ññæáíêí (Ï êíñé, Óáí òðæüü üé ïí-òáí ò, áí áññòðæáí ááí êý).

«Узнав по радио о том, что врачи-убийцы освобождены, мы, простые люди, просто удивлены. Нам история говорит, что когда Бухарина арестовали, то через некоторое время сообщалось, что факты обвинения не подтвердились. Однако после они подтвердились и Бухарин был осужден и расстрелян.

Обидно то, что сразу после смерти Сталина в руководстве нашей страны началась чехарда. Нет твердой сталинской руки. Все делается не так, как должно быть, каждый, кто как хочет, так и решает. Вот отсюда пустота бесплодных разговоров о бдительности. Повседневные события и правительственные сообщения просто дезориентируют простой народ и вызывают неуверенность и нервозность».

Áíííêí ïíáí êñü ï (Êáêéí áðáá).

«Мы, сталевары и рабочие других цехов Кировского завода гор. Ленинграда, просим ответить на нижеследующие вопросы:

Почему евреи не работают сталеварами, подсобными рабочими и чернорабочими?

Почему евреи избегают колхозы, не живут и не работают в колхозах?

Почему евреи не работают с копром в руках на метрострое, шахтах, Волго-Доне и других строительных, тяжелых работах и не учатся в школах ФЗО?

Какую инициативу проявили евреи в Великой Отечественной войне?

Неужели бывают еще хуже и жестче пытки в Министерстве государственной безопасности, какие применялись к Зое Космодемьянской и героям краснодонцам49, которые до последнего вздоха стояли на своем.

А что заставило группу врачей, работавших в Кремле, наклеветать на себя небылицу?

И что заставило Рюмина и Игнатъева сознаться в своей несправедливости. Видимо, Рюмина и Игнатъева вынудило то сознаться, что и группу “врачей”. Просим не задерживать ответ».

Áíííêí ïíáí êñü ï (ñòáí òëý «Çááðò ù Êëüé-à, Ñòññæáíêé ææ. áíð).

«Мы хотим заявить, что нам, конечно, неизвестны мотивы, из-за которых получилась такая свистопляска, как прошедшее дело врачей, но нам известно другое, о чем хотим написать.

Как могло случиться, что евреям в нашей стране созданы прекрасные условия для жизни? Как могло случиться, что как правило, еврей, получающий 1.000 р. или 1.400 р. зарплаты, живет на все 10.000 р.? Как могло случиться, что еврейские семьи могут пользоваться всеми благами, созданными рабочими мозолистыми руками?

Проверьте и вы увидите, что на 75% курортная публика, особенно в боевые летние месяцы состоит из евреев! Как могло случиться, что правительство поощряет такие дела? Мы знаем одного еврейского сына, которому родня подарила... автомобиль! Богатая родня!

Мы знаем другое – один дядюшка еврей содержит три семьи родственников, свою семью и еще свою семью духовную – свою подругу! Богатый, изобретатель, лауреат? Ничего подобного, просто еврей, который у кожевенного дела ходит. А дачи? Поинтересовались бы, вы, стоящие у власти, кому принадлежат подмосковные дачи? Сплошь им. Как это могло случиться? Вот вам еврейская семья: мама нынче уже съездила на курорт, ей летом нельзя, летом поедут на дачу все, а папа с мамой к тому же в июле-августе – на Рижское взморье поедут.

Торговля в руках евреев. А искусство? Кого выдвигают? Евреев. Плохо, очень плохо, что многого не знаете.

В день опубликования премии И. Эренбургу51 и в день опубликования о реабилитации врачей в еврейских семьях были моления и празднества. Вот этого вы не знаете, или не хотите знать. А надо знать. Уберите евреев с руководящих мест и с тепленьких, с торговли, с предприятий доходных. Русский народ, это не такие болванчики, как вы думаете».

Áíííêí ïíáí êñü ï (Ï ññæáí).

«После сегодняшней передовой “Правды” нужно ожидать массовый арест русских людей, совершенно невинных, под всякой кляузой евреев.

Когда эта нация успокоится, и когда не будет русский народ из-за нее страдать? Ежели бы эта нация не была в СССР, то еще больше было бы инициативы у русского народа. Почему другие нации нам голову не морочат. Возьмем хотя бы татары – все честно работают и честно защищали родину во время войны.

А эта нация всю жизнь нам голову морочит.

51 Â yí ààà 1953 ã Yóàí áóóáó áúèà ì òèñkè ááí à Ñò àèè ì ñèàý ì òàí èý «Çà óéðáí éáí èá ì èðà ì áeáó ì àðí ááí è».

*Áñò áí è ò àèúú áý ñò àò úý,
éí ì áí ò àðè è ì ááèè àò èý Á.Á. Èí è ø è í à*

порет чушь. Когда национал-социалисты утверждают, что евреи виноваты в нужде, в какую попал немецкий народ после 1918 года, я хотел бы спросить: разве не большинство народа, не сами немцы ответственны, в первую очередь, за свою судьбу? Почему же вы дали меньшинству забрать такую власть? Ведь это же ваша собственная вина. Если бы вы были достаточно умны и так же держались друг за друга, как евреи, тогда все было бы в порядке».

Такая позиция, такого рода откровенные высказывания не могли пройти мимо внимания гитлеровского министерства пропаганды, оно сигнализировало, что власовское движение «имеет англофильские симпатии и играет идеей возможности перемены курса. Оно не национал-социалистично <...> Является жидкой надстройкой из либеральной и большевистской идеологии. Важно и то, что оно не борется с еврейством и вообще не признает еврейского вопроса. Власовское движение высмеивает национал-социалистическое мировоззрение».

*Í í ï ðeáíáí ðó Áíáí í í e éí eéáí e Ááðóíáí íáí ñááá
ÑÑÑÑ áíí áðáé-éáé òáí áí ò
À.À. Áéáíí á é íáéí íááòáò ú áíí áééáééééé
íí ðáò í eéíá áúéé í íááóáí ú áí ááí ðá í ííéíáíéíé é ðíðú ú.*

Что правда, то правда: Власов и его сподвижники не признавали «еврейского вопроса», поскольку обычно он предполагает аномалии в отношениях между народами и проявляется в антисемитизме. Но доносами, слезкой дело не ограничивалось, как и «телегами», сочиняемыми в министерстве пропаганды. М.А. Зыкова вместе с его адъютантом гестаповцы похитили и тайно убили. Нацисты действовали традиционно, для них лучший способ принудить к молчанию – втихаря отправить на тот свет...

Власовское движение – одна из трагических страниц в и без того драматической истории XX столетия.

Личная отвага, организаторский и полководческий дар командующего РОА не спасли это движение, его руководителей да и рядовых участников. Даже если Власов допустил какие-то просчеты, устанавливая контакты с англо-американской стороной, она должна была принять меры для спасения лидеров и членов антитоталитарного движения, одинаково ненавистного Гитлеру и Сталину.

То, что не успел Гитлер, совершил Сталин при непростительном попустительстве союзников, которые вот-вот станут врагами в надвигающейся «холодной войне». Один из незримых ее фронтов в советском тылу будет определяться «еврейским вопросом», а попросту говоря, антисемитизмом, возведенным в ранг государственной политики.

По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенант А.А. Власов и одиннадцать его ближайших соратников были повешены во дворе московской тюрьмы.

Но и это еще не финал. Потоки клеветы, начавшиеся летом 1943 года, когда мы растерянно читали первые власовские листовки-обращения, не завершились с гибелью командования РОА, расправой над тысячами ее солдат, офицеров, их семей. Периодически публиковались статьи и художественные «шедевры», искажавшие существо движения, возглавляемого выдающейся личностью, мечтавшей принести свободу и счастье своей родине. Движения достаточно сложного, не лишено противоречий, чаще всего вызванных самой ситуацией. Однако бывшего достойным углубленного исследования. Не зря оно приковывало внимание генерала П. Григоренко, А. Солженицына, А. Некрича. К сожалению, нехватка достоверных фактов и цифр уменьшала эту возможность.

Лишь в наши дни вышла в Питере, впервые в России, основательная книга на эту тему, написанная серьезным исследователем К.М. Александровым, использовавшим многочисленные архивные материалы и собравшим их в своей книге «Офицерский корпус генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944 – 1945 гг.».

Картина ждет восстановления, судьбы – воскрешения, цели и средства – объективной оценки.

Завязанный на память узелок предстоит распутывать вдумчиво и ответственно.

ÈÇ-Ï ÎÄ ÃËÛÁ ÁÁËÁ

*Ï àò ï ð ï é ÷ à ï ò è é ï è ã Á.È. Ñ ï é æ á ì è ò ù ï á
«Áá ï ò è è à ò à ï à ï ò á» (Ï .: Ð ù ï ï é é ï ó ò ï 2002)*

Áá ï á ä è è È ï ò ù ð ÷ á ì é ï

*«Ò ù - áá ï ï ò è ç à é ï á é é
Ó á á ï á ì è á ï é á ï ó.
Á.È. Ï á ï ò à ò ï á è*

Çá ï ï á è à ï ð ï á ï é æ á ì é ÿ

Когда в двадцатых числах июня 2001 года, то есть в преддверии летних отпусков и культурно-политического мертвого сезона, на прилавках книжных магазинов появилась вдруг первая часть «Двести лет вместе», был риск, что за курортно-дачными хлопотами читатель мог бы попросту не заметить этого в чем-то знаменательного события. Однако новая крупная работа маститого автора, чьи новинки предшествующих лет отнюдь не пользовались широкой популярностью, сразу же попала в центр всеобщего внимания, заставив заметно встрепенуться готовую было привычно расслабиться до осени интеллектуальную публику.

Произошло это не только потому, что многих заинтриговало само обращение А.И. Солженицына к еврейской теме (в чем чувствовался скандальный душок), но и в значительной мере вследствие того, что на сей раз он не стал пренебрегать рекламой собственного творчества. К выходу в свет «Двести лет вместе» писатель приурочил публикацию в престижных либеральных «Московских новостях» большого интервью, в котором под интригующим заголовком «Раскаленный вопрос» утверждалось, что это его первая «абсолютно научно-историческая работа»¹.

Успех новой книги был ошеломляющ, он в чем-то даже затмил ажиотаж, возникший на излете перестройки (в период массовой политизации тогда еще советского общества) вокруг «Архипелага ГУЛАГ» и других впервые свободно издаваемых на родине произведений «вермонтского изгнанника». Голубовато-сероватые тома раскупались, словно горячие пирожки, захватив лидерство на книжном рынке.

Даже один из ведущих общероссийских телеканалов, запуская в начале сентября новый проект «Свобода слова», решил обратиться к солженицынскому бестселлеру. Правда, учитывая деликатность темы и памятуя народную мудрость о первом блине, это ток-шоу решено было делать не в прямом эфире, а в записи. Как показали последующие события, такая предосторожность не была излишней: приглашенные В.В. Жириновский и «памятники» Д.Д. Васильева сорвали обсуждение книги, устроив в студии вульгарный дебош. И хотя передача оказалась безнадежно загубленной, обескураженное руководство канала – как это ни парадоксально! – спасла от полного фиаско случившаяся вскоре американская трагедия 11 сентября. С этой суперсенсацией, сбившей волну интереса к книге Солженицына, и стартовала в эфире новая программа.

Интересно, что на записи злополучной передачи представителем Солженицына было дано понять, что рукопись продолжения «Двести лет вместе» почти полностью подготовлена к печати и вторая часть должна выйти в ближайшие месяц-полтора. Однако потом сроки неоднократно переносились. Да так, что исполнение обещания затянулось до декабря 2002 года, когда многие уже успели поверить в слух, что, столкнувшись с серьезными трудностями, Солженицын вообще отказался от завершения своего «еврейского проекта».

Эти толки возникли отнюдь не на пустом месте. Ведь на первую часть книги обрушился целый поток резко критических рецензий, в которых, как признал потом сам автор, было «много ожесточения». В них его яростно, хотя и не всегда справедливо, упрекали в необъективности, пристрастности, тенденциозности, даже в намеренном искажении фактов и документов. Выносился суровый, хотя в общем-то справедливый приговор: новый опус «живого классика» ничего общего с наукой не имеет и, несмотря на всю его академическую атрибутику (ссылочно-справочный аппарат и т.п.), в лучшем случае может быть отнесен к жанру исторической публицистики.

Как бы невольно признавая резонность такой оценки, Солженицын, презентуя в тех же «Московских новостях» уже вторую часть, вынужден был заявить: поскольку его книга «направлена на то, чтобы вникнуть в мысли, чувства, психологию евреев», задача ее «собственно не научная, а художественная»². То есть по размышлению зрелом он счел за благо отказаться от амбициозной претензии на научность своего сочинения и возвратиться в привычные рамки «опыта художественного исследования», в которых был написан главный труд его жизни – «Архипелаг ГУЛАГ».

В этом втором интервью «МН» продолжительная задержка выхода второй части мотивировалась необходимостью проведения ее тщательной «ревизии», в частности проверки многочисленных цитат, сносок и т.д. Однако кроме резона осуществить эту, конечно, важную, но всего лишь техническую по характеру работу, предпринятую во избежание второго вала инвектив по поводу некачественной редакционной подготовки книги, существовали, несомненно, и другие, куда более основательные причины, которые мэтр предпочел обойти молчанием. Одна из них – на поверхности: поскольку в последней части диалогии используется литература, вышедшая в свет во второй половине 2001 года, то есть после того как ее рукопись была в основном

подготовлена к печати, можно предположить, что задержка с публикацией произошла в том числе и потому, что потребовалось какое-то время на освоение новой информации и последующую модернизацию отдельных глав.

Другая причина – тоже вполне очевидная: дабы снова «не подставляться» под нож критики, требовалось в уже подготовленном тексте сгладить «острые углы», то бишь смягчить авторскую позицию по наиболее деликатным моментам истории русско-еврейских отношений путем замены прямых, откровенных и не всегда лицеприятных высказываний общими, в духе политкорректности, «обтекаемыми» рассуждениями или подходящими к случаю цитатами, играющими роль громоотводов.

У автора имелся и еще по крайней мере один мотив не торопиться, не такой явный, как два предыдущих, но, кажется, наиболее веский. Дело в том, что выход в свет первой части был отмечен если и не скандалом, то весьма досадным для Солженицына инцидентом: в редакции ведущих московских СМИ поступила отпечатанная в 2000 году в заштатном Славянске довольно кустарная, если не сказать – убогая по полиграфическому дизайну книжца, на бледно-желтой мягкой обложке которой среди прочего значилось:

Àëàèñàí äð Ñîëæåíèöû è òòóí Áàäèè à ÑÑÑÐ è à àóóóíàé Ðíññèè

Издатель, некто А.И. Сидорченко, с неуклюжим пафосом уведомлял читателей, что этим изданием он «дал жизнь шедевру великого Александра Солженицына по еврейскому вопросу в России».

Однако вместо благодарности, на которую, видимо, рассчитывал горе-издатель, за свою «медвежью услугу» он получил гневную отповедь: боготворимый им мэтр квалифицировал его «благородный» поступок как «хулиганскую выходку психически больного человека».

Но ни резкая реакция писателя, ни темная история появления на свет странного издания, ни его внешняя непрезентабельность еще не дают основания полагать, что преданные гласности 70 страниц старой рукописи Солженицына – фальсификация. Тем более что сам он, несмотря на сетования по поводу «пакостной книжицы», пока что ясно и определенно не отрекся от приписываемого ему авторства. Более того – заявил, что не будет обращаться в суд, хотя только тот мог бы, назначив экспертизу на аутентичность, внести полную ясность в эту запутанную ситуацию.

Плюс ко всему, в печати появились сведения о том, что опубликованный в Славянске текст соответствует оригиналу рукописи, переданной в свое время бывшей женой писателя Н.А. Решетовской в архив Института русской литературы Российской академии наук³. И самое главное: примерно пятая часть этого «апокрифа» потом оказалась почти дословно воспроизведенной во второй части «Двести лет вместе».

Получается нонсенс: отрекаясь от старой рукописи, Солженицын как бы автоматически навлекает на себя подозрения в плагиате. Ну а если не ерничать, а рассуждать серьезно, то такая позиция Александра Исаевича может свидетельствовать только о том, что далеко не все из написанного им тридцать пять лет назад по «раскаленному вопросу» теперь его устраивает. Особенно не ко двору пришлось сейчас, в пору миротворческих заявлений писателя («искренне стараюсь понять обе стороны... погружаюсь в события, а не в полемику»⁴ и т.п.), некоторые его прежние суждения и выводы, содержавшие резко негативную оценку роли евреев в советской истории (конкретно о них – ниже). Поэтому ему очень хотелось бы тихо похерить их задним числом. Во всяком случае, для него явно нежелательна какая-либо корреляция между новой книгой и так неожиданно вскрывшимися старыми набросками по «еврейскому вопросу».

Видимо, для того чтобы улеглись страсти по скелету – то бишь по собственноручно изготовленному компромату – неуклюже вывалившемуся из шкафа прошлого, и потребовался еще продолжительный тайм-аут, взятый Солженицыным после выхода первой части.

Впрочем, полностью прояснить ситуацию может – если, конечно, пожелает – только сам автор.

Èäññèñä-àññé èäðèñ

Как было уже сказано, книга Солженицына написана в жанре исторической публицистики, что тем не менее не исключает ее определенной научной ценности, хотя автор и не претендовал на какой-либо прорыв в этой сфере, пытаясь только «посильно разглядеть для будущего взаимодоступные и добрые пути русско-еврейских отношений»⁵. И пусть этот труд не вводит в научный оборот ранее неизвестные факты из архивных источников (к ним автор обращался лишь в единичных случаях), но в нем представлена довольно широкая палитра суждений по еврейскому вопросу, в том числе и таких авторитетных авторов, как С.М. Шварц, чьи до сих пор не утратившие научной ценности работы 1940 – 1960-х годов в России никогда не издавались. Правда, в книге звучат в основном голоса представителей русскоязычной эмиграции и проигнорирован к тому же ряд очень важных фундаментальных исследований американских, израильских и других иностранных ученых⁶.

В книге широко используется прием контраста мнений: приводятся порой диаметрально противоположные точки зрения на ту или иную проблему. По большому счету вся книга – не что иное, как историко-публицистический коллаж цитат. Иногда даже кажется, что по уровню исполнения вторая часть – подготовительный материал, не представляющий собой законченного произведения, что-то вроде эскизного проекта.

Многие исследователи делают массу выписок из многих книг, но, разумеется, не для того, чтобы потом, подобно Солженицыну, так обильно воспроизводить их в своей публикации, а с целью выработки собственного мнения, долженствующего красной нитью проходить через всю канву вновь созданного труда,

чего в данной книге, к сожалению, нет. Конечно, подобный изъяс – не следствие непрофессионализма (думать так нет никаких оснований), и автор прибегнул к технологии «рекле» («резать-клеить» выдержки из чужих книг) не ради простого облегчения писательского труда, как, впрочем, и не для того, чтобы в заочном споре идей родилась истина, которая, по всей видимости, и без того была ему известна. Скорее всего такой метод (опосредованного самовыражения) был избран им для того, чтобы как можно меньше говорить прямым текстом и, значит, без нужды не «подставляться». Главное – такой прием гарантировал искомый результат. Ведь препарировать чужие мысли – это почти то же самое, что дирижировать оркестром: последнее слово в интерпретации исполняемого всегда за маэстро.

Цитаты присутствуют в книге в таком количестве, что невольно воспринимаются как «костыли» недостаточно уверенной в себе авторской мысли или своеобразные предохранительные «прихватки» отнюдь не лишние, раз дело касается «раскаленного вопроса». Создается впечатление, что разногласия мнений потребовалась в книге главным образом для того, чтобы имитировать некую исследовательскую объективность, и одновременно для того, чтобы микшировать присутствующую в ней очевидную идеологическую заданность.

Впрочем, «безыдейной» эта книга не могла быть по определению. Ибо все произведения автора «Архипелага ГУЛАГ» в той или иной мере пронизаны духом бескомпромиссного антикоммунизма, а также русского национализма, рассматриваемого им как естественное проявление этнической самоидентификации доминирующего в России народа. Все это присуще, причем в концентрированном виде, и «Двести лет вместе», за которыми к тому же, как за некой литературной кометой, угадывается и историософский хвост знаменитого спора об исторической судьбе России, начавшегося более полутора веков назад между либералами-западниками и консерваторами-славянофилами. Родившаяся в результате «русская идея» стала попыткой на почве православной духовности обосновать «особый путь» России в контексте развития мировой цивилизации. Предложенная Ф.М. Достоевским, она потом вобрала в себя нередко противоречившие друг другу суждения и аргументы обеих сторон: как либеральной (В.С. Соловьев, Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Г.П. Федотов и др.), так и охранительно-почвеннической (Л.А. Тихомиров, И.А. Ильин, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и др.). И то, что Солженицын изначально примыкал к последней, не могло не предопределить его скорее негативного, чем позитивного видения роли и места евреев в русской истории, в которую те вошли, так сказать, через западные ворота. В общем, оценки и суждения ряда конгениальных Солженицыну мыслителей образуют довольно причудливую и эклектичную идейную канву сочинения.

В основе другого важного элемента идеологической конструкции книги лежит религиозно-мистическое понимание Солженицыным истории человечества вообще и особого предназначения в ней нации, как «не людьми изобретенного организма»⁷. Хотя и в последней работе, и в ранних произведениях Солженицына нет конкретного определения нации как таковой, как нет и четких параметров национальной идентификации еврейства, все же из изобилия присутствующих там цитаций и туманных, противоречивых рассуждений можно кое-что уяснить. Во всяком случае, понятно, что Солженицын не приемлет принятого на Западе определения принадлежности к еврейству по приверженности иудаизму и национальным традициям. Тут ему ближе расовый подход, хотя, по понятным причинам, он этого не афиширует, а, наоборот, предпочитает всячески камуфлировать с помощью той же разногласия цитат. Для него нация – категория сакральная, нечто вроде судьбоносной и несмыслимой Бжественной печати, которой с рождения отмечен каждый человек. И всякая попытка людей каким-либо образом изменить этот сделанный за них высший выбор не только бесполезна, но и греховна.

*Во всяком случае, понятно,
что Солженицын не приемлет принятого на Западе
определения принадлежности к еврейству по
приверженности иудаизму и национальным традициям.
Тут ему ближе расовый подход,
хотя, по понятным причинам, он этого не афиширует,
а, наоборот, предпочитает всячески камуфлировать
с помощью той же
разногласия цитат.*

Такое понимание, далекое от рационалистического определения нации как граждан одного государства, объединенных устойчивой общностью языка, территории проживания и социально-культурной жизни, привело писателя к выводу, что русские и проживающие с ними рядом и почти полностью ассимилировавшиеся за последнее столетие евреи суть даже не две национальности внутри одной полиэтнической нации, а полностью обособленные друг от друга нации*. Отсюда – концентрация внимания не на естественной конвергенции этих двух национальностей, которая начиная с 1920-х ярко проявлялась во всех сферах – от смешанных браков до культуры, а, наоборот, на разъединительной тенденции, хотя та, как известно, угасала с того времени. Из метафизического представления Солженицына о неотмирной, раз и навсегда данной, незыблемой природе нации следует, что русским и евреям, подобно киплингским Востоку и Западу, не суждено когда-либо сойтись, и потому в лучшем случае они могут параллельно сосуществовать друг с другом. Но для того, чтобы такое соседство было мирным и взаимоприемлемым, каждой из этих «наций» необходимо, по Солженицыну, предварительно признать свою часть исторической вины друг перед другом и обоюдно раскаяться «за грехи отцов». Причем представляется это как неизбежное следствие ответственности не юридической, устанавливаемой в отношении конкретных лиц, а всеобщей моральной, как своего рода

жизненно важная социальная терапия бессмертной души нации, страдающей некоей наследственной болезнью, которая угнетает национальный организм и препятствует его дальнейшему нормальному развитию. Так проявляется основополагающий императив «русской идеи» о всеобщем покаянии как необходимом условии нравственного очищения и морального исправления общества. Отсюда и ключевая сентенция Солженицына: «мистически спаянная в общности вин нация направлена и к неизбежности общего раскаяния»⁸.

** В этой связи представляется закономерным неприятие Солженицыным «худосочного» слова «россиянин». Между тем один из зачинателей евразийства Н.С. Трубецкой еще в 1927 г. писал, что если до революции в качестве единого национального субстрата России выступал русский народ, то в СССР эту роль может исполнить «только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом» (Солженицын А.И. Русский вопрос к концу XX века. М.: Голос, 1995. С. 102; Трубецкой Н.С. Общеевразийский национализм // Русская идея. Сборник произведений русских мыслителей. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 379).*

Но, повторенная вслед за А.С. Хомяковым, И.А. Ильиным и другими русскими религиозными мыслителями, эта идеалистическая формула в контексте «Двести лет вместе» воспринимается как всего лишь парадная декларация о благородных миротворческих намерениях автора, который, обьявив, что будет «над схваткой», на деле стал обосновывать в основном только коллективную историческую вину одной стороны – еврейской. И именно эта подспудная направленность и стала одной из главных несущих конструкций идеологического каркаса книги.

Тридцать пять лет назад Солженицын заявлял: «...Не могу... согласиться, что совсем нельзя произносить... никаких обобщающих суждений о нациях... на определенных отрезках времени и клочках пространства обобщающие суждения правомочны...» И далее: «Из-за ... немого нераскаянного высокомерия, встречаемого в еврейских глазах – мы лучше, мы талантливей, мы – избранный народ*, из-за него решаюсь я совсем не по своей охоте, но для будущей слаженной жизни писать эту работу»⁹.

** Здесь и далее выделение текста курсивом и жирным шрифтом произведено А.С. Солженицыным.*

Ныне он пытается утверждать прямо противоположное: «Хотя о нациях в целом практически люди судят – это недостаточно высокий уровень. ...Нет, я в целом о нации не сужу»¹⁰. Спрашивается, когда же писатель был искренним? Прежде, когда еще, обремененный нобелевским лауреатством и всемирной славой борца с советским тоталитаризмом, наложившими на него потом повышенную ответственность за каждое сказанное и написанное слово, отвечал лишь перед своей совестью? Или теперь, когда, опасаясь новых обвинений в антисемитизме, вынужден считаться с условностями пресловутой политкорректности? Думается, что тут не стоит торопиться с ответом. Прежде необходимо во всем детально разобраться, углубившись в конкретный текст «Двести лет вместе».

Êîí àéí íàò?

Революционному 1917-му, ставшему судьбоносным в общей истории русских и евреев, разрубившему одни узлы проблем, веками отравлявших их сосуществование в одном государстве, и одновременно завязавшем множество других, – уделено во второй части «Двести лет вместе» первостепенное внимание. Для Солженицына этот год роковой, положивший начало эпохе великих испытаний для России, отрешившейся в одночасье от тысячелетней государственности, традиционного уклада общественной и народной жизни, основополагающих религиозно-духовных ценностей. Анализируя причины, вызвавшие величайшую, в его понимании, национальную катастрофу, и рассуждая в духе своей теории исторической ответственности «наций» о движущих силах революции, он пытается определить степень участия в ней, а значит, и степень виновности как русских, так и евреев. Стремясь продемонстрировать объективный подход, писатель констатирует главное, хотя и очевидное:

«Февральскую революцию – не евреи сделали русским, она была совершена, несомненно, самими русскими... Мы сами совершили это крушение: наш миропомазанный царь, придворные круги. Высшие бесталанные генералы, задубевшие администраторы, с ними заодно их противники – избранная интеллигенция, октябристы, земцы, кадеты, революционные демократы, социалисты и революционеры... Среди-то интеллигенции уже было много евреев – но это никак не дает основания назвать революцию еврейской»¹¹.

Касаясь затем Октябрьской революции, Солженицын и ее не считает подготовленной евреями: для них «февральский режим» был самым благоприятным и потому по мере усиления большевизма они становились все более оппозиционными к нему. Да и сам Октябрьский переворот, признает он далее, «двигало не еврейство...» После чего резюмирует:

«...В 1917 году мы свою судьбу сварганили сами, своей дурной головой, – начиная и с февраля и включая октябрь-декабрь»¹².

Впрочем, то, что революционная смута 1917 года имела глубокие национальные корни, была порождена главным образом хроническими и универсальными проблемами, поразившими власть и доминирующее коренное население империи, творилась по преимуществу русскими руками (или, как вариация,

– руками «русских отщепенцев»: Ленина и др.), – задолго до Солженицына писалось в эмиграции многими: от «левых» Н.А. Бердяева и Г.П. Федотова до «правых» И.А. Ильина и В.В. Шульгина.

Разумеется, что в 1920 – 1950-е гг. в рамках дискурса о «русской идее» существенное внимание уделялось и осмыслению инационального, в том числе и еврейского, участия в революционных событиях в России. Так что Солженицын, исследуя эту проблему, шел по уже протоптанной тропе. В его книге интересны не столько сами по себе идеи и факты, которые в основном заимствованы, сколько их интерпретация, позволяющая глубже понять историческое мировосприятие автора и его личное отношение к евреям. В общем, конкретные замечания и оценки писателя куда важнее его абстрактных, «фоновых» рассуждений.

В связи с этим особенно показательна попытка Солженицына разобраться с «национальным вкладом» евреев в революцию. В итоге получилось то, что объективно сформулированный первоначально зачин о русском характере революции оказался буквально «смытым» потоком конкретных и ярко поданных обвинений против евреев. Подобный прием косвенного и подспудного сведения на нет собственных политкорректных деклараций (по принципу: шаг вперед – два шага назад) особенно часто используется Солженицыным в последующих главах, посвященных 1920 – 1930-м годам. Оттого-то эти суждения и воспринимаются не более чем показная формальность и вынужденная адаптация к господствующим ныне в обществе стандартам национальной толерантности.

Укоряя евреев за участие в сломе традиционной российской государственности и национально органичного уклада народной жизни, Солженицын делает это деликатней, чем в упомянутом сочинении 1965–1968 годов. Теперь он не прибегает к выражению «ленинско-еврейская революция в России», а, обвиняя кого-либо из евреев-революционеров и предвосхищая ответную критику за «нападки» «против всей нации», предпочитает оговариваться, что не замахивается на все еврейство, а имеет в виду только еврейских отщепенцев¹³. Таким образом, достигается относительная свобода маневра, используемая для того, чтобы отдельные и групповые прегрешения исподволь (под прикрытием объективистских фраз) возвести в степень общенационального греха, сводящегося в книге к следующему:

– хотя «Февральская революция была совершена – русскими руками, русским неразумием», она идейно готовилась и направлялась евреями («катализаторами»* революционного брожения) и находившейся под их влиянием русской интеллигенцией; доминируя в исполкоме ВЦИКа («жесткое теневое правительство», помыкавшее «безвластным» Временным правительством), евреи содействовали развалу армии, воцарению хаоса в стране (от которого потом сами и пострадали), а значит, и созданию условий для захвата власти большевиками¹⁴;

– не будучи «главной движущей силой Октябрьского переворота», евреи, вместо того чтобы не вмешиваться в «русские дела», наоборот, в лице активной молодой секуляризованной генерации «легко и быстро» совершили «перепрыг» в стан победивших большевиков, притом что другая, «благоразумная» часть еврейства не воспрепятствовала своим «отщепенцам»¹⁵;

– несмотря на то что после победы большевиков «власть... была – не еврейская, нет», «власть была интернациональная», даже «по составу изрядно и русская», однако евреи, рекрутированные во множестве новыми хозяевами страны, движимые наряду с прочим и мстостью за прошлые обиды, «с жестоким избытком использовали привалившую власть», причем в то время (1918–1933), когда большевистское государство действовало «отчетливо антирусски, на разрушение русского государства и русской традиции» и несло «все крайности террора своему населению»¹⁶.

** То же сравнение – евреи как «катализаторы» революционного процесса – используется и бывшим соратником и единомышленником Солженицына И.Р. Шафаревичем (ввел его более 20 лет назад в «Русофобии»), участвовавшим вместе с ним в сборнике «Из-под глыб» (1974) и недавно опубликовавшим новую работу по «еврейскому вопросу» (Трехтысячелетняя загадка. История еврейства из перспективы современной России. СПб.: Библиополис, 2002. С. 329).*

В подкрепление своих инвектив Солженицын приводит большое количество фактов и авторитетных мнений, среди которых преобладают голоса еврейских авторов (М.С. Агурского, Х. Арендт, И.М. Бикермана, Г.А. Ландау, М.Р. Хейфеца и других), причем в большинстве своем – самокритичные и даже порой самобичующие. И это как бы автоматически опровергает утверждения, что представляемая ими сторона «жестоковейшая» и не желает каяться.

Тем не менее это массивное обоснование не способно скрыть очевидного: «обвинительное заключение» писателя не может быть названо ни беспристрастным, ни объективным, так как страдает умозрительностью и явной тенденциозностью. Ведь зная, скажем, что кагальная система была упразднена Николаем I еще в 1844 году и с тех пор несколько десятилетий активно проводилась политика эмансипации евреев и их абсорбции русским обществом, как можно вменить в вину евреям общинным авторитетам, утратившим в результате влияние на свою молодежь, что те не смогли отвратить ее от революции?

Должно быть известно Солженицыну и то, что, когда незадолго до драматических событий 1905 года министр внутренних дел В.К. Плеве призвал раввинов отвратить еврейскую молодежь от революции, те ответили ему, что они ее «не держат в руках»¹⁷.

Или разве на разрушение только русской культуры и традиций действовали большевистские правители и разве не пострадали также инациональные, в том числе и еврейские, национальные культурно-религиозные институты и их деятели? Странно, что этого «не заметил» автор, достаточно подробно осветивший (на уровне отдельных фактов) и эти моменты.

Такая нелогичность отнюдь не случайна, она – следствие авторской концепции о послереволюционном превалировании мести национальной (накопившейся прежде всего в душах евреев) над социальной. Нет необходимости, что называется, с фактами в руках доказывать сейчас обратное: существуют тысячи непредвзятых специальных исследований, из которых ясно, что большевистский террор был, конечно, не «еврейским», а классовым, как, впрочем, и сама революция. И еще, если не «пришпиливать» походка к евреям ярлык «катализаторов», а попытаться объективно разобраться с этим социальным феноменом, то в контексте российского прошлого он может быть оценен скорее позитивно, чем негативно. Ведь на переломных этапах истории, чтобы преодолеть социальную инертность и дать импульс новому развитию, на Руси всегда востребовался фактор иноплеменного «ускорителя». Так было при Рюрике, так было при Иване III, так было при Петре Великом, так произошло и при воцарении большевиков, когда в этой роли выступили евреи. Причем активная фаза такого иноэтнического «форсажа», как правило, была скоротечна – от нескольких лет до одного-двух десятилетий. Подобно ракете, сторонняя сила выводила русский корабль на более высокую орбиту социальной модернизации, разряжая при этом свой энергетический потенциал.

Еще более противоречивое чувство возникает при ознакомлении, с, так сказать, ударной частью доказательного арсенала Солженицына – многочисленными номенклатурными списками, включающими в себя десятки фамилий евреев-начальников различного ранга, подвизавшихся с 1917 года по 1940-е годы на ниве партийного руководства, государственного управления, культуры, науки, верховодивших в общественных организациях, ВПК, армии, репрессивных органах. Впрочем, эти перечни, а также соседствующая с ними цифирь абсолютной и относительной (в процентах) численности евреев в различных структурах и отраслях могут произвести впечатление разве что на не очень искушенного читателя. Для интересующихся новейшей историей подобные «косвенные доказательства» вины евреев отнюдь не откровение. Похожие списки – в трудах тех же западных ультра националистов (вроде Г. Форда и ему подобных), в – пропагандистской литературе Третьего рейха, с ее жупелами «жидобольшевизма», «жидомасонства» и «западной плутократии», в – недавно рассекреченных советских документах периода позднего сталинизма, бивших тревогу по поводу «засилья» в руководстве «нерусских людей», и, наконец, в – современных отечественных антисемитских изданиях, запугивающих обывателя «еврейской оккупацией России».

Правда, представленные в подобной литературе «еврейские списки» составлены довольно примитивно: чаще всего – по слухам, либо – на основе недостоверной или сознательно подтасованной информации. «Перечни» же Солженицына, носящие в его книге далеко не «иллюстративный», как он утверждает (с. 285), характер, достаточно тщательно выверены, что, впрочем, только повышает их эффективность как орудия прокламируемых им идей. Но совсем избежать ошибок, многие из которых можно назвать оговорками по Фрейду, писателю все же не удалось. Будучи особенно суровым по отношению к евреям-чекистам (этим «верховным... представителям российских евреев»¹⁸), он причисляет к ним и ряд неевреев (попали под горячую руку?): А. Шанина (русского), Пурниса (латыша; к тому же никогда не состоявшего, как утверждает, уполномоченным НКВД по Азербайджану), Л. Захарова-Мейера (русского, взявшего в качестве псевдонима фамилию погибшего в Гражданскую войну друга), В. Лазаревича (русского)¹⁹.

Впрочем, эти и некоторые другие неточности обусловлены, как представляется, просто недостаточным знанием фактов*. Но встречаются ошибки, носящие, видимо, не случайный характер. Сопряженные, как правило, с резко негативными эмоциональными характеристиками тех или иных персоналий, они скорее всего порождены соблазном любым способом подкрепить теорию об исторической вине евреев, пусть даже в ущерб истине, но зато броско и эффектно. К абберациям такого рода следует отнести:

– произвольное причисление к еврейству кинорежиссера С.М. Эйзенштейна, обвиненного в искажении истории и «взвинчивании проклятий на старую Россию» в знаменитом «Броненосце “Потемкин”»** (с. 267);

– то же самое – в отношении происходившего из немцев А.Г. Шлихтера, виновного якобы в провоцировании Киевского погрома 1905 года и названного (за пребывание на должности наркомпрода Украины в 1919-м и причастность к подавлению крестьянского восстания на Тамбовщине в 1921-м) одним из «бессмертных удавчиков крестьянства» (ч. I, с. 373–375; ч. II, с. 133, 271);

– не соответствующее действительности упоминание в качестве наркома снабжения СССР некоего М. Беленького (с. 285), «пятого по счету» деятеля с такой фамилией, как бы символизирующей в книге универсальность еврейского проникновения во власть.

Подобные вольные ошибки перемежаются такими же вольными подтасовками и искажениями одних фактов, явной фабрикацией других («выгодных») и намеренным замалчиванием третьих («невыгодных»). В наибольшей степени все эти особенности, так сказать, творческой манеры автора проявились в его отношении к такой неоднозначной и противоречивой личности, как Л.Д. Троцкий. Поскольку идеологические шоры не позволили Солженицыну объективно подойти к оценке этой яркой и многогранной исторической фигуры, у него она получилась невыразительно «однотонной», сплошь замалеванной единственно только краской еврейского национализма. Следуя своему «фирменному» приему сначала скороговоркой признать очевидное – «сам Троцкий был – несомненный интернационалист», Солженицын далее

пытается убедить читателя в совершенно противоположном: этот революционный лидер, волей судьбы оказавшийся у кормила русской власти, только и делал, что внедрял в нее своих соплеменников (например, Э.М. Склянского) и грешил кумовством (назначил отца директором подмосковного совхоза). Даже выступление Троцкого в апреле 1919 г. на политбюро с критикой преобладания евреев и латышей в аппаратах прифронтовых и тыловых ЧК, исполкомов и центральных советских учреждений преподносится как нечто формальное, несущественное, не имевшее реальных последствий²⁰.

** К подобного рода неточностям относятся, в частности, еще и такие: М. М. Каганович никогда не совмещал должности наркомов оборонной и авиационной промышленности (с. 281); член президиума ЦКК Арон Сольц (у Солженицына – Исаак Сольц) умер не в 1940 г. в заключении, а в 1945 г. в собственной постели (с. 300); нарком морского флота СССР С.С. Дукельский не был расстрелян (с. 321) и даже арестован, а благополучно дожил до 1960 г., и т.д.*

*** Тут же, что называется, «до кучи» Солженицын клеймит и В.Э. Мейерхольда (с. 267), но уже не как представителя евреев (к таковым тот не причисляется), а как космополита, что само по себе примечательно, ибо «работает» на расхожий миф о том, что все сверхреволюционное, все «враждебное русской культуре» (Пролеткульт и т.п.) было, так или иначе, еврейским. Не случайно после войны «безродных» космополитов не из потомков пророка Моисея именовали в кулуарах власти «духовными евреями».*

Однако достоверно известно, что для Троцкого такие заявления не были ни игрой, ни демагогическим приемом. Когда примерно в то же время В.И. Ленин предложил ему пост своего единоличного зама по Совнаркому, он решительно отказался, сославшись на то, что такое назначение позволит «нашим врагам... утверждать, что страной правит еврей». Показательно, что еще раньше Троцкий по той же причине отверг предложенный Лениным пост наркомвнудела. Да и предостережение Троцкого, высказанное на упомянутом заседании политбюро, все же со временем возымело действие, хотя и в другой сфере: известны слова В.И. Ленина, сказанные, как только большевики прочно обосновались на Украине:

«У нас на Украине слишком много евреев. К осуществлению власти должны быть привлечены истинные украинские рабочие и крестьяне».

Кроме того, один из руководителей евсекций А.Н. Мережин потом утверждал:

«С XII съезда (апрель 1923 г. – Г.К.) мы проводим усиленно снятие евреев с ответственных постов.

Это проводилось по всему СССР, начиная сверху и кончая окружками»²¹.

Жаль, что все это не нашло отражения в книге Солженицына.

Так же тенденциозно излагаются факты, когда в книге речь заходит и о других видных большевиках еврейского происхождения. К примеру, много язвительного сарказма в строках, посвященных Ю. Ларину и его публицистическому труду «Евреи и антисемитизм в СССР» (М.–Л., 1929). Хотя натура этого человека действительно была довольно сложной и характер – тяжелым (сказалась инвалидность с детства), а присущую ему эмоциональную неуравновешенность и авантюризм отмечал даже Ленин, тем не менее он обладал сильными волевыми качествами и бесспорными организаторскими и интеллектуальными способностями. Книга же Ларина, несмотря на желчное ее комментирование Солженицыным и встречающиеся в ней отдельные ошибки, – в целом довольно солидное и объективное исследование, не утратившее и поныне определенной научной ценности. Кстати, все это – вопреки собственным оценкам – косвенно подтверждает и сам Солженицын, довольно часто и, быть может, больше, чем ему хотелось бы, ссылаясь на эту работу и черпая из нее факты и статистику. Однако, послушный собственной догме, он не только однобоко негативно отзывался об этом деятеле, но и пытается подкрепить это свое суждение превратно интерпретированными фактами. Например, говоря об аресте и расстреле председателя ЦИК Крымской АССР В. Ибраимова, Солженицын представляет это как прямой и непосредственный результат доноса в ЦК ВКП(б) Ю. Ларина, мстившего татарскому руководителю за резкую критику его проекта заселения Северного Крыма евреями (с. 244).

На самом деле все обстояло далеко не так. Да, действительно, 28 октября 1926 года Ларин направил в Кремль резкую по тону записку, в которой говорилось: противодействие КрымЦИКа переселению евреев «имеет характер охраны кулацких интересов на юге Крыма... служит националистическо-шовинистическим чаяниям ориентирующейся на Турцию части татарской буржуазии». Однако за это заявление и аналогичную по содержанию речь на состоявшемся через месяц всесоюзном съезде Общества по землеустройству еврейских трудящихся Ларин поплатился снятием с поста председателя этой организации и партийным договором «за безответственное выступление». И только в январе 1928 года Ибраимов как скрытый пантюрист и сепаратист был арестован и в апреле расстрелян. Эта гибель – не результат случайного оговора или аппаратной интриги. Ибраимов был обречен, потому что Сталин подозревал его в связях со своим давним врагом, «национал-уклонистом» М.Х. Султан-Галиевым, взятым под стражу в декабре того же года²².

Кажется, автор только скользит по поверхности фактов, не углубляясь в их суть, как будто они не маяки в исторических потемках, а всего лишь искусно подобранная подсветка к давно выработанной им концептуальной схеме. Так как этой схемой прокламируется приоритет межэтнических противоречий над социальными, игнорируется, скажем, то, что та же послереволюционная русско-еврейская межнациональная

напряженность была вызвана прежде всего политической причиной – недавней насильственной сменой правящего слоя в стране. Отсюда – смысловые аберрации в подаче ряда фактов. Так, упразднение историко-филологических факультетов российских университетов (в марте 1921 года) Солженицын объясняет «национальным побуждением» большевиков – вместе с понятием «русская история» вытравить из общественного сознания и понятие «великороссы» (с. 274). Однако более позднее высказывание одного из разработчиков соответствующего декрета М.Н. Покровского («“русская история” – есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и “единой и неделимой”»)23 свидетельствует о том, что им двигали прежде всего политические соображения.

Совершенно голословно и вопреки исторической правде в книге утверждается, что после революции молодых евреев, «хоть и буржуазного происхождения», в отличие от представителей других национальностей без каких-либо ограничений принимали в вузы как представителей «нации, угнетенной при царском режиме» (с. 202). Сомнителен и вывод о том, что в ходе репрессий против «буржуазных спецов» на рубеже 1920 – 1930-х годов пострадали «подавляюще» только русские и немцы (с. 274). Тогда как, скажем, почти половина из 14 подсудимых, осужденных в 1931 году по делу «Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)», приходилась на экономистов еврейского происхождения (В.Г. Громан, И.И. Рубин, В.В. Шер, А.М. Гинзбург и другие). Да и сам Солженицын, как бы опровергая самого себя, пишет далее: среди 48 специалистов-пищевиков, расстрелянных в сентябре 1930 года, евреев было «не меньше десяти» (с. 276).

Допуская погрешности, иногда достаточно серьезные, в анализе и осмыслении фактов, писатель, как это ни парадоксально, несмотря на свой преклонный возраст, значительно преуспел с годами в оттачивании формы их подачи, усовершенствовав, в частности, свой разоблачительный пафос, придав ему бо́льшую изощренность. Если в рукописи 1965–1968 гг. Солженицын с открытым забралом выходил на бой с предводителем воинствующих безбожников СССР, в лоб заявляя: «Громил православие Емельян Ярославский – еврей, Губельман Миней Израилевич», – то теперь он наносит главный и решающий удар – объявляет о национальности Ярославского (предъявляя тем самым «счет» «ответственному» за него еврейству) – опосредованно, надев перчатки заемных цитат, точнее, уснащая концовку своей филиппики выдержкой из книги С. Марголиной:

«Публично громила православие целая шайка “воинствующих безбожников” во главе с Губельманом-Ярославским. Верно отмечают теперь: “особенно возмущало, что еврейские коммунисты принимали участие в разрушении русских церквей”»24.

Разобравшись в том, «как же стало такое непомерное участие евреев в восхождении... государства... несущего все крайности террора своему населению» (с. 117), и показав, как потом в течение двадцати лет «управительные евреи... поучаствовали в разгроме религии, культуры, интеллигенции и многомиллионного крестьянства» (С. 298), Солженицын от списков номенклатурных назначений евреев переходит к мартирологам «евреев вельможного слоя, попавших под сталинский топор». Кровавую жатву, собранную «большим террором» среди евреев, «внесенных» «в ряды вершителей всероссийской судьбы» (с. 293), писатель не приемлет как искупительную и очистительную жертву за прежние грехи. Такой финал он рассматривает как изначально предрешенный роком жизненный крах всех «делателей революции» (с. 295).

В отличие от Солженицына его коллега по литературному цеху комнационалист С.Ю. Куняев не так ригоричен, когда не без цинизма утверждает: сыновья и внуки тех, кто был уничтожен большевиками в первые годы их правления, «вспоминали 37-й год и кампанию против космополитов, с удовлетворением осознавая, что как-никак, а часть исторического долга само государство взыскало с палачей и обидчиков их отцов и дедов. А на оставшуюся часть долга уже можно было махнуть рукой. К тому же наше православное христианское чувство смягчало жажду мести»25.

Бескомпромиссность Солженицына – фундаменталистского свойства. Хотя уже не за горами столетний юбилей Октября, он продолжает настаивать: еврейскому народу следует морально отвечать «за все свое прошлое», и особенно за «своих революционных головорезов и за готовые шеренги, пошедшие к ним на службу» (с. 120). И как бы он при этом ни отрешивался от упреков за огульное обвинение евреев, оно как бы подразумевается его умозаключением: «А если снять ответственность за действия своих соплеменников, то понятие нации вообще теряет всякий живой смысл» (с. 120). И выходит, что если все должны каяться, значит, и вина на всех.

В марте 1917 г. именно думец Шульгин принял от Николая II отречение от царского престола.

В Гражданскую войну примкнул к белым, а после их разгрома эмигрировал в Европу, осев после нескольких лет скитаний в Югославии. В 1929 году опубликовал печально знаменитую книгу «Что нам в них не нравится...», в которой без обиняков объявил себя антисемитом.

В этом смысле Солженицын твердо, хотя и не явно, придерживается позиции, сформулированной почти три четверти века назад его предшественником в исследовании «еврейского вопроса» в России – В.В. Шульгиным, писавшим тогда: «На самом деле все члены одной и той же нации скованы неразрывными цепями, и за всякое деяние каждого все несут коллективную ответственность. “Все за одного, один за всех”»26.

Василий Витальевич Шульгин (1878 – 1976) – личность историческая, натура яркая, талантливая и вместе с тем неоднозначная, вобравшая в себя, кажется, все противоречия эпохи, в которую ему выпало жить.

Родившийся в семье профессора истории Киевского университета он окончил юридический факультет того же университета, и в 1907 году, будучи избранным депутатом II Государственной думы, вошел, как сейчас выражаются, в большую политику. С 1913 года руководил изданием газеты «Киевлянин», и на ее страницах выступил против процесса над М. Бейлисом. Придерживаясь правых националистических и верноподданнических убеждений, он тем не менее, войдя в 1915 году в «Прогрессивный блок» либерала П.Н. Милюкова, поддержал его требование о назначении «правительства народного доверия» и о постепенной отмене законов, дискриминирующих евреев. В марте 1917 г. именно думец Шульгин принял от Николая II отречение от царского престола. В Гражданскую войну примкнул к белым, а после их разгрома эмигрировал в Европу, осев после нескольких лет скитаний в Югославии. В 1929 году опубликовал печально знаменитую книгу «Что нам в них не нравится...», в которой без обиняков объявил себя антисемитом.

Этот острополюемичный политический памфлет, сильно разнясь по форме с наукообразной, явно перегруженной фактами, цитатами и сюжетно рыхлой книгой Солженицына, не так уж сильно отличается от нее по принципиальной идеологической сути. Помимо того что Солженицын довольно часто ссылается на работу Шульгина и приводит из нее немало цитат, и у того и у другого национальный момент в развитии общества явно доминирует над социальным. У обоих «баланс» «революционной вины» русских и евреев подведен не в пользу последних, соответственно и требование покаяться за участие в сокрушении тысячелетней России предъявляется этими авторами в первую очередь к евреям.

Совпадают, и отнюдь не случайно, также их некоторые конкретные оценки и суждения: о «малороссийском характере» дореволюционного антисемитизма в России, который якобы не имеет ничего общего с советским антисемитизмом 1920-х гг., о дезорганизующей антигосударственной роли после Февральской революции руководителей исполкома Петросовета Нахамкиса-Стеклова и Гиммера-Суханова, причем последний обоими авторами назван евреем, хотя таковым не являлся. Более того, сетования Солженицына по поводу упоминавшегося выше кинофильма Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”» явно перекликаются с аналогичным мнением из другой книги Шульгина «Три столицы».

Еще большее влияние книги Шульгина ощущается в «еврейских записках» Солженицына тридцатипятилетней давности, где оно проявилось, в частности, в заимствовании явно антисемитских сюжетов о якобы подражательном, популяризаторском характере таланта евреев, об использовании ими русских псевдонимов как элемента маскировки своего национального влияния в обществе и т.п.²⁷

Все это рождает отнюдь не безосновательное предположение, что публицистическое наследие Шульгина наряду с собственными ранними наработками по «еврейскому вопросу» составили основной источник идей Солженицына при написании «Двести лет вместе», притом источник тайный, афишировать который в наш политкорректный век не принято.

Вместе с тем Шульгин – далеко не alter ego Солженицына. Первый импульсивен, эмоционален, откровенен, даже не чужд скандальной славы*, в значительной мере диалектичен, прагматичен и гибок. Второй же, напротив, – более статичен, консервативен, последователен, основателен и метафизичен в том, что касается идейно-политических убеждений, симпатий и антипатий. Существуют и различия в конкретных суждениях Шульгина и Солженицына по «еврейскому вопросу». Скажем, если первый склонен был считать основную массу евреев, примкнувших к большевикам, орудием в руках власти, то второй категорически против такого толкования их роли. Шульгин довольно прозорливо предрекал:

«Власть есть такая же профессия, как и всякая другая. Если кучер запьет и не исполняет своих обязанностей, его прогоняют. Так было и с нами: классом властителей. Мы слишком много пили и пели. Нас прогнали. Прогнали и взяли себе других властителей, на этот раз “из жидов”. Их, конечно, скоро ликвидируют. Но не раньше, чем под жидами образуется дружина, прошедшая суровую школу. Эта должна уметь властвовать, иначе ее тоже “избавят”»²⁸.

В свою очередь, Солженицын, полемизируя с И.М. Бикерманом, утверждавшим, что «евреи могли быть только наковальной (т.е. орудием в руках власти. – Г.К.) и никогда – молотом», стремится доказать, что «...с Восемнадцатого года в России и еще затем лет пятнадцать – примкнувшие к революции евреи были также и молотом, – изрядной долей его массы» (с. 99).

И еще один штрих. Воздав в начале всемирной националистической лихорадки и задолго до Холокоста хвалу антисемитизму, Шульгин потом под влиянием войны и ГУЛАГа, где подружился даже с неким падиком из Литвы (свидетельство Ю.О. Домбровского), возможно, переменил свое отношение к евреям. Снимаясь на 86-м году жизни в документальном фильме «Перед судом истории», он проявлял трогательную заботу о годившемся ему в сыновья режиссере Ф.М. Эрмлере²⁹.

Αὐτὸς ἐὸς ἐξὶ : ἀὐτὰρ ἐξὶ ἴϊ ἐαὶ ἐά..

Проблема антисемитизма для Солженицына, который лично многократно и часто несправедливо обвинялся в этом пороке, – наверное, самая болезненная и потому наиболее трудная для исследования. Во всяком случае, чувствуется, что он подходит к ее рассмотрению с явным предубеждением, считая, что та во многом надуманна, спекулятивно раздута некими заинтересованными силами, превратившись в циничных руках в инструмент дискредитации и шельмования неугодных лиц.

*** Находясь зимой 1925/26 гг. нелегально в России, он, для того чтобы сбить со следа чекистов, пытался перекрасить бороду поддельным кустарным**

красителем. Потом этот курьезный случай был мастерски обыгран И. Ильфом и Е. Петровым в «Двенадцати стульях».

Подобный взгляд и опасения в чем-то оправданы. Достаточно упомянуть, что даже израильский кнесет летом 2001 года был вынужден принять специальное постановление, запрещающее в ходе парламентских дебатов употреблять выражение «антисемит» как отнесенное к разряду демагогических, оскорбительных и «ярлыковых»³⁰. Вместе с тем отрицать на этом основании само существование стоящего за этим словом социального явления, причем до сих пор широко распространенного, – значит, не замечать очевидного.

О том, что антисемитизм отнюдь не был «изобретен» евреями как своего рода тайное идеологическое оружие, свидетельствует хотя бы факт, что этот термин был предложен в 1880 году немецким журналистом и ненавистником евреев В. Марром. В это понятие он вкладывал позитивный смысл, трактуя его как жизненно необходимую защитную реакцию коренного населения на «все расширяющуюся социальную экспансию» еврейства. Так же потом понимал антисемитизм и Шульгин, считавший, что евреев, как «сильную нацию, очень бесцеремонно проталкивающуюся “наверх”», национальному государству необходимо сдерживать и «осаждать», хотя и не посредством погромов («массовые расправы... отжили свой век»; допущение «народных взрывов» есть «признак безволия» государства), но – прибегая к так называемому политическому антисемитизму, который он еще именуется «рассудочным» и «рационалистическим»³¹. Аналогичную, но более решительную позицию, предвосхитившую Холокост, занимал Гитлер, еще в 1919 году писавший: «Но конечной целью рационального антисемитизма может быть тотальная депортация евреев»³².

Однако после того как эти «теоретические» упражнения обернулись в конце концов одной из величайших исторических трагедий, а официально исповедовавшие и практиковавшие юдофобию нацистские лидеры были заклеены как самые опасные враги цивилизованного человечества, за редким исключением даже ультранационалисты уже не решались более открыто называть себя антисемитами. С тех пор идейные ненавистники еврейства вынуждены были всячески маскировать свои взгляды и пропаганду, заявляя, что если и призывают в чем-то законодательно ограничить права евреев, то тем самым они пекутся не только о защите жизненно важных интересов собственного народа, но и о благе и безопасности самих евреев, и, само собой, их претензии адресуются не всем евреям, а только отдельным их представителям, пытающимся тем или иным образом подчинить своему влиянию коренное население.

Скажем, И.Р. Шафаревич, заявляя, что «евреи будут полезны России», ныне даже готов смириться с тем, что «сосуществование в одной стране с влиятельной группой, отождествляющей себя с еврейством... это судьба русских на ближайшем этапе истории». Но при этом он настаивает на соблюдении основополагающего, в его понимании, условия: «...необходимо, чтобы власть в России находилась в русских руках», причем подразумевается «руководство всех уровней и во всех областях деятельности – в политике, СМИ, культуре, господствующей Церкви, экономике и... финансах»³³.

Такая позиция отнюдь не нова и мало чем отличается от того положения, которое существовало в Советском Союзе со времен И.В. Сталина, скрытно проводившего с начала 1940-х годов политику «сдерживания» еврейской социальной активности. Конечно, этот потаенный, нелегитимный, «исподтишковый» антисемитизм не шел ни в какое сравнение с агрессивной нацистской юдофобией. Если последняя – масштабное и испепеляющее все живое пламя (недаром Холокост в дословном переводе – всеожжение), то первый – пожар на торфянике, горящий где-то глубоко в недрах и проявляющийся разве что выбросами на поверхность удушливого и едкого дыма (чем не аллегория послевоенных пропагандистских кампаний против «космополитов» и «врачей-вредителей!»). Тем не менее и этот невидимый огонь унес десятки жизней евреев, показавшихся вдруг власти опасными.

Скажем, И.Р. Шафаревич, заявляя, что «евреи будут полезны России», ныне даже готов смириться с тем, что «сосуществование в одной стране с влиятельной группой, отождествляющей себя с еврейством... это судьба русских на ближайшем этапе истории». Но при этом он настаивает на соблюдении основополагающего, в его понимании, условия: «...необходимо, чтобы власть в России находилась в русских руках...»

Что касается Солженицына, то он, близко общаясь в годы диссидентства с тем же Шафаревичем, вкуче с ним тогда скорее одобрял советский латентный антисемитизм, нежели осуждал. Во всяком случае, соответствующим духом пронизан сформулированный им в то время проект решения «еврейского вопроса» в посткоммунистической России, состоящий из следующих основных моментов:

– «свободный выезд в Израиль всем желающим»;

– «для всех остающихся и заявляющих себя **русскими евреями** – полная религиозная свобода, культурная автономия (школы, газеты, журналы, театры). **Ни в чем не мешать им ощущать себя нацией!** Но в занятии высших государственных должностей – примерно те же ограничения, что и сегодня»;

– кто полностью откажется от еврейства, заявит себя «**по душе – русским**» и «**практической работой**» в течение нескольких лет, «может быть», «и в северной глуши», докажет это, тот – «**полный гражданин новой России**».

Необходимость государственных рестрикций в отношении евреев Солженицын мотивировал тем, что, они, во-первых, в массе своей «**двоedanцы**» (т.е. люди как бы с двойным подданством, притом, что

«главная боль и главная любовь у них» – «Израиль и «мировой еврейский народ»*), а во-вторых, после образования собственного государства на Ближнем Востоке – вообще могут рассматриваться в России как «приживальщики» и «гости». Кроме того, писатель советовал евреям ради собственной пользы перевоспитаться – отказаться в отношениях друг с другом от «взаимного благоприствования», «вести для себя правила самоограничения», не выражать «не только внешне, но и внутренне» «пренебрежительного мнения о народе-хозяине»³⁴.

Проект этот, разумеется, не некая абстрактная формула, а плод многолетних раздумий Солженицына, скол с его мировоззрения, формировавшегося в богатую на национальные катаклизмы первую половину XX века; наконец, результат во многом драматического и противоречивого личного жизненного опыта. Статьи, упомянутые рекомендации не были включены в последний труд писателя. Ныне он счел за благо для себя просто «умыть руки», скромно констатируя, что предвосхитить дальнейшее развитие взаимоотношений российского еврейства с новой Россией «уже за пределами жизненных сроков автора» (с. 522).

Хочется верить, что такой, пусть и неявный отказ от прежних установок произошел вследствие того, что Солженицын, работая над последней книгой и пропуская через себя огромный объем исторической информации о евреях, не мог не углубить собственного понимания проблем этого народа (возможно, даже ставшего ему в результате и ближе, и понятней), а значит – и не преодолеть предубеждений, возникших у него когда-то на национальной почве. Хотя не исключено – писатель решил не возвращаться к своим старым наработкам, чтобы просто в очередной раз не «подставляться».

*** Принцип «двойной лояльности» евреев, обоснованный в свое время лидером американских сионистов Л. Брендейсом, нигде в странах Запада, как мы знаем, официально не рассматривался как угроза национальной безопасности.**

Дабы как-то разрешить эти сомнения можно провести своего рода заочный психоанализ, обратившись к истокам формирования соответствующих комплексов в сознании писателя. В этом плане чрезвычайно важны годы пребывания Солженицына в ГУЛАГе, сыгравшем в его судьбе примерно ту же роль, что «Мертвый дом» в жизни Ф.М. Достоевского. Не случайно «Архипелаг ГУЛАГ» стал вершиной творчества Солженицына, а соответствующая глава в «Двести лет вместе» – лучшей во второй части этой книги. Небольшая по объему – чуть более десяти страниц, – она чрезвычайно эмоциональна и написана с наибольшей долей авторской откровенности. Как никакая другая глава в книге, она основывается на тексте, подготовленном еще в середине 1960 годов. Отдельные сюжетные линии в ней только логически развиваются в заданном прежде направлении, не переосмысливаясь и тем более не переоцениваясь.

Скажем, характеризуя начальника работ Беломорстроя и «злого духа всего Архипелага» Нафталия Френкеля, Солженицын дополняет этот «образ» (говорить о реальной человеке тут не приходится) только новым цветистым эпитетом – «неутомимый демон “Архипелага”», да еще краткими биографическими данными, необходимыми разве для того лишь, чтобы завершить сюжет в изначальном выспренном стиле:

«Что двигало его ненавистно злым сердцем? Кроме жажды мести к России не могу объяснить ничем»³⁵.

Впрочем, куда важней для понимания сегодняшней позиции Солженицына по «еврейскому вопросу» не те куски из старых наработок, что были в том или ином виде перенесены им в новую книгу, а те, что он предпочел почему-то предать забвению. Особенно значимыми в связи с этим являются прежние воспоминания автора о ГУЛАГе. Написанные с предельной искренностью, они позволяют осмыслить роль рефлексий Солженицына в последующем формировании его идейной позиции.

Ключевыми и в каком-то смысле даже саморазоблачительными являются те из них, что содержат наполненные почти физиологическим отвращением описания встреч с неким И. Бершадером («лет пятидесяти, низенький, неприятно-жирный, с хищным носом и взглядом, толстыми похотливыми губами»), «придурком», нагло объявившим себя «кладовщиком по специальности». Дорогого стоит натуралистически подробно описанная сцена омовения этого субъекта в ванне для лагерного начальства. Вольно или невольно подражая Л.Н. Толстому в «Войне и мире» (знаменитая предбородинская сцена утреннего туалета в походной палатке Наполеона с умощением его тучных и волосатых телес одеколоном), Солженицын, случайно узревший Бершадера во время столь интимной процедуры, потом напишет:

«Не помню более неприятной мужской наготы. Бершадер лежал в ванне, поджав ноги, и казался круглым жирным комом пудов на шесть. Как свисали у него жирные щеки со скул, как свисали дальше волосатые мешки груди, и жирные мешки на ребрах, и волосатый огромный живот»³⁶.

Эта яркая, насыщенная авторскими переживаниями сцена не вошла в «Двести лет вместе», как, впрочем, и итожившее этот эпизод весьма примечательное умозаключение: **«Èi áí íí á òàéíì èààà òàðýàóù áíð ñàòèííòù è òàááííòù ñáéò ï òáéí èò éí òàðíàòèíí áéíí ùò óáéááí èé»³⁷.**

Столь серьезный вывод мог быть сделан только под воздействием очень сильного впечатления. И даже если нанесенные подобным потрясением душевные раны с годами все же затянутся, на их месте все равно останутся болезненные рубцы. Возможно, в этом и кроется разгадка того, почему сейчас Солженицын почти ничего внятного не пишет о существовании в СССР официального антисемитизма, а так называемым «черным годам» (1948 – 1953) в истории советского еврейства посвятил в своей последней книге всего 14 страниц из 522.

Соответствующая глава в книге – «С конца войны – до смерти Сталина» – пожалуй, самая слабая. Несмотря на свой небольшой размер, она содержит, наверное, наибольшее количество ошибок, в большинстве своем обусловленных желанием автора как-то усилить вину евреев и одновременно преуменьшить реальный масштаб гонений против них в эти годы. Достигается это разными методами, в том числе и путем сопоставления с явно преувеличенными данными о репрессиях против русских.

Этот раздел написан явно в духе и с использованием отдельных конкретных положений (хотя и без ссылки на них) книги небезызвестного «историка-патриота» О.А. Платонова «Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина» (М.: Москвитянин, 1996)*.

Замалчивая послевоенный сталинский антисемитизм, Солженицын вместе с тем охотно и подробно останавливается на массовой юдофобии послереволюционного пятнадцатилетия, представляя ее исключительно как стихийную реакцию коренного населения на массированное проникновение евреев в те годы во властные структуры. Таким образом косвенно обосновывается тезис об исторической вине евреев перед русскими. Причем, чтобы заставить читателя окончательно поверить в то, что тогдашний всплеск ненависти к евреям был ими же и спровоцирован, утверждается, что прежде ничего подобного в России не было (разве что коренное население Малороссии этим грешило), да и вообще «...антисемитизм прошлых веков и начала XX... сдут с лика страны октябрьским ветром, вместе с семенами сдут решительно...» (с. 220).

Между тем давно известно, что ничего не исчезает бесследно и не возникает из ничего. Известный русский мыслитель С.Л. Франк, знавший о дореволюционном и послереволюционном антисемитизме в России отнюдь не по книгам, справедливо отмечал:

«...Существует глубочайшее духовное сродство, более того, в сущности, полное тождество между русским черносотенством и русским большевизмом, если брать то и другое не в их поверхностных политических обнаружениях, а в истинном существе. ...В подлинной черни различие между «черным» и «красным» вообще становится неуловимым. Толпа, участвовавшая в былые времена в еврейских погромах... есть та же самая толпа, которая совершила большевистский переворот, громила помещиков и “буржуев”»³⁸.

Но в отличие от Солженицына прежние коммунистические вожди отлично понимали, что главной причиной разговоров о «еврейском засилье» являлось вовсе уж не само это «засилье», а почти всеобщая послереволюционная нищета и тяжелые условия жизни и что таким образом выражается широкое недовольство советской властью, а также камуфлируется пропаганда антиправительственного подполья. Отсюда и практика весьма жестких ответных репрессий, прежде всего призванных оградить власть, а потом уже и евреев.

*К существенным ошибкам, в частности, относятся:

– ничем не подтвержденное утверждение о существовании на Украине некой «секретной инструкции» «не принимать евреев на ответственные должности» (с. 393);

– необоснованное увязывание проекта С.М. Михоэлса и других руководителей Еврейского антифашистского комитета о создании еврейской республики в Крыму с депортацией крымских татар: утверждается, что полуостров был освобожден в 1943 г. и что решение о высылке татар, по версии П.А. Судоплатова, поступило на исполнение Л.П. Берии 14 февраля 1944 г., т.е. дается понять, что, направив 15 февраля «крымское письмо» Сталину, его составители явно хотели воспользоваться «благоприятным» моментом (с. 394-395); на самом деле все обстояло по-другому: 9 мая 1944 г. освобожден Крым, 11 мая по проекту Берии принимается решение ГКО «о выселении всех татар с территории Крыма», 18 – 19 мая проводится сама «операция», т.е. тогда, когда «крымское письмо» было давно отвергнуто советскими верхами;

– повтор данных из непроверенного источника о том, что по «Ленинградскому делу» было арестовано и расстреляно около 2 тыс. партработников (с. 400); в действительности было схвачено чуть более 200 чел., из которых 24 казнены;

– якобы «космополитами» были «исключительно евреи» (с. 402), что противоречит объективно установленному факту латентности сталинского антисемитизма; даже среди театральных критиков, которых первыми публично заклеила «Правда» 28 января 1949 г. как «безродных космополитов», были, помимо евреев, один русский и один армянин; и т.д.

* * *

О работе Солженицына можно было бы еще многое сказать. В частности, пишущий эти строки хотел поначалу коснуться и разделов, посвященных второй мировой войне, Холокосту, диссидентским 1960-м, затронуть другие темы книги. Однако всего в одной статье не скажешь. В общем, пора подвести черту.

Хотя, стремясь достаточно детально осветить историю советского еврейства, Солженицын ввел в новое сочинение достаточно много забытых и полузабытых интересных фактов, перемежая их россыпью разнородных мнений, вряд ли можно поздравить его с успешной работой. Несмотря на повышенный интерес публики к книге и даже некоторый ее коммерческий успех, она в целом явно не получилась. Более того, и в

литературном, и в историко-публицистическом отношении это, возможно, самое неудачное из произведений, когда-либо публиковавшихся Солженицыным. Впрочем, давно замечено, что талантливый писатель – как правило, посредственный публицист, и наоборот: блестящий публицист – чаще всего посредственный писатель.

Если говорить конкретно, то неутешительный результат был изначально запрограммирован уже тем, что автор искусственно сместил акценты, затушевывая социально-политический аспект проблемы и выпячивая национальный. Но главное заключается в том, что ему так и не удалось выбраться из-под идеологических глыб и завалов прошлого, и потому он обречен оставаться пленником собственной давней историософской концепции, мало отвечающей современным критериям научной объективности.

Соединяя реальную историю с религиозным откровением о том, что «если кто-то согрешил, значит, – кто-то позволил; все друг за друга отвечают; единичного греха не бывает» (о. Тихон Задонский), писатель пытается так или иначе обосновать навешанный этой абстрактной премудростью тезис о коллективной вине евреев за сотрудничество с большевиками. Тем самым он, подобно ветхозаветным пророкам, как бы берется судить целые народы. И как тут не вспомнить о печальных последствиях огульного обвинения евреев в убийстве Христа.

Впрочем, главное для Солженицына – это большевистское грехопадение русских, которое он пытается преуменьшить в собственных глазах, обвиняя по максимуму евреев. Возможно, в этой амбивалентности и кроется драма человека и мыслителя, на душе которого наверняка полегчало бы, поверь он строчкам К. Бальмонта:

*«Мир должен быть оправдан весь,
Чтоб можно было жить».*

Ну и потом, увлекшись сведением межнациональных счетов, Солженицын так и не воздал должного власти, чья тоталитарная воля, направляя течение народной жизни, сталкивала те или иные национальные потоки, всленивая и замутняя их, вместо того чтобы умиротворять и очищать от скверны.

Позиция Солженицына по «еврейскому вопросу», сформировавшаяся в середине 1960-х под влиянием процветавшего тогда в СССР латентного государственного антисемитизма, идеологическо-репрессивных акций против «агентуры международного сионизма» и личных конфликтов автора с некоторыми окружающими его евреями (супругами Теушами и Померанцами), с тех пор, по сути, мало изменилась. Это, в частности, явствует из того, что многие положения из его старой рукописи «Евреи в СССР и в будущей России» без существенных изменений вошли в «Двести лет вместе».

В итоге та сверхзадача, которую поставил перед собой Солженицын, – подвести черту под двухсотлетней русско-еврейской историей, прервав тем самым самую длинную цепь взаимных обид, претензий и упреков, оказалась невыполненной. Автор если и заметил, то слишком поздно, что время, обогнав его, само остудило «раскаленный» вопрос. Хотя надо признать: отдельные «угольки» этого почти затухшего «костра» порой вспыхивают на социальной периферии. Но они уже не привлекают к себе пристального внимания общества, озабоченного другими, куда более важными проблемами. В наш век индивидуальной свободы и ответственности национальная самоидентификация все больше становится проблемой персонального выбора. Куда важнее ныне мирить не народы и массы, а отдельных людей, прививая им наряду с чувством собственного достоинства национальную терпимость и толерантность.

И все же при всем при том одно уже обращение столь авторитетной исторической личности, коей, безусловно, является Солженицын, к сложной и запутанной русско-еврейской истории – поступок сам по себе общественно значимый, позитивный и исполненный гражданского мужества. Несмотря на трудности, с которыми русскому писателю пришлось столкнуться в ходе реализации этого масштабного проекта, он сумел найти в себе силы довести задуманное до конца.

Воистину, он сделал все что мог, точнее – все, что ему позволило время и собственное «я».

Примечания

1 *Московские новости*. 2001. 19–25 июня. № 25.

2 *Московские новости*. 2002. 21–27 декабря. № 50.

3 *Международная еврейская газета*. 2001. № 32.

4 Солженицын А.И. *Двести лет вместе (1795 – 1995)*. Ч.1. М.: *Русский путь*, 2001.

С.

5 Там же. С. 7.

6 Пайпс Р. *Россия при большевиках*. М.: РОССПЭН, 1997; Gitelman Z. *A Century of Ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present*. N.Y.: YIVO; Institute for Jewish Research, 1988; Levin N. *The Jews in the Soviet Union since 1917. Paradox of Survival*. Vols.1 and 2. N.Y.: New York University Press, 1988; Pinkus B. *The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority*. Cambridge University Press, 1988, etc.

7 Солженицын А.И. *Раскаяние и самоограничение* // *Новый мир*. 1991. № 5. С. 14.

8 Там же. С. 16.

9 Солженицын А.И. *Евреи в СССР и в будущей России*. Славянск, 2000. С. 15–16,

18.

10 *Московские новости*. 2002. № 50.

11 Солженицын А.И. *Двести лет вместе*. Ч. II. М.: *Русский путь*, 2002. С. 41.

12 Там же. С. 72–73.

- 13 Солженицын А.И. Евреи в СССР и в будущей России. С. 22, 77.
- 14 Солженицын А.И. Двести лет вместе. Ч. II. С. 23, 42-43.
- 15 Там же. С. 100, 132.
- 16 Там же. С. 81, 117, 211.
- 17 Еврейская летопись. Сб. III. М.- Л., 1924. С. 28.
- 18 Солженицын А.И. Двести лет вместе. Ч. II. С. 132.
- 19 Там же. С. 292, 293, 296, 300.
- 20 Там же. С. 83, 84, 129.
- 21 Российская газета. 1993. 27 февр. РГАСПИ. ф. 17. Оп. 60. Д. 832. Л. 36.
- 22 РГАСПИ. ф. 445. Оп. 1. Д. 82. Л. 1-3, 61-61об., 47.
- 23 Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов: историографические очерки, критические статьи и заметки. Вып. 2. М.- Л., 1933. С. 344.
- 24 Солженицын А.И. Евреи в СССР и в будущей России. С. 30. Его же. Двести лет вместе. Ч. II. С. 275.
- 25 Куняев С.Ю. Шляхта и мы. М.: Наш современник, 2002. С. 118.
- 26 Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...». Об антисемитизме в России. М.: Изд. «Хорс», 1992. С. 142.
- 27 Солженицын А.И. Двести лет вместе. Ч. II. С. 40, 110, 220; Его же. Евреи в СССР и в будущей России. С. 54-56. Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...» С. 30-33. Его же. Три столицы. М.: Современник, 1991. С. 267.
- 28 Шульгин В.В. Три столицы. С. 115.
- 29 Совершенно секретно. 1993. № 10. Еврейское слово. 2001. № 45(67).
- 30 Еврейский меридиан (Киев). 2001. Июль. №13/41.
- 31 Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...». С. 8, 23, 130, 140, 156.
- 32 Михман Д. Катастрофа европейского еврейства. Ч.1. Юдофобия и антисемитизм. Тель-Авив, 1995. С. 151-152.
- 33 Шафаревич И.Р. Трехтысячелетняя загадка, история еврейства из перспективы современной России. СПб.: Библиополис, 2002. С. 355-358.
- 34 Солженицын А.И. Евреи в СССР и в будущей России. С. 68-72.
- 35 Солженицын А.И. Евреи в СССР и в будущей России. С. 47. Солженицын А.И. Двести лет вместе. Ч. II. С. 335-336.
- 36 Солженицын А.И. Евреи в СССР и в будущей России. С. 48-49.
- 37 Там же.
- 38 Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 221, 231.

ÀÌ Ó ÁÛËÏ × ÒÏ ÆÑÏ Î Ì Í È ÒÛ

Àáí ääèèò Ñàðííá

Кабинет Эрэнбурга произвел на меня впечатление, пожалуй, не меньшее, чем сам хозяин этого кабинета. Смысл впечатления состоял примерно в следующем. В том кабинете были собраны вещи, уникальные по своей художественной – да и чисто материальной – ценности. Довольно уже того, что со стен на нас глядели картины Коро, Шагала, Пикассо, Матисса, Марке, Фалька... Но вся обстановка этого кабинета, вся царящая в нем атмосфера внятно говорили нам, что ни реальная стоимость этих воистину музейных вещей, ни громкость этих имен не имеет для их обладателя ни малейшей цены. Ценит же он их совсем за другое: за то, что каждая из них связана с каким-то глубоко личным его переживанием, каждая – это какая-то часть его жизни. Яснее ясного было видно, что какая-нибудь глиняная свистулька или тряпичная кукла, соседствующая на книжной полке с серебряным пистолетом и мраморным изваянием Будды, дороги ему не меньше, чем этот драгоценный Будда и этот антикварный пистолет. И даже чем изображавший хозяина рисунок Матисса или Пикассо. (Мог ли я тогда себе представить, что годы спустя этот знаменитый на весь мир рисунок Пикассо – не какую-нибудь там копию, а подлинник! – я буду видеть почти так же часто, как далеко не столь драгоценные картинки, украшающие стены собственной моей – нашей с женой – квартиры.)

В большой гостиной эрэнбургской квартиры, минуя которую мы прошли в его кабинет, я обратил внимание на стол и кресла красного дерева, сразу привычно определив: «Александр». Эту «красную», как тогда говорили, мебель я имел счастье видеть у многих наших соседей по Аэропортовской. И от них же были у меня на слуху эти небрежные – вскользь брошенные тоном знатоков – определения эпох: «Александр», «Павел», «Екатерина».

В эрэнбургском кабинете тоже стояли два-три «красных» стула, и я так же мысленно отметил, что это – тоже «Александр». На один из этих александровских стульев, нимало не смущаясь его благородным происхождением, уселся Эмка, на другом пристроился Лазарь. Но в отличие от наших аэропортовских соседей, стремящихся строго блюсти единство ампирического стиля (ни при какой погоде не могла бы у них рядом с «Павлом» или «Александром» оказаться кровать или даже тумбочка из какого-нибудь современного румынского или польского гарнитура) в эрэнбургском кабинете эти мебельные аристократы запросто соседствовали с «плебеями».

Эти «плебеи» были, конечно, не совсем плебеями: и стеллажи, и письменный стол, и кресло с откидывающейся спинкой были явно сделаны на заказ. И заказ этот, конечно же, отражал вкус заказчика. Но вкус этот был бесконечно далек от вкусов любителей ампирической мебели. Скорее, он выдавал в нем приверженца того конструктивистского стиля, которому молодой Эрэнбург некогда отдал дань в своей книге «А все-таки она вертится».

Я подумал об этом, когда Илья Григорьевич, увидав, что на троих визитеров стульев не хватает – ожидал-то он двоих! – подошел к стоящей возле книжных полок невысокой лесенке, сделанной из того же светлого дерева, что и стеллажи. Он что-то там повернул у нее с исподу, откинул какой-то крючок. Лесенка разломилась пополам – раскинулась на каких-то невидимых петлях и превратилась в стул, который тут же был предложен мне. Сиденье этого «стула» было жестким, спинка тоже жесткая и чересчур прямая, так что сидеть на нем было довольно неудобно. Но само превращение лесенки в стул меня восхитило. Эрэнбург, как мне показалось, тоже относился к этому украшению своего кабинета с особой нежностью. Во всяком случае, проделал он всю эту операцию с явным удовольствием и не без авторского, как мне показалось, тщеславия, так что я даже подумал: уж не сам ли он изобрел эту раскидывающуюся и превращающуюся в стул лесенку. (Не знаю, часто ли приходилось Илье Григорьевичу демонстрировать своим гостям это хитроумное конструктивное устройство. Но я, когда мы собирались у Ирины и сидячих мест не хватало, частенько раскидывал эту лесенку, превращая ее в стул. Даже сам мечтал заказать себе такую же. Но мечта, увы, так и осталась мечтой.)

Сейчас я уже не могу точно вспомнить, какие из всех описываемых мною предметов я разглядел именно тогда, а какие – при следующих наших посещениях этого кабинета. (Кое-что, может быть, и в более поздние времена, когда кабинет располагался уже у Ирины.) Одно могу сказать с достаточной степенью точности: ни Марке, ни Матисс, ни Шагала не были тогда замечены и отмечены мною. Ну картины и картины. Я и раньше знал, что Эрэнбург прятался и даже дружил с многими знаменитыми художниками, и они дарили ему свои шедевры. Нет, в картины я тогда особенно не вглядывался. Зато очень хорошо разглядел застекленную и окантованную фотографию, на которой Эрэнбург, сидя в каком-то плетеном – видимо, дачном – кресле, ласкал положившую к нему на колени морду лохматую собаку. (Тоже, конечно, тогда знать не знал и думать не думал, что годы спустя с этой вот самой собакой – рыжей Ирениной Чукой – чуть ли не каждый вечер буду гулять по нашей Аэропортовской.) Эрэнбург и собаки – это особая тема, углубляться в которую я не собираюсь (слишком далеко это меня бы увело). Но не могу удержаться от коротенького рассказа об обмене репликами между Ильей Григорьевичем и Александром Трифоновичем Твардовским – как раз вот по этому поводу.

В. Лакшин в своих дневниковых записях («"Новый мир" во времена Хрущева». М., 1991) приводит рассказ Александра Трифоновича о том, как он с Эренбургом «обменялся письмами по поводу одной из первых частей книги "Люди, годы, жизнь"»:

«Твардовскому показалось, в частности, что чуткого читателя может смутить, как автор "Падения Парижа" описывает свой отъезд из оккупированной Франции с двумя болонками (расписывая при этом густо все тяготы путешествия). "Маленькие комнатные собачки всегда считались у нашего народа признаком барства", – писал Твардовский».

На самом деле все было не совсем так. То ли Александру Трифоновичу изменила память, то ли (и это скорее) он в своем рассказе Лакшину нарочно дал другое объяснение своей редакторской претензии к Эренбургу, чтобы она выглядела более убедительной. Никаких болонок в эренбургском рассказе об отъезде из оккупированной Франции нет и в помине, как нет и «расписывания» – ни густого, ни жидкого – физических тягот этого путешествия. Речь там идет только о душевном его состоянии, которое было ужасным из-за того, какими глазами глядели на него все его друзья-антифашисты. (У нас ведь тогда был пакт с Гитлером, и немцы к сотрудникам советского посольства, вместе с которыми уезжал Эренбург, относились как к союзникам.)

А вызвавший отрицательную реакцию Твардовского эпизод с собаками был связан с совершенно иной ситуацией.

«Двадцать четвертого апреля, – вспоминает И.Г. в своих мемуарах, – я сидел и писал четырнадцатую главу третьей части, когда мне позвонили из секретариата Сталина, сказали, чтобы я набрал такой-то номер: "С вами будет разговаривать товарищ Сталин".

Ирина поспешно увела своих пуделей, которые не ко времени начали играть и лаять».

Вот эта последняя фраза и вызвала гражданское негодование Твардовского. В письме, посланном Эренбургу по поводу очередной порции публикуемых его мемуаров, среди множества других замечаний – разной степени серьезности – Александр Трифонович высказал и такое: «Фраза насчет собак в момент телефонного звонка от Сталина, согласитесь, весьма нехороша. Заодно замечу, что для огромного количества читателей ваши собаки (комнатные) в представлении народном – признак барства, и это предубеждение так глубоко, что, по-моему, не следовало бы его "эпатировать"».

Какие-то редакторские (в сущности, цензорские) замечания Твардовского Эренбург принял: что-то вычеркнул, а что-то попытался спасти, слегка изменив текст. А по поводу «нехорошей» фразы о собаках высказался так:

«Я не считаю, что собаки оскорбительно вмешиваются в рассказ о телефонном звонке. Что касается Вашего общего замечания, то позвольте мне сказать, что среди моих читателей имеются люди, которые любят и не любят собак. Как есть люди, которые любят и не любят Пикассо. Поскольку Вы великодушно разрешили мне излагать мои эстетические суждения, которые Вам были не по душе, разрешите мне выходить на прогулку с моими собаками».

Всего этого в тот день, когда я впервые увидел его фотографию с рыжей Чукой на коленях, я, конечно, не знал. (До времени, когда Ирина, разбирая архив отца, нашла и дала мне полакомиться этими любезностями, которыми обменялись Илья Григорьевич с Александром Трифоновичем, надо было прожить еще лет пятнадцать.) Но мягкая, добрая улыбка, с какой Эренбург на фотографии ласкал тянущуюся к нему собаку, еще больше расположила меня к сидящему напротив живому Эренбургу, которого так близко я видел впервые. И хотя этот живой Эренбург за все время нашего визита ни разу не одарил нас этой доброй, ласковой улыбкой (такая улыбка у него, видимо, предназначалась только для собак), понравился он мне не меньше, чем Эренбург на фотографии.

Положив руку на лежащую перед ним рукопись (это была только что законченная им первая книга его мемуаров, стало быть, время этого первого визита можно датировать довольно точно: апрель или май 1960-го), он говорил:

– Эту книгу я хотел бы напечатать целиком. Кроме одной главы – о Троцком. Глава о Троцком пойдет в архив. Я сам не хочу ее сейчас печатать.

И на наш немой вопрос:

– Я встретился с ним в Вене, в 1909 году. И очень он мне тогда не понравился.

– Чем? – не выдержал кто-то из нас.

– Авторитарностью... Отношением к искусству... Может быть, даже из-за этой встречи я решил тогда отойти от партии, от партийной работы... Я не хочу сейчас печатать эту главу, потому что это мое отрицательное отношение к Троцкому может быть ложно истолковано...

Мы покивали в том смысле, что да, конечно, если сейчас он напечатает эту главу, его отрицательное отношение к Троцкому, конечно же, будет истолковано ложно.

– А вот главу о Бухарине, – продолжал И.Г., – я бы хотел напечатать.

И, глядя на Лазаря (понял, небось, что он – самый ответственный человек в нашей компании), спросил:

– Как вы думаете? Напечатают?

Лазарь, не ожидавший такого вопроса (вернее, не ожидавший, что Эренбург, гораздо лучше, чем мы, – так, во всяком случае, нам тогда казалось, – знавший, куда дует политический ветер, станет спрашивать об этом у нас), ответил осторожно:

– Одно во всяком случае для меня ясно, – сказал он. – Решить это может только Хрущев.

– А что, – вмешался Эмка. – Хрущев, наверное, к Бухарину относится хорошо.

– Вы думаете? – повернулся к нему Эренбург.

Эмка подтвердил, что да, он почти уверен, что Хрущев в глубине души симпатизирует Бухарину.

– Ну, мне он это просто говорил, – пожевав губами, сказал Эренбург.

Реплика эта только подтвердила нашу уверенность, что для него не составит труда как-нибудь при случае выяснить этот вопрос (как и любой другой) непосредственно с самим Хрущевым. Но почему же тогда он интересуется мнением на этот счет таких, мягко говоря, не шибко влиятельных особ, как мы? Прочитав этот немой вопрос на наших лицах, Эренбург тут же рассказал нам о читательских письмах, которые он получает во множестве. Чуть ли не все они начинаются словами: «Неужели вы не можете сказать Никите Сергеевичу...»

Рассказав это, он раздраженно проворчал:

– Они там думают, что я с Никитой Сергеевичем каждый день чай пью.

Дав нам таким образом понять, что несмотря на доброе отношение Хрущева к Бухарину, о котором ему известно непосредственно от самого Никиты Сергеевича, он все-таки не уверен, что бухаринскую главу напечатать ему удастся, он заключил:

– Во всяком случае, эту книгу, – он сделал ударение на слове «эту», – если не считать главу о Троцком, я писал для печати. А вот вторая книга, над которой я сейчас работаю... С ней будет сложнее. Из нее дай Б-г, чтобы мне удалось напечатать две трети. А треть пойдет в архив...

Он помолчал, пожевал губами и продолжал, обращаясь, кажется, уже не к нам, а словно бы разговаривая сам с собою:

– С третьей книгой будет еще сложнее. Из нее только треть будет напечатана. А две трети пойдут в архив... Ну, а что касается четвертой и пятой книг, то они, я думаю, целиком пойдут в архив...

«Вот молодчина!» – думал я, слушая этот его монолог, за точность которого (смысловую, во всяком случае) ручаюсь. «Старик» с каждой минутой нравился мне все больше и больше. «Значит, он все-таки решился на это!» – ликовал я. – Ну наконец-то!»

Это мое ликование было связано с давним моим убеждением, что рано или поздно именно он, Эренбург, напишет «Былое и думы» XX века. Кто же еще, если не он? Больше никому!

Никто из писателей его поколения не был так приспособлен к осуществлению этого «социального заказа», как он. И биографией, и человеческой своей судьбой, и самой природой его писательского дарования.

В 1936 году Эренбург выпустил в свет не совсем обычную книгу. Она называлась «Книга для взрослых». Это был роман, главы которого перемежались воспоминаниями автора о своей жизни, о людях, с которыми в разное время его сводила судьба. Воспоминания врывались в повествование неожиданно, как лирические отступления в «Евгении Онегине». Одно из этих «отступлений» начиналось такой извиняющейся фразой: «Рядом с Кролем, с Павликом, даже с Гронским я могу показаться схематичным: они даны в объеме, я на плоскости, они живут, я только описываю и рассуждаю».

В действительности все вышло как раз наоборот. Единственным живым и объемным героем книги оказался сам автор. Все прочие ее персонажи были схематичными и бледными. Лирические отступления стали основным содержанием книги. Вымышленные судьбы вымышленных персонажей романа превратились в комментарий к судьбе его лирического героя. Тридцать лет спустя никому из читателей уже не были интересны ни Кроль, ни Павлик, ни Гронский. А те «отступления», в которых автор говорил о себе, оказались настолько живыми, не устаревшими, что многие из них он почти без изменений перенес в свою последнюю книгу – «Люди, годы, жизнь».

Персонажи эренбургских романов кажутся смутными силуэтами, едва намеченными, очерченными крайне бегло, почти конспективно. Но эта особенность его прозы, которую трудно рассматривать иначе, как некий серьезный изъян, как очевидную художественную слабость, отступает на второй план, а то и вовсе сходит на нет, стоит только ему заговорить о себе. Не в косвенной, окольной, опосредованной форме, как это пристало истинному художнику-реалисту, а, что называется, впрямую.

Эренбург однажды иронически уподобил себя нетерпеливому режиссеру, то и дело выбегающему из-за кулис на сцену, чтобы объяснить зрителю свой замысел, потайные пружины задуманного им спектакля. Он исходил из классической концепции реалистического искусства, согласно которой режиссер должен умереть в актере, а автор –

раствориться в своих героях. Стремление то и дело перебивать повествование непосредственными обращениями к читателю от первого лица представлялось ему непростительной художественной слабостью. Между тем, оно было его силой. Все дело в том, что Эренбург по складу своего дарования был лирик. И именно поэтому ему было свойственно непобедимое стремление – впрямую говорить с читателем о времени и о себе.

«Мне кажется, – заметил однажды Юрий Олеша, – что единственное произведение, которое я могу написать как значительное, нужное людям, – книга о моей собственной жизни».

Эренбург никогда ничего подобного о себе не говорил. Но он мог бы сказать это даже с большим основанием, чем Олеша. Помимо всего прочего, у него было для этого неизмеримо больше оснований, чем у Олеша, еще и потому, что он прожил поразительную по насыщенности и богатству событиями жизнь.

1905 год. Ему 14 лет. Из гимназии убегает на митинги. Во время декабрьского восстания помогает строить баррикады.

1908 год. Первый арест. Сперва он сидит в Сущевской части, в Басманной, потом в Бутырках – в одиночке. Жандармский полковник, усмехаясь, говорит ему: «Вам должны дать шесть лет каторжных работ, но треть скостят – по несовершеннолетию. Потом – вечное поселение. Оттуда вы удерете – я вас знаю...» Однако его выпускают до судебного разбирательства под гласный надзор полиции и высылают из Москвы в Киев, потом в Полтаву, оттуда в Смоленск.

Осень того же года. Он уезжает в Париж. Встречается там с Лениным. Некоторое время ведет жизнь, обычную для политического эмигранта из России. Но вскоре отходит от политики, начинает писать стихи. Выпускает свои первые поэтические сборники. Начинаются его идейные и духовные мечтания, об одном из которых он в своей автобиографии 1926 года лаконично сообщает: «Предполагал принять католичество и отправиться в бенедиктинский монастырь. Говорить об этом трудно. Не совершилось».

1916 год. Портрет Эренбурга, нарисованный Максимилианом Волошиным: «Я не могу себе представить Монпарнас без фигуры Эренбурга. Его внешний облик как нельзя более подходит к общему характеру духовного запустения. С болезненным, плохо выбритым лицом, с большими, нависшими, неуловимо косящими глазами, отяжелелыми семитическими губами, с очень длинными и прямыми волосами, свисающими несуразными космами, в широкополой фетровой шляпе, стоящей торчком, как средневековый колпак, сгорбленный, с плечами и ногами, ввернутыми внутрь, в синей куртке, посыпанной пылью, перхотью и табачным пеплом, имеющий вид человека, “которым только что вымыли пол”, Эренбург настолько “левобережен” и “монпарнасен”, что одно его появление в других кварталах Парижа вызывает смуту и волнение прохожих...»

1917 год. При первом известии о революции в России стремится вернуться на родину. В июле того же года он уже в России.

1918 год. Пишет книгу стихов «Молитва о России», в которой оплакивает канувшую в прошлое Русь, золотые купола ее церквей, ее бывшее величие. Октябрьский переворот воспринимает как катастрофу.

1921 год. Уезжает в Германию, где живет одной жизнью с эмигрировавшими из России поэтами и писателями, хотя, в отличие от них, у него – советский паспорт. («Эренбург щедро одарен от природы, у него есть паспорт», – шутил живший в то время там же, в Берлине, Виктор Шкловский.)

Выходит в свет его первый роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников». В одном из писем того времени Эренбург с удовлетворением отмечает, что роман понравился и Ленину, и Гессену (одному из лидеров кадетской партии).

1935 год. Эренбург – один из организаторов первого антифашистского конгресса в защиту культуры. Специальный корреспондент «Известий» в Париже.

1937 год. Эренбург в осажденном Мадриде. Он – один из активнейших участников Гражданской войны в Испании.

1939 год. 14 июня, утром, выйдя из советского посольства на улице Гренель, он дошел до пустынной Авеню де Ман и увидел колонну немецких солдат. Гитлеровцы вошли в Париж.

Конец 1940 года, начало 1941-го. Эренбург пишет антифашистский роман «Падение Парижа». У нас в то время – пакт с Гитлером. Первая книга романа вышла в свет в марте 1941 года. Вторую книгу никто не решается печатать, она выходит в свет благодаря личному вмешательству Сталина.

1945 год. В приказе Гитлера от 1 января упоминается Эренбург как один из опаснейших врагов «рейха». 14 апреля в «Правде» появляется статья Г.Ф. Александрова, заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), «Товарищ Эренбург упрощает». Подспудный смысл этого выступления «Правды» был очевиден: война кончалась, и Сталину больше не нужны были никакие другие идеологи, кроме одного, единственно непогрешимого – самого Сталина.

1953 год. Эренбургу в Кремле торжественно вручают золотую медаль лауреата Международной премии Мира.

1954 год. Появляется его повесть «Оттепель». Во всех газетах резкие критические статьи.

1962 год. Эренбург на художественной выставке в Манеже пытается защитить от грубых нападок Хрущева живопись Фалька.

1963 год. На совещании в ЦК КПСС доклад секретаря ЦК Л.Ф. Ильичева, почти целиком посвященный разоблачению Эренбурга, политическому пересмотру всей его литературной и общественной деятельности. А 8 марта того же года – разгромная речь Хрущева, практически вычеркивающая Эренбурга из литературы и ставящая крест на всей его общественной деятельности...

Этот перечень «знаменательных дат» его жизни можно было бы существенно расширить. А вот – перечень лишь некоторых знаменитых современников, с которыми его сводила судьба: Ленин, Горький, Модильяни, Эйнштейн, Маяковский, Есенин, Пикассо, Шагал, Троицкий, Пастернак, Андрей Белый, Бухарин, Диего Ривера, Ахматова, Франсуа Мориак, Андре Мальро, Хемингуэй, Савинков, Антонов-Овсеенко, Литвинов, Долорес Ибаррури, Мандельштам, Тувим, Фадеев, Андре Жид, Цветаева, Бабель, Бертран Рассел,

Жолио Кюри, Мейерхольд, Эйзенштейн, Волошин, А. Н. Толстой, Ильф и Петров, Фальк, Кончаловский, Матисс, Тышлер, Таиров, маршал Рокоссовский, генерал Власов...

Список этот далеко не полон.

Да, мало кто из сверстников Эренбурга был так подготовлен – и складом дарования, и судьбой – к тому, чтобы оставить после себя книгу, которая могла бы войти в сознание современников и потомков как «“Былое и думы” XX века».

Это была цитата из одной старой моей статьи об Эренбурге. В какой-то мере она объясняет то восторженное состояние, в какое привел меня рассказ «живого Эренбурга» о том, как он представляет себе судьбу своих будущих мемуаров. Однако это мое радостное «Вот молодчина! Наконец-то!» имело еще и другой, более важный для меня смысл. То, чего я ждал от Эренбурга, чего от него хотел, на что тайно надеялся, отчасти было навеяно образом писателя Визенера из романа Фейхтвангера «Изгнание». Эрих Визенер – видный немецкий журналист, представляющий в Париже одну из самых влиятельных газет нацистской Германии «Вестдойче цайтунг» (примерно так же, как Эренбург представлял в том же Париже наши «Известия»). Он – в отличие от других фашистских бонз, выведенных в этом фейхтвангеровском романе, – умный интеллектуал, библиофил, эрудит, писатель, тонкий знаток и ценитель искусств. Но это все – не главное. Главное в этом великолепно вылепленном Фейхтвангером образе для меня было вот что:

«С многозначительной злой усмешкой он возвращается в спальню, открывает сейф, в сторону которого он несколько минут назад бросил красноречивый взгляд, достает рукопись большого формата, переплетенную в плотный суровый холст. Он открывает книгу на первой странице, где тщательно выведено *Historia arcana* – “Тайная летопись”. В эту книгу он записывает все те политические и социальные события, о которых он знает, но не имеет права говорить: сюда он записывает свои самые сокровенные мысли и взгляды в неприкрашенном виде, только для себя и для потомства. Эта книга – его совесть, его оправдание в будущем. Когда он берет ее в руки, в нем возникают ассоциации с такими представлениями, как исповедь, день Страшного суда, покаяние, Зигмунд Фрейд. Точно так же, как византиец Прокопий писал книги, в которых славил подвиги и деяния своего императора Юстиниана, а втайне собирал и записывал все, что казалось ему пошлым и смешным в этом человеке и вокруг него, – так и он, Эрих Визенер, показывал общественности только одну сторону событий, а другую отражал в этой книге. Здесь, между двумя крепкими, обтянутыми полотном крышками, заботливо хранится не только его собственное подлинное “я”, но и подлинный мир национал-социалистов, их фюрер, их рейх, их политика, их подлости, их жалкие, грязные поступки».

Я, конечно, прекрасно понимал, что у Эренбурга нет (не может быть) такого сейфа, где хранилась бы его *Historia arcana*. Никакому сейфу не мог бы он доверить своих тайных мыслей и тайных знаний. Но я надеялся, что эти знания он хранит в своей памяти. Именно поэтому, когда в печати впервые промелькнуло упоминание о том, что Эренбург пишет мемуары, я испытал чувство радостного удовлетворения: «Наконец-то!» Уже тогда я подумал, что, быть может, впервые в жизни Эренбург решил отойти от недолговечной злобы дня и начать работать, выражаясь высокопарно, для вечности. Во всяком случае – для будущего.

И вот теперь, этим своим признанием (шутка ли: бо́льшая часть того, о чем он собирается писать, заранее предназначена не для печати, а для архива!) он подтверждал: да, он выполнит то, чего я от него ждал, на что втайне надеялся. Он тоже напишет свою Тайную летопись, свою *Historia arcana*. Помню, я даже подумал: а где, интересно, будет он хранить этот свой архив? И тут же решил: где-нибудь за границей. Скорее всего – в Париже.

Господи! Как же я был наивен!

Когда после смерти Ильи Григорьевича Ирина стала разбирать его архив, оказалось, что публиковать-то, в сущности, уже нечего. Он написал не пять книг, как объявил тогда, делаясь с нами своими планами, а – шесть. И все шесть были напечатаны при его жизни. Смерть оборвала его работу над седьмой книгой, в которой, как выяснилось, были только три труднопроходимые главы (именно их он, судя по всему, предназначал для архива): глава о Сталине, глава о венгерских событиях 1956 года и глава о евреях. Твардовский, прочитав эту неоконченную седьмую книгу, сказал, что готов ее опубликовать, но, конечно, без этих трех глав: для них, мол, время еще не пришло. Еще до Ирины вдова Ильи Григорьевича Любовь Михайловна отказала Твардовскому, сказав, что без этих глав печатать седьмую книгу не стоит.

Когда проблема эта встала перед Ириной, она, прежде чем принять окончательное решение, советовалась со мной. И, разумеется, дала мне прочесть всю рукопись, включая и те главы, которые Твардовский публиковать не решался. Прочитав все это, я согласился: да, конечно, Любовь Михайловна была права, без этих трех глав печатать седьмую книгу не стоит. Но при этом – в более или менее тактичной форме – дал ей понять, что и с этими крамольными главами, если бы Твардовский решился их напечатать, седьмая книга выглядела бы довольно жалко. А про себя даже подумал, что с ними она, пожалуй, выглядела бы даже более жалко, чем без них: такие были они робкие, беспомощные. Сказать о них, что это была полуправда, значило бы сделать автору совершенно им не заслуженный комплимент. Это была даже не четверть правды и даже не одна восьмая. И то обстоятельство, что официальная советская точка зрения продолжала стоять на том, что дважды два – шестьдесят четыре, а Эренбург посмел доказывать, что не шестьдесят четыре, а, скажем, шестнадцать – дела не меняло: ведь читатель (во всяком случае, ЕГО читатель) уже знал, что дважды два – четыре!

Что же, выходит, он – врал? Просто морочил нам голову, когда говорил, что большая часть того, что он напишет, пойдет в архив? Или – скажу мягче – слегка кокетничал перед нами, давая понять, что существенная часть задуманной им книги будет содержать некую информацию, о которой нечего даже и думать, что в сколько-нибудь обозримом будущем это может быть напечатано?

Или (самое вероятное предположение) по ходу дела, в процессе писания – изменил свои первоначальные планы? В одном я, во всяком случае, уверен: говоря нам, что ему удастся опубликовать лишь малую часть того, что он собирается написать, он был – искренен. Вышло иначе. Отчасти потому, что ему шло навстречу время. Ведь первую книгу он закончил еще до того, как Сталина вынесли из Мавзолея. Многие из того, о чем в 1959-м или 60-м нельзя было и мечтать, в 1962-м или 63-м стало возможным.

Тут, кстати, не мешает отметить, что немало этому способствовал и он сам, впервые прикасаясь ко всякого рода запретным темам и с огромным трудом добываясь, чтобы они перестали быть запретными. Мемуары Эренбурга не просто вписывались в социальную атмосферу тех лет, приспособившись к ней. Они самим фактом своего существования меняли эту атмосферу, «поднимая планку» общепринятых представлений и «дозволенных» сюжетов и тем. Его критиковали, с ним спорили, его даже одергивали, иногда весьма грубо. Но, как бы то ни было, тема, к которой вчера еще нельзя было и прикоснуться, становилась предметом спора, обсуждения, пусть эти споры и обсуждения, в соответствии с тогдашними советскими нравами, принимали, как правило, вполне дикую форму. Все это – так. Но все это – частности.

Главная причина, из-за которой Эренбург так и не посмел написать свою *Historia arcana*, состояла в том, что он не был Визенером.

«Кто разрешает себе удовольствие нападать на власть, – размышляет фейхтвангеровский Визенер, – кто непременно хочет разыгрывать из себя пророка и проповедовать, что волку следует пастись рядом с овцой, тот в наше время подвергает себя определенному риску. Впрочем, и в Библии, кажется, какого-то пророка перепилили пополам или укололи каким-то другим способом. Исайю, как будто. Зато его проповеди читаются и поныне. Мои статьи через две тысячи семьсот лет вряд ли будут читаться. Но, насколько человеку дано предвидеть, меня не перепилят».

Визенер – циник. А Эренбург циником не был. Кое-что общее с Визенером, тем не менее, у него было: скепсис, ирония. Визенер, как вы только что могли убедиться, иронией владеет великолепно, и то обстоятельство, что эту свою едкую иронию он умеет направить и на себя, делает его образ до некоторой степени привлекательным. Не лишним тут будет отметить, что этот фейхтвангеровский Визенер, помимо своей *Historia arcana*, пишет еще и книгу о Бомарше. А ведь позже Фейхтвангер и сам напишет роман, героем которого станет автор «Женитьбы Фигаро». Не говорит ли это о том что, при всем своем презрении к Визенеру автор испытывает и малую толику симпатии к этому своему герою? Во всяком случае, признает за ним и кое-какие достоинства? Возможно, возможно... Но авторская ирония, под прицел которой то и дело попадает этот «обаятельный» фейхтвангеровский персонаж, бьет сильнее:

«Голоса в передней вспугнули его... Но пока слуга Арсен помог господину фон Герке снять пальто и ввел его в кабинет, у него было достаточно времени, чтобы отнести в сейф, находящийся в спальне, книгу – свою совесть – и встретить гостя».

Эренбург, конечно, тоже был человеком двойного сознания. Но специального сейфа, в котором он мог бы прятать от посторонних глаз свою совесть, у него не было. После «Хулио Хуренито» в критике за ним утвердилась репутация циника и нигилиста. (В 1925 году вышла даже книга о нем, которую автор – Н. Терещенко, так прямо и озаглавил: «Современный нигилист».) Но, как я уже сказал, циником он не был.

Первый раз – вживе – я увидел Эренбурга году в 48-м или 49-м. Он приехал к нам в институт и три вечера подряд рассказывал нам о тайнах писательского ремесла. Встретили его нельзя сказать, чтобы восторженно: мы ведь были избалованы постоянным общением с живыми классиками, каждую неделю встречались с Фединым, Паустовским. Но с Эренбургом они все-таки равняться не могли. Он был живой легендой. Война кончилась совсем недавно. А тогда, в войну, как написал об Эренбурге в одной своей статье Вениамин Каверин, «на весь мир раздавался стук его пишущей машинки».

В общем, его приезд был для нас событием. И слушали его, что называется, разинув рот. Но на исходе третьего вечера произошел такой небольшой казус. Сказав, что, описывая гибель своего героя, писатель как бы примеряет свою собственную смерть, Эренбург припомнил хрестоматийную историю про Бальзака.

– Однажды к Бальзаку, – рассказывал он, – пришел его приятель. Он увидел писателя сползавшим с кресла. Пульс был слабый и неровный. «Скорее за доктором! – закричал приятель. – Господин Бальзак умирает!» От крика Бальзак очнулся и сказал: «Ты ничего не понимаешь. Только что умер отец Горио...»

И тут в зале засмеялись. Не стану утверждать, что гоготал весь зал, но это не был смех двух-трех белых ворон. Смеялись многие, могло даже показаться, что все.

Эренбург побелел. У него задрожали губы. Видно было, что этот смех – ударил его в самое сердце. Он воспринял его как личное, смертельное оскорбление, ответить на которое можно было только пощечиной. И он ответил.

– Вы смеетесь? – с презрением кинул он в зал. – Значит, вы не писатели!

«О, – подумал я тогда. – Он и в самом деле поэт!»

В нашем кругу принято было в слегка издевательском тоне говорить, что Эренбург – этот блестящий публицист и довольно посредственный романист, – сам считает себя прежде всего поэтом. Впрочем, некоторые признанные наши литинститутские поэты помнили и одобрительно цитировали некоторые эренбургские стихотворные строчки. Но, подумав, что Эренбург, оказывается, и в самом деле поэт, я имел в виду совсем другое. Уж очень подлинной, искренней, какой-то совсем детской была его обида на тех, кто встретил смехом его рассказ о Бальзаке, едва не отдавшем концы из-за смерти своего героя.

Вот с этого момента я и поверил Эренбургу. Поверил, что он не лжет, не притворяется. Да, Эренбург не был Визенером. По-человечески он был лучше, гораздо лучше Визенера. Но зато (и именно поэтому) он был гораздо его наивнее.

Так что же я все-таки предпочел бы? Чтобы он был таким же мерзавцем, циником, как фейхтвангеровский Визенер, но зато написал правдивые мемуары, которые потомки прочли бы через тридцать или пятьдесят лет? Или пусть бы уж лучше оставался таким, каким был?

Во всем этом мне еще предстояло разбираться. И каждая новая встреча с Эренбургом давала мне для этих разбирательств все новый и новый материал.

Не стану продолжать рассказ о том, первом нашем визите к Эренбургу. Заключая его, отмечу только, что в целом он прошел хорошо. Несмотря на непредвиденное участие Манделя – на высоком дипломатическом уровне. (Чем другим, но дипломатом наш Эмка – точно не был. В Литинституте, где мы с ним учились, про него говорили: «Не ругался б Мандель матом, Мандель был бы дипломатом»). Но на самом деле быть дипломатом ему мешала отнюдь не только приверженность к ненормативной лексике.)

Итак, несмотря на участие Манделя, которого (участия) мы так и не смогли избежать, наша с Лазарем дипломатическая миссия увенчалась успехом. В тот день с «Литгазетой» Эренбург не то чтобы помирился, но – примирился. Может быть, и не совсем поверил нам, что теперь, при новом главном редакторе, она станет совершенно другой, но, во всяком случае, понял, что мы с Лазарем – не из кочетовской банды.

Позже, когда наши визиты к нему стали хоть и не очень частыми, но уже более или менее регулярными, он стал относиться к нам, как к своим лазутчикам во вражеском стане. Боря Слуцкий, который бывал у него часто, однажды – в тоне юмора – передал нам такую эренбургскую фразу.

– В «Литгазете», – будто бы сказал ему в каком-то разговоре Илья Григорьевич, – у меня есть своя агентура.

И на вопрос: «Кто?», ответил:

– Лазарев и Сарнов.

Кстати, только тут я по-настоящему понял, почему Эренбург во время того, первого нашего визита, обратился к нам с поразившим нас вопросом: «Как вы думаете, это напечатают?» Вопрос этот нас тогда поразило, потому что он, Эренбург, по нашим понятиям гораздо лучше, чем мы, должен был знать, где нынче проходит граница между дозволенным и недозволенным. Оказывается, это было не так. Несмотря на то, что и в эти годы он находился в эпицентре всех землетрясений и бурь своего времени, был он в ту пору довольно-таки сильно оторван не только от обыденной, но и от так называемой литературной жизни. Круг людей, с которыми он общался, был не то чтобы узок. Но это был весьма специфический круг: друзья и соратники по движению сторонников мира да несколько постоянно навещавших его писателей. (Александр Константинович Гладков, тот же Боря Слуцкий – раз-два и обчелся.) Лазарь и я были для него представителями совсем иного мира. Мы были «газетчики». Да еще явившиеся к нему как парламентарии из вражеского стана. Естественно, наше мнение насчет того, что можно, а что нельзя напечатать, представляло для него совершенно особый интерес. У него были все основания полагать, что кого другого, но уж его-то «Литгазета» печатать не будет. (Разве что какую-нибудь антизападную заметку по разделу международной политики.) А мы – сходу – попросили у него какой-нибудь отрывок из только что законченной первой книги его мемуаров. Немного поколебавшись, такой отрывок он нам все-таки дал. (Сколько мне помнится, это случилось уже при следующем нашем визите.)

Сейчас я уже не помню, какой из напечатанных нами отрывков был первым. Но из трех, которые мы тогда опубликовали, особенно запомнился мне «Киев». В цензурном отношении он был вполне безобиден, и никаких проблем с его публикацией мы не предвидели. Так оно и вышло. Цензурных проблем не было. Но хлопот (лично у меня) по ходу прохождения этого отрывка возникло довольно много.

У меня – потому, что именно мне было поручено его вести.

Проблемы (лучше все-таки сказать – хлопоты), возникшие у меня в связи с этим поручением, возникли не на какой-нибудь вышестоящей инстанции, как это обычно у нас бывало (по тексту Эренбурга, учитывая все тонкости и сложности сложившихся с ним отношений, никто из начальства ни одного замечания высказать не посмел), а на самой низшей: в бюро проверки. Было тогда в нашей газете такое – весьма, надо сказать, полезное – учреждение. (Я говорю «было», потому что сейчас, судя по количеству проскакивающих на газетную полосу «ляпов», в том числе и самых чудовищных, оно давно уже упразднено.)

Две красотки – Лиля и Рита (ее мы звали «Ритатуля»), сидящие в тесной комнатке рядом с библиотекой, выматывали из нас душу, сурово и скрупулезно выполняя свои обязанности, суть которых состояла в том, чтобы тщательно сверить с печатными источниками все попавшиеся им на глаза факты и цитаты. К девочкам из бюро проверки каждый из нас, кому приходилось вести тот или иной материал, входил обычно обремененный горой этих самых источников: книг, журналов, газетных подшивков. И этой горы, как

правило, не хватало: Лиля или Ритатуля то и дело гоняли нас в библиотеку (для того-то они и сидели рядом с ней) за все новыми и новыми источниками. Ссылки на источники полагалось давать автору (помечать на специальном экземпляре, откуда он взял тот или иной факт или цитату, четко указывая: том такой-то, страница такая-то). Не все авторы делали это достаточно аккуратно, из-за чего у нас с девушками возникали постоянные свары. Иной раз приходилось их и обманывать, вкручивая им какой-нибудь сомнительный источник. Это было, конечно, бессовестно, но – чего не сделаешь для пользы дела.

Со мной, например, был однажды такой случай. В какой-то своей статье я очень хотел процитировать строчки из неопубликованного (!!!) стихотворения Пастернака. Само имя Пастернака было тогда неупоминаемо. Да если бы даже и можно было его упоминать, – как сверить цитату? Не по самиздатовой же рукописи!

Вышел из положения я так. Раскрыл какой-то журнал (название и номер которого Лиля – в тот раз это была она – тут же записала на гранках), и, якобы глядя в его страницы, я по памяти читал строку за строкой, время от времени вставляя:

– Нет, тут не запятая, а точка с запятой... А тут тире...

Занятая этими мелкими исправлениями, Лиля в журнал даже не поглядела. Только бегло уточнила:

– А автор-то – кто?

Я небрежно кинул в ответ:

– Твардовский, – самым этим небрежным тоном как бы говоря: стыдно, мол, не знать такие известные строчки классика. И наутро газета вышла со стихами Пастернака. Вместо имени автора, правда, стояла нередко применявшаяся в подобных случаях классическая фраза: «Хорошо сказал об этом один поэт». Но это обстоятельство ничуть не умаляло моего ликования. Шутка ли: удалось опубликовать целых восемь строк из неопубликованного стихотворения Пастернака! Впрочем, сами строки – даже и без имени автора – тоже были не такие уж безобидные:

*Êîî ó áúòüæèâîî è õààèèî ùî,
Êòîî äîèæáîî áúòüî äòðà è õèèèî, -
Ëçâîðîîî ó íàñîîîäòàèèî àî
Àèèòàèèîî ùî òîèèèîî îáèèî.
Íà çíàè áú î èèòîî, î íæáò òòàòüîî,
Á îî-àòà èè Í óèèèî èèüîáò,
Àç äîèòîèèèò èò àèîîòòàòèèè,
Í à áúî î ðèèèâðèèò òàòò.*

Ведущий номер зам. главного (сейчас уже не помню, был это Косолапов или Михмат), почуввав тут что-то подозрительное, тоже, помнится, спросил у меня, кто автор. И я так же небрежно кинул: Твардовский. И – сошло!

Имея за плечами такой опыт, я и думать не думал, что с эренбургским отрывком у меня могут возникнуть какие-то сложности. Илья Григорьевич, правда, никаких ссылок на источники нам не дал. Но по моим понятиям никаких ссылок тут было и не нужно: ведь это же не статья, а мемуары! Но у проверщицы Лили было на этот счет другое мнение. Старательно отчеркнув на полях все факты и цитаты, нуждавшиеся по ее убеждению в тщательной проверке, против каждого из них она поставила обычное: «Том... страница...» и жирный вопросительный знак. Вот, например, в самом начале эренбургского отрывка, чуть ли не в первых его строчках, говорилось:

«Однажды на улице я увидел В.Г. Короленко. Он шел, сутулясь; лицо его поражало добротой и печалью».

Лиля потребовала, чтобы я дал ей источник, который точно удостоверил бы, что осенью 1918 года Короленко был именно в Киеве. Я чертыхался, чуть ли не матерился. Объяснял, что Эренбург сам отвечает за верность упоминаемых им фактов, что завтра, когда этот эренбургский отрывок появится в газете, он сам СТАНЕТ ИСТОЧНИКОМ, на основании которого историки (и сама она, Лиля, тоже) будут судить о том, где был Короленко в те осенние дни 1918 года. В ответ на все эти мои резоны Лиля только улыбалась и повторяла, что завтра оно, может быть, будет и так, а сегодня ей нужен источник... том... страница... Все, что полагается в таких случаях...

Далее, вспоминая о том, как 20 сентября 1941 года он узнал, что по Крещатику движутся немецкие танки, Эренбург приводил стихотворные строки:

*«Êèää Êèää» - ííàòîðýèè îðîáîáà
Áüçîááòò äòà Áíàðèòò àááá..
«Êèää Êèää!» - í ääòüàèèèüü
æòòàèèè..*

Против них тоже стояло вопрошающее Лилюно: «Том? Страница?»

И сколько я ни надрылся, объясняя, что это – стихи самого Эренбурга, что он, как автор, имеет право не только цитировать их по памяти, но даже и перевернуть, – ничего не помогало. Та же улыбочка, то же требовательное постукивание карандаша по стеклу, положенному на столешницу ее старенького канцелярского письменного стола, и то же постоянное, непреклонное: ничего не хочу знать, ничего не хочу слышать, будь добр, дай мне источник... том... страница...

Дальше Эренбург – на мою беду – цитировал строчки Гудзенко:

*Í í è á ññññññññ Í í ñí ññññññññ,
è á ò ñí ÿò ááéí òñññññññ òáé
áúé Èéáá í áðáí ð é ð áí áññ,
í áçááú áááú í é áí ááé..*

А следом за ними – объявление, которое он читал своими глазами:

*«Èéááí á òññññ Èéááá è í é ò ññññññññ. Á í í í áááááááá éé 29 ññññ ò ÿáááá é ññññ è ð áññññ ò ò ð á ááí
í ááéááéé ò ÿáé ò ññññ...»*

А дальше – снова чьи-то стихотворные строчки. Наверное – его собственные:

Èéáá Èéáá òññññññññ í í ÿ..

И в каждом из этих случаев я должен был назвать и представить источник. В общем, пришлось мне в тот день звонить Эренбургу раз восемь. Мне было ужасно неловко беспокоить его по всем этим пустякам. Я чувствовал, – не мог не чувствовать, – что все эти глупости его раздражают. Понимал, что назойливыми своими звонками сильно ему надоел. Но постепенно я стал находить во всем этом и свою хорошую сторону.

Хорошая сторона состояла в том, что от звонка к звонку Эренбург становился все благодуще. Он уже не раздражался, а привычно – в тоне юмора – спрашивал:

– Ну, что еще хочет от нас ваше бюро проверки?

Это «от нас» грело мою душу. И дело тут было не в том, что эта формула, объединяющая и как бы даже уравнивающая меня с ним, льстила моему самолюбию. Гораздо важнее тут было другое: признание того факта, что мы с ним – заодно, вместе, вдвоем («спина к спине», как было сказано в любимом мною романе Джека Лондона) сражаемся с глухой, не желающей слышать никаких резонансов бюрократической системой.

А наутро, когда газета вышла, едва только я пришел на работу, раздался телефонный звонок. Я сразу узнал голос Натальи Ивановны Столяровой (Наташей я ее тогда еще не называл):

– С вами хочет поговорить Илья Григорьевич.

Я – не то чтобы испугался, но – забеспокоился: а вдруг кто-то из начальства в последний момент выкинул у Эренбурга какой-нибудь не понравившийся абзац? Вот старик сейчас скажет, что он так и знал, что с нашей газетой дела иметь нельзя, и едва забрезживший наш роман тут же и угаснет. Но голос Ильи Григорьевича источал добродушие и все тот же, вчерашний, юмор. Разве только чуть прибавилось в этом юморе иронии, даже сарказма.

– Я хочу, – сказал он, – передать привет вашему бюро проверки...

Выяснилось, что, тщательно выверив все факты и цитаты, Лиля не удосужилась проверить, на каком берегу Днепра находится Дарница. А вот тут-то проверка как раз и была нужна, поскольку он, Илья Григорьевич, ошибочно поместил эту самую Дарницу не на правом берегу великой реки, как надо было бы, а на левом.

Мы посмеялись.

Лиле я привет от Эренбурга не передал. (Если бы передал, она бы сказала: «Вот видишь, значит, все-таки надо все тщательно проверять, а ты надо мной смеялся!» И, разумеется, была бы права.) А на меня от этого утреннего эренбургского звонка повеяло каким-то теплом. Мне показалось, что старик позвонил совсем не для того, чтобы передать свой саркастический привет нашему бюро проверки, а скорее для того, чтобы еще раз окунуться в атмосферу нелепой газетной суеты, в которой он жил весь вчерашний день и с которой, видеть, ему не хотелось расставаться.

ÓÔÎ × ÍÁÍ ÈΒ Ì ÁÌ ÓΑΔÈÑÒΑ

Ì èòàèè Ñèí àèùù èèíá

Многоуважаемый г-н редактор!

В февральском номере Вашего журнала опубликован отклик Айзика Баргтейла на мою публикацию «Русская стенгазета» (в сущности, малая часть моих литературных воспоминаний, которые кусками печатаются в разных журналах и сборниках). Пристрастие у г-на Баргтейла сильное, с большим негодованием он пишет об «огромном количестве неточностей и вздорных заявлений» у меня. Я этого, признаться, не нахожу. Неточности в работе мемуариста, правда, случаются, память иногда слабеет, и я ошибся в одном имени собственном, но, конечно, не приписывал Кановичу несвойственных ему высказываний, не утверждал, что Бялик писал только на иврите и, помилуй Б-г, не усомнился в отсутствии у вдовы Переца Маркиша кулинарных способностей... И т.д. и т.п. Мой ожесточенный рецензент многое просто искажает и передергивает. Очевидно, он убежден, что я – враг литературы, существующей на языке идиш, и очень недоброжелателен к моему герою А.А. Вергелису. Ни то, ни другое не соответствует истине и весь смысл моего рассказа в постепенном избавлении от предубежденности. Ведь я увлекся беседами с талантливым поэтом и многоопытным деятелем, поведавшим мне немало (кое-что из услышанного я и пересказал). Но интересовала меня судьба еврейского языка и еврейской литературы, а лично Вергелису – какой же я, в конце концов, судья? Найдется и высший Судия для незаурядного человека, жившего, писавшего и действовавшего в столь нелегкие времена и в столь специфических условиях. Не сомневаюсь, А.А. сделал немало полезного для своего народа. (И я позволил себе даже дерзкое сравнение с подвигом И. бар Заккаи.) Хотя есть компромиссы и компромиссы. И уж никакого нет желания затевать здесь спор о функциях и роли юденратов. Или, тем более, спорить о литературных вкусах. О достоинствах, скажем, поэзии Е. Самченко. Все же замечу, что, являясь сейчас (в рассчитанном на годы проекте РАН) составителем антологии русской поэзии, я приложу все усилия, чтобы стихи Самченко и ряда других несправедливо забытых авторов в эту антологию вошли (вопреки сложившейся литературно-номенклатурной иерархии и отсутствию иных имен в Краткой литературной энциклопедии).

Я понимаю, что после того, как уже вышло в свет это «Возвращаясь к напечатанному», обычно бесполезны дальнейшие возвращения к теме. Ведь свара авторов (всегда любезная сердцу редактора) уже состоялась. И я не пытался бы посягать на журнальную площадь и удовольствовался бы достигнутым эффектом – сказал, что хотел, и что за дело мне до Айзика Баргтейла! Неизвестного мне (как я неизвестен ему), всерьез считающего мастерами Евтушенко (в его зрелом состоянии), Наровчатова и даже Римму Казакову. И грозно обещающего «при случае проверить факт моего приятельства с А.П. Межировым». Пожалуй, надо было бы улыбнуться и все забыть... Однако в пылу негодования Баргтейл несколько перебрал, хватил через край. Ему не следовало бы обвинять меня в антисемитизме, заниматься поисками моей фамилии в списке членов редколлегии журнала «Наш современник» и уверять, что я пытаюсь «оправдать выбор своего жизненного пути». И вот я считаю необходимым ответить. Не инсинуатору, а читателям «Лехаима», у которых может после такого отклика возникнуть обо мне превратное мнение... Проблема выбора передо мною никогда не стояла. Я не являюсь «дезертиром» еврейской словесности. Всегда был русским литератором – не понимаю слова «русскоязычный» и принадлежность писателя к той или иной литературе определяю только по языку. По моему, русскими и только русскими авторами были Мандельштам и Пастернак, Бабель и Слуцкий. Мог бы стать таковым и чтимый мною Жаботинский, выросший как публицист в школе Герцена-Константина Леонтьева и гениально переводивший Бялика. Но вот не захотел быть русским писателем – его дело, его судьба.

Баргтейл демагогически приводит старую поговорку: «Если дед ассимилятор, то отец – крещеный, а сын – обязательно антисемит». Да, частый случай, но нет общего закона, «жизнь это подтверждает». Вспомним хотя бы случай Ходасевича, который был внуком гнусного ренегата Брафмана, а сам так много сделал для славы еврейской поэзии. Являясь великим русским поэтом.

Можно иметь друга-еврея и быть антисемитом (пример – Геринг). Можно льстить евреям и быть тайным антисемитом (примеров несметное множество). Но можно писать иронически и об отдельных евреях и о некоторых еврейских чертах (нет наций без пороков) и при этом любить еврейство и его судьбу, быть непосторонним (именно и только непосторонние с чистой совестью могут позволить себе такую критику). Какие же неистощимые проклятия обрушивали на головы соплеменников пророки Библии! А русская литература! Разве русофобами были Гоголь, Гончаров, Щедрин, Толстой, Чехов? Нет, я не мог оставить без ответа оскорбительную и наигранную истерию моего рецензента.

ÎÏÈÐÀÒÛÑÐ ÍÀÄÎ ÎÀ ÔÀËÏÛ...

Îàîì ÈÏðåâââè

Уважаемый господин редактор!

В февральском номере Вашего журнала в статье г-на Леонида Кациса есть пассаж, касающийся меня. Вот он:

«Солженицын... настойчиво повторяет высказывания самых разных евреев, по большей части крещеных, о вине евреев перед неевреями. В списке последних мы находим, например, имя Н. Коржавина, которому приходила в голову идея считать евреев, погибших в Бабьем Яру от рук немецких и украинских убийц, платой за участие евреев в коллективизации. И не смутило Н. Манделя, что погибшие в Яру – жертвы тех же самых процессов».

Прежде всего я должен заявить, что все, сказанное здесь обо мне, – прямая и гнусная клевета. Ничего похожего на эту идиотскую «идею» никогда в мою голову не «приходило» и под моим пером не возникало. Хотя бы потому, что в Бабьем Яру лежат мои близкие родственники, соседи, знакомые и одноклассники, из которых никто ни к какому раскулачиванию причастен не был. В моих мемуарах, в уже опубликованной их части (В соблазнах кровавой эпохи. «Новый мир». № 7, 8 за 1992 г. и № 1, 2 за 1996 г.) об этом рассказывается достаточно подробно. (К тому же Бабий Яр был «мероприятием», организованным германскими нацистами, никак от коллективизации не пострадавшими.)

Кстати, Солженицын ни на какие мои высказывания о Бабьем Яре в своей книге не ссылается. Прошу Вас публикацией моего письма опровергнуть клевету и объяснить Вашему автору, что если он хочет кого-то «лягнуть», надо опираться при этом на факты (в нашем случае на тексты), а не на слухи или мнения хороших знакомых. Те болтанули – и дело с концом, а пишущие оставляют следы.

Àíîîì, ÎÏÀ

Yéçàì áí íà Í îäëëí í îñòü

**Хаим Саббатто.
Выверить прицел.**

**Роман.
М.: Гешарим – Мосты культуры,
2002. – 192с.**

«Выверить прицел» – первая книга раввина Хаима Саббатто, переведенная на русский язык. На родине, в Израиле, он очень известный прозаик. Каждый из трех его романов не просто замечен критикой, но вызвал бурную читательскую реакцию: был энтузиазм, было и неприятие. Этому не приходится удивляться. Саббатто, основатель ешивы в городе Маале Адумим под Иерусалимом (он руководит ею и по сей день), – человек твердых религиозных убеждений, и они подчиняют себе его литературное творчество. Если для апологетов самое привлекательное в романах Саббатто именно выраженная в них идеология, то людей иных взглядов в его прозе смущают и нравственный ригоризм, порою доходящий до жесткости, и обилие отсылок к Писанию, и слишком навязчивые параллели с талмудическими сюжетами.

Их смущает откровенная, подчас прямолинейная, поучительность, которой буквально пропитаны его тексты. Она теперь совсем не в моде. К литературе давно перестали относиться как к учебнику жизни, как к проповеди и наставлению. Считается, что все это – признак художественной немощи. Но, собственно, отчего? Никто ведь не отменил права писателя открыто отстаивать свою позицию, а если она кому-то чужда, то надо говорить о несогласии с нею, не пытаясь скрыть свои расхождения с автором за упреками в творческом консерватизме. Да и сами эти упреки, если приглядеться, окажутся едва ли состоятельными.

Они будут выглядеть особенно странными для каждого, кто, преодолевая не слишком удачный перевод Н.Радовской, прочтет роман «Выверить прицел». Это книга о войне Судного дня, и написана она ее участником. Материал повествования, неизменно документальный и автобиографический, предельно заряжен драматизмом и напрямую касается весьма важного события в современной истории. Нелепо было бы поэтому ожидать от автора того, что почитается нынче обязательной приметой новейшей прозы, – иронии, игры, отказа от прямых суждений.

Ничего этого никогда и не было в той литературе о войне, которую создавали писатели, знающие ее по собственному трагическому опыту. Как прозаик Саббатто в этом отношении только продолжает большую европейскую традицию, веками которой были книги Ремарка, Олдингтона, Бёлля, Виктора Некрасова.

Для тех, кто знает эти книги, все очень узнаваемо на страницах его романа: танковое сражение (хоть и на Голанских высотах), обстоятельства, когда требуется предельное напряжение воли. Все естественно, все понятно: плающие машины, охваченные огнем люди, которые пытаются из них выбраться. Невозможность спрятаться или отступить. Раненые на полосе, простреливаемой насквозь, гибель друга, совсем юным попавшего в этот ад. Ситуация, когда каждому приходится держать тяжелейший экзамен, и чтоб ни грана риторики и патетики, ни следа фальши. Просто нет другого выхода, кроме как остановить рвущиеся вперед сирийские части, и, значит, «следует мобилизовать все внутренние силы, какие есть», потому что «пришло время для того, о чем мы так много читали и говорили, для истинного самопожертвования».

Роман написан от первого лица, и другая форма рассказа, наверное, сразу обнаружила бы свою искусственность. Даже малейшей дистанции нет между автором и героем: все происходящее и вправду пережито тем, кто о нем повествует, поэтому картина и получилась столь убедительной. В 1957 году будущий раввин Саббатто пятилетним мальчиком вместе с семьей, изгнанной из Египта после Синайской кампании, переселился в Израиль, простодушным юнцом попал на ту самую войну, о которой написан роман «Выверить прицел», и свой моральный долг видит теперь в том, чтобы воссоздать судьбу целого поколения.

Точно так же понимали свою задачу и те европейские писатели, у которых юность совпала с войнами, ставшими для них главной школой духовного формирования. Но они рассказали о поколении, сломленном жестокостью испытаний, выпавшим ему на долю. Саббатто пишет о поколении, которому эти испытания дали другое. Вчерашние мальчики, родившиеся в Румынии, в Польше, в Египте и только начинающие овладевать мироощущением и ценностями своего нового отечества,

осознают себя защитниками вековой мечты о национальном возрождении на собственной земле. Поэтому книга, которая изобилует эпизодами, сразу заставляющими вспомнить особенно изматывающие душу страницы того же Ремарка, по существу, очень далека от литературы надлома и отчаяния. Если уж искать литературные параллели, то книга Саббатто скорее оживит в памяти самые правдивые советские романы о войне – такие, как «Навеки девятнадцатилетние» Григория Бакланова.

Впрочем, и это сравнение во многом приблизительно, ибо у Саббатто история войны Судного дня самым тесным образом соотнесена с историей обретения веры и приобщения к миру религии. Когда книга получила литературную премию имени Сапира, самую престижную в Израиле, прозвучали и недовольные голоса. Говорилось, в частности, что как человеческий документ роман обладает большими достоинствами, однако в качестве художественно-философского сочинения не убедителен и потому не сумел обосновать насущную необходимость религиозных предписаний. Автор отверг обвинения; с его точки зрения духовная стойкость особенно свойственна человеку, для которого Алоха определяет прежде всего внутренний мир, то есть тем, кто не знает метаний между верой и неверием. У таких людей сознание нравственного долга настолько органично, что дает силы преодолеть страх и не утратить надежду даже в самых безысходных обстоятельствах. Он сослался на конкретный пример. Гиди, командир его танка, скептически наблюдал, как молодые солдаты педантично выполняют ритуалы, и оставался далек от их образа мыслей, пока не понял, что вера тут истинная и помогает им вынести многое из того, что непереносимо для неверующего. Война, по мнению Саббатто, важна еще и как опыт религиозного пробуждения. Или как школа, делающая веру и неподдельной, и насущной.

Позицию писателя, конечно, можно подвергать сомнению, но она не имеет ничего общего с тенденциозностью. Есть неотменимый закон настоящей прозы о войне: в ней должна ощущаться беспримесная правда. Экзамен, если можно так выразиться, на подлинность, который в те трагические и великие дни выдержали герои книги, исключает подказки. Автор их и не делает; никто не обвинит его в том, что ради своей любимой идеи он о чем-то умолчал или что-то приукрасил. Недаром Саббатто сказал в одном интервью, что среди главных проблем книги – проблема «соотношения между обетованиями и действительностью», между жаждой мира, провозглашаемой молитвами, и силой зла, с которым сталкиваются те, кто эти молитвы читает.

Он написал свою книгу в память погибших и ради напоминания о том, что мощь зла по-прежнему велика. История – на русском роман вышел как раз в те дни, когда в Израиле едва не ежедневно гремели взрывы, когда готовилась (и вскоре началась) война в Ираке, – сделала его напоминание как нельзя более актуальным.

Алексей Зверев

и многое другое были в начале 1990-х нашей печальной реальностью, а не вымыслом израильских спецслужб. Несправедливо и нечестно звучат слова о «некоем», а на деле весьма известном израильском филологе Михаиле Вайскопфе, авторе интеллектуальных бестселлеров, среди которых – «Сюжет Гоголя», «Писатель Сталин»...

Говоря об истребителе-бомбардировщике «Кфир» (название это в переводе с иврита означает «морской лев»), первой модели израильского производства, Прохоров пишет, что он похож на «Мираж-5». При этом он описывает одну лишь операцию по похищению чертежей «Миража» с завода фирмы «Шульцер бразерс» в Швейцарии. Однако идея «Кфира» была позаимствована не только у французской фирмы «Дассо», но и у американской компании «Макдонелл Дуглас». Двигатель для «Кфира» создан на основе американской конструкции. Кроме того, автор называет «Мираж» штурмовиком, хотя он также и перехватчик. Тем не менее говорить о неточностях этой книги довольно трудно, так как документы, на основании которых она писалась, находились в закрытых архивах.

В работе Д. Прохорова содержатся многочисленные сведения по истории Израиля и биографии почти всех видных политических деятелей этого государства. Анализируются основные события арабо-израильских войн. Описывая приемы, применяемые спецслужбами, Прохоров говорит об их цинизме, о применении пыток и даже перечисляет виды последних. При этом ни на чьи свидетельства не ссылается, что делает подобного рода заявления бездоказательными. Одновременно автор не скрывает своего возмущения злодеяниями самих арабов, а в их числе – убийством еврейских спортсменов во время Олимпиады в Мюнхене в 1972 году.

Словом, несмотря на многочисленные и серьезные недостатки разного рода, основанная на материалах из архивов КГБ книга Д. Прохорова представляет несомненный, хотя и ограниченный, интерес.

Ἰὰ δὲ Ἐπιτομή

Ἰ ἰ ἐὰ, ἦ-ἀνὸ ἐὲ ἀἰ ἰ ἦ ὀ ἀ ἀ ὀ ἰ ἦ ἦ

Ἀδελφὴ Ἰ ἰ ἐὲ

В некоторых кругах я пользовалась успехом, рассказывает тетя Роза. Худее я и тогда не была, лишь плотнее телом. Проходит время, Лиленька, и факт есть факт – нас постигают перемены. Исключений у Б-га нет никому. Только такой человек, как твоя мама, будет стоять на одной ноге тридцать лет и тянуть ту же песню, а то, что попа выросла вдвое, ей незаметно. Кто-нибудь ее слушает? Папа – в лавке. У тебя и у Сеймура нет мыслей кроме как о себе. И вот она на своей вылизанной кухне ждет доброго слова и думает – бедная Роза...

Бедная? Я вас умоляю! Было бы в моей младшей сестре на две капли больше жизни, то знала бы, что у меня по части чувств не сердце, а в полном смысле высшие женские курсы, и опыта за моим декольте столько, что вся ее замужняя жизнь – это сплошной детский сад.

Сегодня вы можете во всякое время найти меня в гостинице, район не играет роли. Кому это нужно, жить в квартире, как прислуга, – пыль глотать, с тряпкой в руках? С номерными у меня всегда есть понимание, притом здесь интереснее, чем дома, кругом народ, и каждый по своей причине...

А у меня, Лиленька, та причина, что я, дело давнее, возьми и заяви мастерице:

– Или я, миссис, пересаживаюсь к окну, или тут сидеть с меня хватит.

– Не хочешь, девонька, сидеть, – говорит она вежливо, – иди постой на улице.

Так я лишилась работы в мастерской при галантерейных товарах.

Новое место я присмотрела по объявлению: «Культурной организации требуется воспитанная молодая дама, жалованье умеренное». Сажусь на трамвай по указанному адресу на Второй авеню: «Русский художественный театр», где ставили исключительно лучшие еврейские пьесы. Им требовалась кассирша продавать билеты, примерно такая, как я, чтобы привечала публику, но не давала спуска жулью. Мужчина, который со мной разговаривал, был администратор – фрукт, если откровенно.

Прямо с ходу он говорит:

– Вы таки да имеете телосложение, Роза Либер.

– Какая есть, мистер Кримберг.

– Поймите меня правильно, девочка, – говорит. – Я как раз цену. Когда у дамского пола нет ни носа, ни кормы, вся кровь уходит на разогрев рук и ног, а по самому главному назначению не достигает.

Доброе слово приятно всякому.

– Вы только не позволяйте себе лишнего, мистер Кримберг, – говорю я ему, – и мы с вами поладим.

И мы поладили: девять долларов в неделю, каждый вечер стакан чаю, раз в неделю бесплатный билет для мамы, и я могу в любое время смотреть репетиции.

Первые девять долларов уже переключались от меня к хозяину продуктовой лавки в готовности следовать дальше, когда Кримберг говорит мне:

– Роза, тут с тобой хочет познакомиться одна исключительная личность, артист нашего выдающегося театра, несомненно под влиянием твоих больших карих глаз.

Ты знаешь, Лиленька, кто это был? Вот слушай, прямо передо мной стоял Володя Влашкин, его в те дни называли «Валентино Второй авеню». Я, как увидела, первая мысль – это где еврейские мальчишки вымахивают в такой рост?

– Непосредственно под Киевом, – сказал он.

Как так?

– Меня мама до шести лет кормила грудью. Во всем местечке не было таких здоровых, как я.

– Б-г мой, Влашкин, до шести лет! Бедная женщина, у нее, наверное, одни лохмотья остались на месте бюста.

– Моя мать была прекрасна, – сказал он. – Глаза ее были как звезды.

Он находил выражения, что прямо-таки до слез.

Кримбергу Влашкин сказал сразу, как нас познакомили:

– Кто придумал упрятать в клетку это чудесное юное создание?

– Кассирши торгуют билетами в кассе.

– Тогда подите, Дэвид, и полчаса поторгуйте билетами сами. Я имею известные соображения о будущем данной особы и также данной труппы. Ступайте, Дэвид, будьте пайнкой. А насчет вас, мисс Либер, я предложил бы заглянуть к Файнбергу на стаканчик чаю. Репетиции тянутся долго. Хочется сделать себе перерыв с располагающим человеком.

И он повел меня за угол, где тогда помещался Файнберг и где набилось столько венгров, что это можно было оглохнуть. В дальнем зале был столик в его честь. На скатерти хозяйка заведения вышила: «Здесь кушает Влашкин». Мы выпили свой стаканчик чаю без слов вследствие жажды, и я нашла наконец что сказать:

– Мистер Влашкин, пару недель назад я видела вас в «Чайке», когда еще не пришла сюда работать. Поверьте, я бы на месте той девушки даже не поглядела в сторону того буржуйчика. Пускай бы он вообще выпал из этой пьесы. Не понимаю, как Чехов мог вставить его в ту же пьесу, что и вас.

– Я вам понравился? – спросил он, взяв и ласково поглаживая мою руку. – Ну-ну, значит я еще нравлюсь молодежи... Так вы тоже любите театр? Отлично. И знаете, Роза, у вас такая славная рука, такая на ощупь теплая, с такой нежной кожей, – скажите, зачем вы носите на груди косынку? Вы только прячете вашу молоденькую, юную шейку. Сейчас не прежнее время, дитя, чтобы совеститься всю свою жизнь.

– Кто совестится? – сказала я, снимая косынку, но в ту же минуту моя рука сама собой поднялась прикрывать это место, так как, правду сказать, это было действительно прежнее время, и я тогда по своему характеру провалилась бы со стыда.

– Еще чаю, дружочек?

– Спасибо, нет, я уже и без того закипаю.

– Дорфман! – крикнул он таким голосом, как король на троне. – Подайте сельтерской со свежим льдом для этого ребенка!

В последующие недели я имела почетную возможность узнавать его все лучше как человека и плюс возможность наблюдать его в профессии. Подошла осень; в театре – суета туда-сюда. Без конца репетиции. После провала «Чайки» играли «Торговца из Стамбула», и нате вам – наоборот, успех.

Дамы не помнили себя. На премьере, посреди первой сцены, одна мадам – или вдова, или же супруг днем и ночью на работе – давай хлопать в ладоши и выкрикивать:

– Ой, ой, Влашкин!

В зале – форменный бедлам, актерам невозможно играть. Влашкин вышел вперед. Но, однако, на внешний взгляд – не Влашкин: моложе, волос, как смоль, летучая оживленная походка, рот мудреца. Полвека спустя в конце спектакля он вышел опять: седой философ со знанием жизни лишь по книгам, с руками глаже шелка... Я плакала, думая: кто я – чистый ноль, и чтоб такой человек посмотрел на меня с интересом!

Потом мне дали небольшую прибавку благодаря тому, что он замолвил слово в мою пользу, а также по пятьдесят центов за удовольствие участвовать в массовых сценах совместно с актерскими двоюродными по крови и по браку и просто с кучей притеатральной мелюзги и видеть, подобно тому, как каждый божий раз видел он, сотни бледных лиц, ожидающих, чтобы посмеяться или склонить голову в скорби при виде его переживаний.

Настал печальный день проститься с моей мамой. Влашкин помог найти поблизости от театра комнату в разумных пределах, где я бы чувствовала себя свободнее. А также, чтобы моему одаренному другу было куда приклонить голову от гвалта театральных гримерных. Мама лила и лила слезы.

– Это другой образ жизни, мама, – говорила я. – Не считая, что меня влечет любовь.

– Ты! Пустое место, гнилая дырка в куске сыра, и ты мне будешь рассказывать, что такое жизнь? – визжала она.

В глубоком оскорблении я ушла от нее. Но я держу зло недолго: полненькие, они такие, не мне вам говорить, – добрые, и я себе подумала, бедная мама, она и правда имеет больше меня понятия о жизни. Вышла замуж за кого не любила, за мужчину с болячками, который уже истратил всю свою душу на Б-га. Чтob он когда-нибудь помылся, так нет. От него пахло несчастьем. Зубы его повыпадали, голова облысела, сам съезжился, постепенно усыхал и наконец – счастливо оставаться – окончательно умер и к маме приходил на ум, только когда она спускалась взять из почтового ящика под лестницей счет за электричество. В память о нем и из уважения к человечеству в целом я решила жить ради любви.

Не смейся, дурочка, много ты понимаешь.

Думаешь, мне приходилось легко? Сколько-то надо было давать маме. Руфка с твоим папой копили на постельное белье, на пару ножей и вилок. И по утрам я подрабатывала сдельщиной, иначе было не продержаться самостоятельно. Я стала делать искусственные цветы. Целая клумба каждый день расцветала у меня на столе к обеденному часу.

Такой вид, Лиленька, имела моя самостоятельность – цветущий, но с неимением корней и с бумажным фасадом.

А между прочим, Кримберг бегал за мной тоже. Без сомнения, заметил успех Влашкина и сложил дважды два: «Ага, в этот сезамчик вход свободен...» Другие также не отставали. За мной в те годы ухаживали в порядке перечисления: упомянутый Кримберг – это раз. Два – Карл Циммер, исполнитель в парике наивных и чистых юношей. Далее – Чарли Пил, христианин, которого случайным ветром занесло так оскоромиться, создатель бесподобных декораций.

– Говоря о цвете, ему нет равных, – скажет Влашкин, как всегда в самую точку.

Я отклоняюсь на это, чтобы показать, что твоя толстая старая тетка не сходила с ума от одиночества. В те шумные годы я имела знакомство среди интересных людей, которым нравилась по той причине, что молодая и очень хорошо умела слушать.

Актрисы – Рейзеле, Мария, Эсфирь Леопольд – смотрели только в завтрашний день. За ними увивались богачи, продюсеры, швейный район в полном составе; их прошлое – набор иголок, их будущее – игольное ушко.

В конце концов пришел день, когда мне стало невтерпеж держать свою тактичность за зубами.

– Влашкин, – сказала я, – сорока доложила на хвосте, что у тебя есть жена, дети, весь поголовный комплект.

– Правильно, не отказываюсь. Я и не отрицал.

– Вопрос не в том. Что из себя представляет эта дама? Неудобно спрашивать, но ответь мне, Влашкин... Я затрудняюсь разобрать, как устраивает свою жизнь мужчина.

– Девочка, или я не говорил сто раз, что эта комнатка – приют для моего мятущегося духа? Сюда иду я, в твою невинную обитель, обрести отдохновение среди житейских треволнений.

– Нет, Влашкин, серьезно, – что она за человек?

– Хорошая женщина, Роза, из средних слоев, примерная мать моим детям в количестве трое и все трое – девочки, умеет готовить, в молодости недурная собой, но молодость прошла. Ты видишь, куда еще откровеннее? Я отдаю в твои руки свою душу, милая.

Сколько-то месяцев спустя, на новогоднем балу в Клубе русского актера, я лично ознакомилась с миссис Влашкиной, брюнетистой, с пучком и прямой спиной и чересчур гордой. Она сидела за столиком и густым голосом отвечала, когда кто-нибудь на минуту останавливался поговорить. Она владела идишем в совершенстве – чеканила каждое слово. Я все глядела на нее. Она заметила меня, как замечала всякого другого, – холоднее, чем рождественское утро. Скоро она пожаловалась, что устала. Влашкин подозвал такси, и больше я ее не видела. Бедная женщина, она не знала, что на одной сцене с ней играю я. И как я порчу ее роль, не знала.

Позже в тот вечер я сказала Влашкину у своей двери:

– Довольно. Это не для меня. Мне все это надоело. Я не из тех, кто ломает семью.

– Девчурка, – он сказал, – не надо глупостей.

– Нет-нет, пока, счастливо оставаться, – сказала я. – Я не шучу.

И я приехала на неделю в отпуск к маме, разобрала все шкафы, выскребла до насковзь все стены. Она обрадовалась, но по причине своей тяжелой жизни не удержалась сказать:

– Вот мы видим, чем кончается. Когда живешь, как беспутная, то в итоге имеешь помешательство.

После этого короткого перерыва я возвратилась назад к прежней жизни. Встречаясь с Влашкиным, мы ограничивались лишь здравствуйте-досвиданьем, и в дальнейшие огорчительные годы обоюднo кивали головой, словно бы выражая:

– Да, как же, как же.

Тем временем целая стратегия разворачивалась на поле действий. Твоя мама и твоя бабушка стали водить молодых людей. У твоего родного отца был брат, ты его даже никогда не видела. Рувим. Вдумчивый малый без ничего, помимо идеалов.

– Роза, я предлагаю тебе необычную многозначительную жизнь, свободную, новую и счастливую.

– То есть?

– Мы будем возрождать с тобой пески Палестины, закладывать основы нации. В той земле для нас, евреев, наше завтра.

– Ха-ха, Рувим, тогда я и поеду завтра.

– Роза! – твердит Рувим. – Нам нужны сильные женщины вроде тебя, женщины-матери и земледелицы.

– Ай, брось, Рувим, вам нужны ломовые лошади. Но для этого надо иметь больше денег.

– Мне не нравится твое отношение, Роза.

– Да? В таком случае иди себе и размножайся. Счастливо.

Или еще: Янкель Герштейн, щеголь до мозга костей, разодетый наповал, с легкостью возбуждаемая натура. Девушки в те дни, – а кажется, только вчера, – носили такое нижнее белье, что как броня для гражданской обороны. Так для него это было минутное дело. Бойчик из еврейской семьи – где, интересно, он набил себе руку? Сегодня, будем надеяться, с этим проще, Лиленька? Слушай, что я такого спросила, ах, какие мы нежные...

Короче, роденькая, ты и сама уже должна понимать, что жизнь, хотите вы или не хотите, движется дальше. Только присядет на минутку, покажет тебе твою мечту – и вперед.

Пока я отнекивалась от кучи молодых балбесов, Влашкин на несколько сезонов уехал на гастроли по Европе: Москва, Прага, Лондон, даже Берлин – уже тогда не самый веселый пункт на карте. По приезде обратно он написал книгу, ее даже сегодня можно получить в библиотеке: «Еврейский актер за границей». Захочешь когда-нибудь узнать про мои одинокие годы – возьми почитай. Почувствуешь, в чем цимес этого человека. Нет-нет, про меня там не упомянуто. Кто я такая, в конце концов?

Когда книга вышла, я остановила его на улице высказать свои поздравления. Но я не люблю кривить душой и поэтому указала также, что во многих местах выпирает его эгоизм – даже критики отмечали кое-что в этом направлении.

– Болтать – дешевое развлечение, – отвечал мне Влашкин. – Но кто они, эти критики? Признайся, причем они и причем творчество? Уже не говоря, что у Шекспира есть строка в пьесе из великой английской истории. Она гласит: «Любовь к себе, мой государь, простительней самоуничиженья»*. Ту же мысль в наше время мы видим у моралистов из последователей Фрейда... Ты меня слушаешь, Роза? Поправь меня, но ты как будто задала вопрос. Отлично выглядишь, кстати. А где же обручальное кольцо?

С этого разговора я уходила в слезах. Но эти несколько слов на улице проложили счастливую дорожку к последующим беседам. О том и о другом, мало ли... К примеру, дирекция – недалекие люди, между нами, – не желала больше давать ему роли молодых. Нет, вы видели? Откуда им возьмется у молодых такое знание жизни, чтобы сыграть молодость, как он?

– Розы, Розы, – сказал он в один прекрасный день, – по стрелкам времени на твоих розовых щечках, боюсь, не пробило ли тебе тридцать.

– Эти часики отстают, Влашкин. В четверг будет неделя, как сравнялось тридцать четыре.

– Да что ты? Розы, ты беспокоишь меня. Я давно собираюсь с тобой переговорить. Ты упускаешь свое время. Пойми меня. Нельзя женщине упустить свое время.

– Ой, Влашкин, будь другом, что значит время?

На это он затруднился ответить и лишь посмотрел на меня с удивлением. Взамен мы с горячим интересом, но хотя уже без той прыти направились ко мне на новую квартиру на Девяносто четвертой улице. По стене – те же афиши с тем же Влашкиным, но теперь все малярные работы – в красном и черном колере, как это считалось стильно, и новая обивка у мебели.

Не так много лет назад вышла книжка актрисы из той же славной труппы, Марии Кавказ, – это которая бегло выучилась по-английски и потом перешла на Бродвей, – где сказано кое-что про Влашкина. А точнее, что одиннадцать лет он был ее любовником, – не постыдилась же рука написать! Никакого уважения ни к человеку, ни к его жене и детям, а допустим, и к другим, у которых тоже могут быть свои чувства в этом вопросе.

Ты, Лиленька, не удивляйся. Это называется грубая правда жизни. Душа актера должна быть, как алмаз. Чем больше граней, тем ярче блеск его имени. Ты, рыбочка, не сомневаюсь, полюбишь и за того же самого выйдешь замуж, родишь, не сглазить бы, двух-трех деток и навеки будешь жить счастливо, пока не скончаешься без сил. Для человека вроде нас с тобой чего-нибудь помимо этого знать не обязательно. Но большой артист, как Володя Влашкин, чтобы так делать свое дело на сцене, он должен иметь практику. Жизнь для него все равно что репетиция, теперь я это понимаю.

Я, например, когда ходила на него в «Свекре» – пожилой мужчина влюблен в молоденькую, в симпатичную жену родного сына в исполнении Рейзеле Майзель, – я лично не сдержала слез. Что он ей говорил, этой девочке, какой мед он шепотом лил ей на ухо, как все горячие чувства отражались на его лице... И все это он пережил, Лилечка, со мной. Дословно. Скажи, как мне было не гордиться?

В таком разрезе история подползает к окончанию.

Сначала мне это бросилось на лице моей матери тухлявым почерком времени на щеках сверху донизу, вдоль и поперек на лбу – даже ребенок прочитает – старость, старость, старость. Но сердцу было еще большее видеть эту голую истину крупным шрифтом на бесподобных чертах

Влашкина.

Сперва развалилась труппа. Театру настал конец. Умерла Эстер Леопольд, чисто по старости. Кримберг заработал инфаркт. Мария перешла на Бродвей. Также Рейзеле поменяла имя на Розлин и стала гвоздем сезона в кинокомедии. Сам Влашкин, за неимением куда податься, покинул сцену. Газеты писали: «Актер, не знавший себе равных, он будет писать воспоминания и проведет остаток дней в кругу семейства, окруженный цветником своих внуков и заботой обожающей супруги».

Журналистика, что вы хотите.

Мы устроили в его честь роскошный банкет. На банкете я обратилась к нему, как полагала, в последний раз:

– Пока, мой милый друг, сюжет всей моей жизни, вот мы и расстаемся.

А про себя прибавила – ну, все. Имеешь одинокую постель. Как говорится, дама в теле и в годах. Стелила ее себе персонально сама. С этой одинокой постели ты в конце переляжешь на другую, где будет не так одиноко, но тесно от миллиона костей.

И что же дальше, Лиленька? Угадай!

На той неделе, стирая с себя белье в раковине, я получаю звонок по телефону.

– Простите, это не Роза Либер, которая работала одно время в «Русском художественном театре»?

– Да, она.

– Ну и ну, здравствуй, Роза! Это Влашкин.

– Влашкин? Володя Влашкин?

– Собственнолично. Как ты, Роза?

– Пока жива, Влашкин, спасибо.

– И ничего? Нет, правда, Роза? Здоровье в порядке? Ты работаешь?

– Здоровье, с учетом, сколько веса оно таскает на себе, – грех жаловаться. Работаю, уже не первый год, – там же, где начинала, в галантерейных товарах.

– Как интересно.

– Послушай, Влашкин, признайся откровенно, с чем ты позвонил?

– С чем, Розы? Уже нельзя просто вспомнить старую знакомую, сердечную подружку прежних, более радужных дней? К слову будь сказано, мои обстоятельства переменились. Я ушел на покой, как ты знаешь. И еще, я теперь свободный человек.

– Что? Каким образом?

– Миссис Влашкина подала на развод.

– С чего это она? Или ты запил от тоски, или что?

– Она разводится из-за супружеской измены.

– Но извини меня, Влашкин,

не обижайся, но ты меня лет на семнадцать-восемнадцать старше, а даже для меня вся эта дребедень – эти дни в облаках и ночи в бреде – по большинству, о чем приятно поболтать, и только.

– Я ей объяснял. Подумай, я говорил, мое время прошло, кровь во мне пересохла наравне с костями. Суть, Роза, не в том – она не привыкла с утра до вечера иметь рядом мужчину, чтобы читал вслух, что интересного пишут в газетах о текущих событиях, то ему завтрак, то ему обед. Так ее это злит. Целый день она накаляется, и ужин подает мне разъяренная старуха. Вместо перца супчик приправляет сплетнями за последние пятьдесят лет. Наверняка в театре был иуда, день-деньской Влашкин не сходил у него с языка, улыбками он проливал бальзам мне в сердце, а сам при этом звонил и наговаривал на меня жене.

– Несуразный финал, Володя, для такой занимательной истории. И какие намерения ты строишь?

– Для начала, нельзя ли пригласить тебя на обед и в театр – бродвейский, само собой? А потом... мы с тобой давние друзья. Деньги для меня не вопрос. Чего твоя душа пожелает! Другие – как пустая солома, ветер времени выстудил из них сердце. О тебе же, Роза, память рисует мне только доброту. Чем женщина должна быть для мужчины, тем ты была для меня. Как думаешь, Роза, не могли бы старинные приятели вроде нас с тобой неплохо провести отрезок времени, вкушая от материальностей этого мира?

Минута, Лиленька, и мой ответ был в полной мере:

– Да-да, приходи. Мой номер спросишь на коммутаторе, поговорим.

Так он пришел в тот же вечер и каждый вечер потом на той неделе, мы говорили о его продолжительной жизни. Даже на исходе ее – неотразимый мужчина. И, как все мужчины до скончания веков, – с прицелом извернуться без ущерба для себя.

– Слушай, Роза, – поясняет он на днях. – Я прожил со своей женой, суди сама, без малого полвека. И что? Мы расходимся врагами. Чем больше я об этом думаю, тем больше думаю, что пожениться нам с тобой будет глупость.

– Володя Влашкин, – я сказала ему прямо, – сколько раз в молодости я без звука согревала по ночам тебе спину. Ты подтвердишь, я ничего не требовала. Совесть не позволяла. Оно мне надо, такая слава, что Роза Либер разоряет чужие гнезда? Но сегодня, Влашкин, ты – свободный человек. И ты зовешь меня ездить с тобой на поезде, жить в неизвестных гостиницах, посреди американцев, но не женой? Как не стыдно!

Так теперь, Лиленька, рыбка, перескажи эту историю своей маме собственными устами младенца. Из моих она не слушает ни слова. Только вскрикивает: «Ой, мне плохо!» Скажи ей, что у меня-таки будет муж, которого, как общеизвестно, женщина должна иметь как минимум одного на протяжении пока жива.

Караул, я уже опаздываю! Скоренько поцелуй меня. Худо-бедно, ты на моих глазах произрастала из макового зернышка. И пожелай-ка мне что-нибудь в день свадьбы! Много благополучных лет. Любви на долгие годы. Мамочку обними, передавай от тети Розы пока и счастливо оставаться.

Ї адіаїа іаї аеаїаїа ї. Еаї

растрепанное и истерзанное... Бледное лицо, закотившиеся глаза, раскрытый рот... Что это? замирание ужаса или уже самая смерть?»

Картина, видимо, подействовала и на толпу. Били, вероятно, со смехом, но теперь не смеялись. Думали, что еврей убит.

«— Жида зачем убили? спрашиваю я вас, азиаты оглашенные! — повторил Чертопханов.

Но тут лежавшее на земле существо проворно вскочило на ноги и, забежав за Чертопханова, судорожно ухватило за край его седла.

Дружный хохот грянул среди толпы» (Тургенев. «Конец Чертопханова»).

Драматическая сцена закончилась фарсом. Еврей не был бы евреем, если бы не проявилась в нем комическая черта, и упустить эту черту Тургенев никак не мог.

Первое впечатление от еврея в русской литературе — это впечатление комическое. Писатели русские не такой уж смешливый народ, но не могли они подавить улыбку при взгляде на еврейскую фигуру.

«... — Как жида? Какого жида?»

— А Г-сподь его ведает, батюшка. Проявился у нас жид какой-то; и отколе его принесло, — кто его знает?..

— Как бьют? За что?

— А не знаю, батюшка. Стало, за дело. Да и как не бить? Ведь он, батюшка, Христа распял!»

И. С. Тургенев.

«Конец Чертопханова»

Еврей, прежде всего, смешон. Смешны его жесты, его разговор, его одежда, манера. Достоевский не слишком расположен был к смеху, и его каторжане в «Мертвом доме» редко смеются, но первое же появление Исаия Фомича вызвало дружный раскат смеха. Достоевский не раз подчеркивает, что к Исаю Фомичу арестанты относились хорошо, даже любили его по-своему, «подшучивали для забавы», но не обижали. И все же «решительно все без исключения смеялись над ним». У Достоевского Исаия Фомич прежде всего смешная фигура и даже единственная в «Мертвом доме» смешная фигура. Все в Исае Фомиче вызывает смех, и не может серьезный, печальный, вдумчивый Достоевский без улыбки смотреть на еврея, который видом похож на «цыпленка», поет какой-то «смешной мотив», во время молитвы делает «смешные жесты» и надевает смешные украшения — «так что, казалось, изо лба Исаия Фомича выходил какой-то смешной рог». Даже свирепый майор, начальник острога, и тот «фыркнул от смеха», увидя Исаия Фомича на молитве.

Достоевский, как и все, впрочем, русские писатели, неохотно и мало говорил о евреях. Но стоило ему после Исаия Фомича вторично подольше задержаться вниманием на еврее, и снова вышел комический образ «небольшого человечка... в медной ахилловской каске».

«А-зе, сто-зе вам и здеся на-а-до?» — спрашивает у Свидрагайлова смешной еврейчик-пожарный («Преступление и наказание»). И в «Бесах» маленький чиновник Лямшин только тем и проявляет еврейское свое происхождение, что есть в нем какая-то комическая черта.

У Некрасова хор евреев-финансистов поет смешную «еврейскую мелодию», которая заканчивается словами:

*Ааі аеёе - аіааіе оіааі -
Ау і ііііеёоаіі іа аеёоаеіііоаі,
Ааа іа аіііоаі ао і дааео аеіііоаі,
Е і іаеааеоа, еае - о а о о!*

І іуі а «Ніааі аі іеёе».

Евреи — капиталисты у Некрасова, конечно, корыстолюбивы, жадны, алчны, но вместе с тем и смешны. Этим они и отличаются от хищников другой веры и другого языка. Над Зацепиным поэт не издевается, как над Беркой, который выгодно купил «болота семьдесят семь десятин».

Салтыков выводит целую коллекцию комических евреев, разбогатевших подрядчиков, откупщиков, ростовщиков. Все они говорят со смешным акцентом, у всех смешные манеры.

«По царке! По две царки на каздаго ратника зертвую! За веру!» — провозглашает в патриотическом восторге откупщик, «перекрест из жидов» («Тяжелый год»). У Лазаря Давыдыча Ошмянского, «еврея уже культивированного», нет ни малейшего признака пейсов, одет он по-европейски и говорит по-русски «почти правильно», хотя и произносит вместо «что» — «ишто», вместо «откуда» — «ишкуда» и вместо «сделать» — «изделать». Бросается же в глаза такая черта: «когда он унывал, то приседал, а когда торжествовал, то начинал махать руками» («Современная идиллия»).

Салтыков был писателем прогрессивным. Он отмечал комические черты в евреях, но в то же время высмеивал зло и остроумно юдофобов. Он не ограничивался поэтому насмешкой, хотя бы и добродушной, над евреями, но старался и объяснить, почему так смешон еврей русскому человеку. Он видел причину во внешнем — смешном — облике еврея. «Еврей самый солидный напоминает внешним своим видом подростка, путающегося в отцовских штанах... Смешной ламбсердак, нелепые пейсы, заячья торопливость, ни на минуту не дающая еврею усидеть на месте, — чего еще нужно? Еврей и ходит не так, как люди, и говорит не так, как

люди, и смотрит не так, как люди... А как смешно и даже гнусно он шепелявит: “Что, еврей, губами мнешь?” – “Дурака шашу!”» («Недоконченные беседы»).

У Достоевского Исая Фомич прежде всего смешная фигура и даже единственная в «Мертвом доме» смешная фигура. Все в Исая Фомиче вызывает смех, и не может серьезный, печальный, вдумчивый Достоевский без улыбки посмотреть на еврея, который видом похож на «цыпленка», поет какой-то «смешной мотив», во время молитвы делает «смешные жесты» и надевает смешные украшения – «так что, казалось, изо лба Исая Фомича выходил какой-то смешной рог». Даже свирепый майор, начальник острога, и тот «фыркнул от смеха», увидя Исая Фомича на молитве.

Глеб Успенский иначе объяснял смешные черты в евреях, но и он видел, подмечал эти черты. «Нам, российским, – писал он, – и смешна и жалка эта фигура еврея, вечно чем-то встревоженного, вечно до пота рыщущего за копейкой... Ай-вай-вай! И как для “нашего брата” смешно это “ай-вай” во взрослом человеке с бородой!» («Побоище»). Сам Успенский пытался в своих рассказах нарисовать евреев-бедняков, совсем не смешных, горьких тружеников, – но какими же бледными, бесцветными, сочиненными кажутся эти честные и не смешные евреи среди живых ярких героев Растеряевой улицы – Мишанек, Иванов Ермолаевичей...

Молодой Чехов просто и безыскусственно отражал в рассказах своих все, что видел, и так, как видел. Прогрессивная тенденция была ему так же чужда, как и антисемитская. В евреях он подмечал, прежде всего, комические черты, и почти все евреи в его рассказах смешны. У провизора Черномордика «кислое лицо с ослиной челюстью». Зубной врач Финкель говорит: «Я не советую вам плюмбуровать его... Из этого зуба вам никакого польза». Маленький, чернявый и кудрявый фармацевт «с таким серьезным и умным лицом, что даже стало страшно», говорит: «Уже один тот факт, что вы чувствуете себя нехорошо... Каждая собаке, каждый кошке имеет покой». Моисей Моисеич «сначала замер от наплыва чувств, потом всплеснул руками и простонал». Это он так выражал свою радость и потом все так же смешно «продолжал изгибаться, всплескивать руками, пожиматься». Его еврейская речь походила на непрерывное «гал-гал-гал», а жена отвечала ему тонким индюшечьим голоском, и у нее выходило что-то вроде «ту-ту-ту» («Степь»). Заметки в записной книжке Чехова о евреях носят комический характер. «Фамилия еврея: Чепчик», «Розалия Осиповна Аромат», «Еврей Перчик», «Мадам Гнусю», «Еврей Цыпчик».

От Пушкина и почти до наших дней русская литература в евреях видела, прежде всего, внешний его облик и в этом облике, прежде всего, отмечала комические черты. Русская литература всегда с насмешкой относилась к еврею, – иной раз с добродушной, иной раз с холодной и жестокой, нередко с грубой. Не говоря уж о низкопробной антисемитской беллетристике, все рассказы Лескова о евреях – это ряд грубоватых армейских анекдотов.

II

Для Пушкина еврей и шпион – это синонимы. В 1827 г. на станции между Боровичами и Лугой Пушкин встретил партию арестантов; среди них был и Кюхельбекер, его лицейский товарищ, впоследствии декабрист. Пушкин не узнал его. «...Высокий, бледный и худой молодой человек, с черною бородою, во фризовой шинели, и с виду настоящий жид, – и я принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я повернулся им спиною...» В стихотворении «Черная шаль» еврей выступает как шпион и предатель; и конечно он – «презренный еврей».

*Èì íáííñòó-àèñŷ
í ðàððáí í úé áððáé.
«Ñ òíáíð í èððò (òáí í óé íí) áððáŷ;
Òááá æ èçí áí èèà áñá-áí èà òáñŷ».*

*È ÷òí ò áñíñí ðáááðáéŷ «í ðèçáñé
í áñ-í í á ááéñò áéá»:*

«B ááé áí ó çéà ò à è í ðèçéŷé áñ».

Однако не только для Пушкина понятия еврея и шпиона неразлучны. Это общее представление для русской литературы первых десятилетий XIX-го века. Лермонтов относился к евреям несравненно более терпимо, чем Пушкин. Но когда ему понадобилось рассказать биографию еврейки Тирзы («Сашка»), на сцене появился жид-шпион.

*Èí ááá Ñóáí ðí á Í ðááñ í ñáæ ááé,
Áá í òáó ñéóæèè ó í áñ óí èí í í;
È ðáç, èáé í í óéðááéíð áñŷé
Á í óí áéðá í íéññéíí ááíéü
í í ááñò èí í áí,
Í áéí áéé áññò ðáé á èí á áí ó í í áé.*

*È i í fãá àçãíõí óá ñéaçãèè:
«æääéíé,
Íãñ-ãñõí úé æèä»* – он умер

не под палкой».

Тургеневский шпион Гиршель («Жид») достойным образом дополняет эту коллекцию. Этот Гиршель был немецким евреем и в 1813 году, когда русские войска проходили через Европу, был фактором, поставщиком всякого товара, в том числе и живого, в русской армии.

Не случайно первое знакомство русской литературы с подлинными евреями началось со шпионов. Нет оснований винить русскую литературу в предвзятой вражде к евреям, в слепой расовой ненависти. Русская, точнее – великорусская интеллигенция, помещицья по своему происхождению, евреев не знала, не видела и не могла видеть, потому что евреев в России тогда еще почти не было. Отдельные евреи только случайно могли попасться на глаза дворянину-писателю. О евреях русская интеллигенция судила по мимолетным впечатлениям и по западноевропейской литературе. Но литературные евреи были не те, что униженно сгибались перед помещиком и предлагали свой товар. Первое непосредственное знакомство с евреями свели русские офицеры в эпоху наполеоновских войн и походов через Европу. Русская армия в Польше, Австрии, восточной Пруссии видела евреев только в образе факторов, не брезгающих никаким видом товара, и шпионов. Легенда о всеобщем еврейском шпионстве имеет за собой многолетнюю историческую традицию. Еврей-шпион был необходимой принадлежностью военных рассказов и анекдотов; отсюда он перешел и в литературу.

С понятием о евреях у Пушкина связывалось представление о чем-то отвратительном, грязном, мелком. Жид Соломон в «Скупом рыцаре» внушает отвращение мелкой изворотливостью и трусостью своей. Он жаден, скуп, как ростовщик. Но не в нем поэт воплотил демоническую страсть к деньгам, как источнику власти. Скупой рыцарь дрожит над золотом, как подлинный традиционный «жид» всей мировой литературы. Что в сравнении с ним мелкий ростовщик Соломон! Но жиды Пушкин не избрал бы в свои герои. Страсть к золоту не родит в душе еврея драматической коллизии. Старый барон – трагическая фигура, Соломон – только «презренный еврей».

Жид появляется у Пушкина в самых позорных и унижительных сочетаниях. На шабаше ведьм, приснившимся пьяному гусару,

*...í í þò, èããþò,
ñéñõýò, è á í ãçíñõí í é èããí
Æèää ñ éýãñóéí þ ááí-þò.*

«Ашкән»

В «Песнях западных славян» жид дает такой совет Стамати:

*...ñò õí àé í à èèääæúá
Í ò ú è í í á è àí áí ñí è æ á á á
È á ã ð ó é á í þ á á í ð é í á ñ è í í á..
Æè á í à æ á á ó í ð í è è á á á ð á í á á
Í á ð á è á þ ò æ á á ó È á á í í í ...
«Ó á á í ð è Á é á í à»*

Когда вернулся оскорбленный муж Федор, то он

*... Ñò àí à ò è ç à ð á ç ä è
À æ è ä ä ó á è è, è á è ñ á á è ó ..*

Когда Суворов Прагу осаждал,
Ее отец служил у нас шпионом;
И раз, как он украдкой гулял
В мундире польском вдоль по бастионам,
Неловкий выстрел в лоб ему попал.
И многие, вздохнув, сказали: «жалкой,
Несчастный жид, – он умер не под палкой».

М. Ю. Лермонтов.
«Сашка»

И как «собаку», собирается повесить еврея Соломона благородный рыцарь Альберт. В живом и современном ему еврействе Пушкин не видел людей. Еврей не был личностью, и смешно было бы говорить об его достоинстве, внутренней жизни, духовных интересах. На юге России, в Одессе, в Кишиневе Пушкину

случалась видеть евреев; взгляд поэта равнодушно и бегло скользил по еврейским лицам, и остались у него только внешние впечатления. «Третьего дня хоронили мы здешнего митрополита, – записал Пушкин в кишиневском своем дневнике, – во всей церемонии более всего понравились мне жида: они наполняли тесные улицы, взбирались на кровли и составляли там живописные группы. Равнодушные изображались на их лицах; со всем тем – ни одной улыбки, ни одного нескромного движения! Они боятся христиан и потому во стократ благочестивее их».

Между евреями и образованным русским обществом начала XIX-го века не было ничего общего, не было никаких связующих нитей. Два мира, резко друг другу противоположных. Другие народы – цыгане, черкесы – притягивали все же своею вольностью, любовью к свободе. Евреи в массе своей оставались для русской литературы за пределом человечества, полудиким племенем, способным выделять толпою шпионов, ростовщиков, торговцев живым товаром. На западе в это время образованное общество зачитывалось «Натаном Мудрым», и широкой известностью пользовалось имя философа Мендельсона.

Впрочем, для еврейской красавицы русская литература делала исключение. Пушкин с брезгливостью отворачивался от еврея, но посвятил шутивно-нежные стихи Ревекке:

*«Ôðèñò ïñ àññèðàññ
ì ïÿ Ðàññèèà...»*

Лермонтов воспел красавицу Тирзу. В одной его балладе красавица Сарра падает жертвой любви к русскому («Куда так проворно, жидовка младая?»). В «Испанцах» красавица Ноэми заставляет Фернандо забыть, что она еврейка... У Сары, дочери тургеневского шпиона Гиршеля, «восточный профиль», но «красота поразила» влюбчивого офицера. Ряд этих еврейских красавиц как бы искупает профессиональное безобразие традиционного жида.

Но существовали кроме этих евреев, живых и знакомых, и другие евреи. О них говорила современная западноевропейская литература и еще более значительно говорила Библия. В этих других евреях именно их унижение, их вековое страдание, глубокая отчужденность от христианского мира были источником невольной к ним симпатии. Евреи были отвергнутым народом; и с интересом останавливался на них взор писателя и поэта, которые сами из чувства социального протеста отвергали современное им общество. Русской литературе были с ранних пор знакомы и родственны эти настроения. Байрон и Лессинг оказали на нее сильное влияние.

Даже у Пушкина, столь враждебного еврейству, складывались иные, навеянные извне, мотивы. Он задумывал «повесть», содержание которой угадывается из сохранившегося начала:

*À ààðàèññèé òèæéññ àèì ï ààà
À ï àññ ïñ òàèò à ðèò;
Ï ààà àèì ï ààññ òò àðèé
× èò ààò àè àèèè...
...Ï àà èññ ààèèè ï òñò ïé
Ààðàèèà ï èà: àò ï ï èññ ààÿ.
À àðàà ï òàèò, ààààññé
Ï ï èèññ òà, ï ï èññ è ààðàé
Àèùàññ èññ à ààññ ò ï ï ààðàèàññ...
...Ñò àðèé, çàèðàññ ààÿ òò èññ èññ
Çàòò àèèé ï ààññ àà ï èññ èññ...
«Ï à: àèññ ï ï ààññ è»*

Эта еврейская семья не похожа на шпионов, но она и не похожа вообще на современных Пушкину евреев. Это был сочиненный образ, и не потому ли, что он не был подсказан непосредственным чувством и воображением поэта, Пушкин бросил на обрывке начатую повесть. Она требовала теплоты к еврейству; ее не было. И так же брошенным оказалось другое начало стихотворения, где мелькнул пленивший Пушкина образ непокорного Израиля.

*Èññ àà ààààññèà àññèðèèññèé
Ï àðññ èàçñ èè èàçñ èé,
È ï èññ òàññ ààññ èðàé àçèèññèé
Àà ààññ èòà ï ï èññ èèé,
Àùññ è ò èðàññ ï àññ òàññ àèèàññ
È èðàññ è ààññ è à À-àà òèé,
Ï ààà òò òàññ ïñ àààèèèàññ
Èðàèèè àññ è ï à èèññ èèé.*

«Ð àèòù»

ростовщиками, торговцами живым товаром? Как будто ничего общего, как будто полный разрыв. Идеальный образ в прошлом, жалкое ничтожество в настоящем. У современного еврея нет истории и нет права на вход в историю и литературу. Невероятной, нелепой показалась бы современнику Пушкина и Лермонтова мысль, что евреи не только войдут в русскую историю, но и будут играть в ней значительную роль и что встанет перед русской литературой вопрос о связи между древней и новой историей евреев...

Для великорусской литературы первой половины XIX-го века еврей был чужеродным элементом; он стоял поэтому за пределами литературы. Но Гоголь принес в русскую литературу мотивы, быт, настроения Украины. С ним пришли казаки и казачки с хуторов близ Диканьки, мелкие помещики из Миргорода, буйные запорожцы из славной Сечи. И вместе со всем этим пестрым народом пришли в литературу евреи. Они мелькают то здесь, то там в рассказах, всюду на заднем плане, как необходимая деталь украинского жанра, как второстепенные персонажи без слов. Это живые невымышленные евреи, и отношения к ним нельзя свести к упрощенной формуле благородного русского дворянства: «я дал ему злата и проклял его». На сорочинской ярмарке «пьяный жид давал бабе киселя». Это характерная деталь, как не менее характерна и другая деталь. Если хотите видеть Степана Ивановича Курочку из Гадяча, то идите на базар: он «разговаривает с отцом Антипом или с жидом-откупщиком». Ивана Федоровича Шпонуку «от Могилева до Гадяча» везет жид за 40 рублей. Иван Иванович Перерепенко говорит: «Хороший табак жид делает в Сорочинцах. Я не знаю, что он кладет туда, а такое душистое». Иван Никифорович Довгочун «никак не пропустит жида с товарами, чтобы не купить у него элексира в разных баночках против насекомых, выбрав наперед его хорошенько за то, что он исповедует еврейскую веру». Евреи-извозчики, евреи-портные, евреи-торговцы попадают во всех рассказах Гоголя. Ни одного шпиона, ни одного торговца живым товаром, ни одной красавицы-еврейки, соблазняющей доверчивого христианина. Весь этот дешевый реквизит русской литературы отсутствует в украинских повестях Гоголя. Но есть зато «жид Янкель» исторического романа. К современным ему евреям, мелким ремесленникам и торгашам Гоголь мог относиться с ироническим безразличием или с добродушной насмешкой. Он и говорит о них так, как его старосветские помещики, без ненависти и злобы, с естественным пренебрежением пана к фактору – еврею. Другое дело – исторические евреи на Украине. Они играли слишком большую роль в судьбах казачества, чтобы можно было отнестись к ним с безразличием. «Тарас Бульба» – это героическая поэма Запорожья. Она воспевает украинское казачество в его борьбе с исконными врагами – поляками и жидами. И отношение к евреям может быть только такое, как к врагу.

*Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены, –
Сотни тысяч рублей, что ни грудь...
В этих ложах мужчины-евреи...*

Н. А. Некрасов.
«Балет»

Евреи «Тараса Бульбы» карикатурны. Но карикатура – это не ложь. В карикатуре, если она талантлива, есть непременно в основе истина. Меткая карикатура дает иногда больше сходства с действительностью, чем фотографический снимок. Роман Гоголя полон исторических искажений, смешных ошибок, грубых анахронизмов. Он написан на основании ходячих преданий, народных легенд, знаменитых казацких дум. Напрасно искать в нем исторической точности. И все же подлинный, живой дух исторической казацкой вольности веет в нем, и это дает ему неотразимую убедительность. Что нужды в том, что евреи никогда не брали в аренду православных церквей и не клали значков на куличах и пасках! Но в это твердо верил и до сих пор верит народ, и картина его гнева, обиды и мести жизненна и правдива. И вздор, конечно, это описание еврейских ростовщических подвигов: «на расстоянии трех миль во все стороны не оставалось ни одной избы в порядке: вое валялось и дряхлело... Как после пожара или чумы выветрился весь край». Не подымается над шаблоном мировой литературы описание еврейской алчности – «вечной мысли о золоте, которая, как червь, обвивает душу жида». Но как ни карикатурен жид Янкель, он не выдуман, не сочинен одной лишь фантазией Гоголя. Историческое еврейство на Украине отразилось в нем чертами, хотя и односторонними, но верными. Карикатурны, но не лживы эти запорожские евреи, уверяющие клятвенно, что ничего общего у них с украинскими евреями нет. «Ей-богу, не наши! То совсем не жида: то черт знает что; то такое, что только поплевать на него и бросить!» Карикатурен, но не лжив и сам Янкель, который на другой день после погрома разбил ятку с навесом и торговал. Не без основания «подивился Тарас Бульба бойкой жидовской натуре». Ярко и метко обрисован в поэме Гоголя талант еврейской приспособляемости. И не льстит это, конечно, самолюбию нашему, но надо признать, что зло и метко схвачены русским писателем некоторые исторические черты наши. И нет разве зерна исторической истины в этом памятном диалоге:

«Так это выходит, он (Андрей), по-моему, продал отчизну и веру?» – спрашивает Тарас.

«Я же не говорю этого, чтобы он продавал что: я сказал только, что он перешел к ним» – отвечает Янкель...

«И ты не убил тут же на месте его, чертова сына?» – вскрикнул Бульба.

«За что же убить? Он перешел по доброй воле. Чем человек виноват? Там ему лучше, туда и перешел».

Можно при желании разукрасить последние слова нарядной космополитической идеологией и даже в заслугу вменить жида Янкелю это превосходство над ограниченностью патриотической идеологии

Тараса Бульбы. Не подлежит, однако, сомнению, что в драматической борьбе украинского народа в XVII-м веке за свою отчизну евреи не обнаружили ни понимания этой борьбы, ни сочувствия ей. В этом не было их вины, в этом было их несчастье.

Гоголя, как и Пушкина, можно назвать антисемитами. Литература их времени не считала нужным скрывать или маскировать свои чувства к евреям. Она выражала их откровенно, просто и свободно, называла евреев жидами и не задавалась вопросом об оскорбительности такого отношения к народу. Обидеть еврея было еще труднее, чем обидеть крепостного, – слишком велико было расстояние между благородным дворянином и презренным евреем.

III

С течением времени это расстояние уменьшается. И оглянувшись неожиданно, благородный дворянин видит презренного еврея рядом с собою... в балете, в Мариинском театре, среди избранного петербургского общества!

*Νὸς τὸ οὐρανὸν ἰὰ εἶτα ἐ ἀπὸ τοῦ
Ἄα ὀφείλει αἰεὶ ἐδιδεῖ αἰεὶ ὦ,
Νὸς τὸ οὐρανὸν ὀφείλει, ὀφείλει ἰε ἀδελφί..
Ἄ γὰρ εἶτα ὁ ἰε εἶ ὦ ἀδελφί..*

Γ. Α. Γαδάνης «Ἀδελφί»

Для Пушкина, Лермонтова, Гоголя, даже для молодого Тургенева еврей – это в лучшем случае фактор, услужливый поставщик какого угодно товара, – вплоть до родной дочери, а еврейская девушка – жрица любви, наложница, проститутка. Но современник Некрасова декламирует с негодованием:

*...Ἀδελφί, ἰ ἰε ἀδελφί, ἰε ἀδελφί
Ναὶ αἰεὶ ἰε ἀδελφί εἰ ἰε.
Ἄ γὰρ ἀδελφί ὀφείλει ἰε, ὀφείλει ἰε;
Ἄ γὰρ εἶ ὦ - ὀφείλει ἰε ἀδελφί,
Ἀ ἰε ἀδελφί ἰε ἀδελφί εἰ ἰε.
Ἄ γὰρ ἀδελφί ἰε ἀδελφί εἰ ἰε.
Ἀδελφί ἰε ἀδελφί..*

«Ἀδελφί»

Первые евреи перешагнули роковую черту, отделявшую их от русского образованного общества, и вступили в это общество как равные. Золото открыло им путь. Они вошли не одни в недоступную еще вчера для них дворянскую среду, а вместе с русской молодой буржуазией, с русскими промышленными и финансовыми воротилами. Под ярким солнышком железнодорожных концессий, банковского грюндерства, биржевой спекуляции произошло уравнение сословий. Первые евреи удивительно быстро акклиматизировались в этой новой обстановке. Изменился внешний облик, изменились манеры. В залах фешенебельного ресторана, к величайшему негодованию поэта,

*Ἄ ἀδελφί ἰε ἀδελφί ἰε ἀδελφί
Ναὶ εἰε ἀδελφί εἰ ἰε ἀδελφί ὦ
Ἄ ἀδελφί, ἰε ἀδελφί ὀφείλει ἰε,
Ἄ ἀδελφί ἰε ὀφείλει ἰε ὀφείλει ὦ..*

«Νὸς τὸ οὐρανὸν αἰεὶ ἰε»

Этот «франт» позволяет себе не только развязный тон в разговоре с благородными дворянами, но подчас и пренебрежительный. Невольная горечь чувствуется в ироническом восклицании некрасовского князя Ивана:

*Ἄ! Ἀδελφί εἰε ἀδελφί
Ἄ εἰ ἰε ἀδελφί ἰε ἀδελφί..*

Русская литература с резкой враждой встретила этого нового еврея. Стихи Некрасова дышат желчью и злобой. Можно значительную часть этой вражды отнести на счет общей неприязни к «золотому тельцу», к новой аристократии капитала, залезавшей бесцеремонно и властно в дворянские покои. Если нестерпим был русский купчина, претендовавший на все исконные привилегии дворянства, – власть, чины, искусство, литературу, то вдвойне нестерпим был еврейский финансовый туз, который еще вчера обретался в совершенном ничтожестве, за человека не почитался и не смел проникнуть далее дворянской передней. Между тем именно в евреях особенно резко выступали черты «выскочки»; сквозь внешний лоск особенно явственно проглядывали черты вчерашнего убожества. Не повиновался язык, и смешно звучит для дворянского уха «царrrr» вместо «царь»; выдавали трусливые движения...

Любопытно, что Некрасов в низком происхождении и видит смешную сторону разбогатевшего еврея. Жалкий Берка начал с того, что купил семьдесят семь десятин болота.

*Í àò í è-áì í è-áá òí
éðí à ò òýí é í ú è í òí á!
Òí éú éí ñ è à ò è è ñ á í é í ò á
ñ àí ù á á ò ò ñ àí ù è è è è é í á*

Над Беркой издевались, а Берка обернулся и подсчитывал:

*× à ò á á ò ò ù ñ ò á é ý í á í è á á ò ò ý,
× à ò á á ò ò ù ñ ò á é ý... á á ò á á í è á..
Ñ àí ù á á ò ò ñ àí ù è ñ ò á á ò ò ý,
Ñ àí ù á á ò ò ñ àí ù è á á ò ò è á!*

И вот:

*Á á í á á ò Á á ò è è á á ò ñ-à ò á
Á á ò è á - á á á í á á ò ý í é í,
Á è á á ñ è í á é ý ý á í é í ò á
Ñ àí ù á á ò ò ñ àí ù è á á ò ò é í.*

Русской художественной литературе, воспитанной в дворянских традициях и сменившей эти традиции непосредственно на народнические, всегда противен был дух торговли, коммерциализма и промышленности. Благородный дворянин и благородный крестьянин были героями ее романов и поэм. В купце она видела, прежде всего, торгаша и только торгаша. Черты торгашества в людях она отмечала верно и метко. Нельзя отрицать и меткость в еврейских портретах Некрасова. Буржуазия еврейская избытком скромности не отличалась. Крикливой роскошью своей, бестактностью, стремлением пролезть во что бы то ни стало в светские салоны, занять первые и видные места она вызывала раздражение в тех именно кругах, признания которых настойчиво добивалась. Некрасов других евреев и не видел; по крайней мере, не замечал. Еврейские финансовые тузы заслоняли собой все еврейство. Некрасов и отождествляет их с еврейством.

В отдельном кабинете модного ресторана разыгрывается драматическая сцена. Банковский воротила Зацепин в пьяном виде публично кается в своих грехах:

*В - áí ò! В - ò ú ò á á ú è á è è è ò í é,
È ç á á ò ò í è á í á í, í á ò ò-è è, í á ò è è,
× ò í è ñ ñ í á á á á ò ò ò á ç á í é
í í á è è á í ò ò-á ñ ò í ú ò ñ ñ á è è ý ý è è!*

Зацепин рыдает. Он грабил людей, не щадил родных и близких, утверждал подчищенные книги. Грабители других наций – остзейские бароны, греки, – встревоженные скандалом, расходятся. Остаются из любопытства «банкиры – жида». И здесь, на их отношении к русскому хищнику, Некрасов показывает, в чем отличие еврея от русского. «Шайка», хотя и состоит из рыцарей всех племен и наций, однако неоднородна. Зацепин согрешил, но и покался. Он некогда «к религии наклонности питая, мечтал носить железные вериги», в нем есть живая совесть. «Бедный Зацепин – поэт; горе его – непрактичность». Он грабит – и плачет, плачет – и грабит. Евреям эти переходы от грабежа к покаянию непонятны. Они с удивлением смотрят на рыдающего Зацепу, и поют в наставление ему «еврейскую мелодию».

*Á á í á è è á á ò ù - í á ò á á á ú,
Á á í á è è á á ò ù - í á ò í í á á ñ ñ ò è
(Ò à è á á á ò è è è á è á ú, -
Ñ è í á ý è ñ ò á á è è á é ý ý ñ ñ ñ ò è.)
Á ú ò ò è ò á ñ è á ú ñ à í è,
Í ò á í á í è á è ò á è ñ ò á á è è á
Á ú í á í ò ñ á è ò á í á è,
Á á í á è è í í è è è ò á á Á í á è è á*

Из покаянного Зацепин переходит в бурное настроение. Некрасов подсказывает ему слова, которые идут значительно дальше обличения жидов-банкиров.

*Í ò í-ù! á ò è á ò ñ ñ ñ á á è è ò ó!..
Í ò í è è è í á ò í ò í ò á á ò á ò ù è è
Á ñ ñ á á ò ù è è, á ñ ñ á á ò á ò ù è è,*

Айя айдыр үеэ тӱрç!.

Проклятью этому никак нельзя отказать в силе, в чисто некрасовской силе. Это уже не озлобленная только насмешка над отдельным смешным Беркой, разбогатевшим от спекуляции болотом. Здесь гневный выпад против новой ненавистной силы, воплотившейся в еврейском капитале, претендующей на власть, положение в обществе и признание. За всеми этими Авраамами – изыскателями, франтами в драгоценных камнях, Берками и Лотами поэту чудится «всеобщий союз», крепкая спайка еврейского мира, проникшего в запретную для них страну, чуждого нравам, традициям и вкусам дворянской среды. Но рядом с ненавистью есть и страх. Князь Иван бессилён, он должен терпеть пришельца рядом с собой. Единственное, что остается ему, это отводить душу в злобной иронии и патетических проклятьях. Еврей пришел вместе с «чумазым» и утвердился.

Этот приход и процесс утверждения еврея на развалинах прежнего, цельного дворянского быта, ярко и талантливо обрисован Салтыковым. У него есть галерея бегло, но мастерски зачерченных еврейских портретов. Они карикатурны, но это художественная карикатура, меткая, злая и убедительная. Еще более злы характеристики юдофобства, которое выросло и появилось вместе с евреями. Салтыков хорошо знал еврейскую финансовую буржуазию, имена Полякова, Варшавского, Горвица, Малкиеля часто встречаются в его очерках. Он подмечал смешные стороны внешнего их облика и не видел ничего дурного, неприличного в высмеивании еврейского акцента. Слово «жиды» и ломаная русско-еврейская речь – самая обычная в его сочинениях вещь. Но это нигде и никогда – шутовство, балаганное кривлянье, простое издевательство, входившее уже тогда в моду. Смешные манеры и смешной язык у Салтыкова – необходимые черты в художественной характеристике. Вот, например, сатирическое описание «патриотических» чувств публики во время русско-турецкой войны. Купцы и подрядчики в азарте набрасываются на поставки, но деловые разговоры облекаются в форму торжественных молебнов и патриотических манифестаций. «... Из числа гостей выступает вперед откупщик, перекрест из жидов. Он приходит в такой энтузиазм от одного вида молодцов-ребят, что тут же возглашает:

– По царке! По две царки на каздаго ратника зертвую! За веру!» («Тяжелый год»).

Эта насмешка над акцентом была тем более законна и нужна, что новое еврейство, проникшее в русскую среду, с недостойной торопливостью старалось скрыть все следы еврейского своего происхождения, суетливо от еврейства отрекалось и старалось всеми силами показать, что с «жидами» они ничего общего не имеют. С тех пор пошло, в значительной мере по вине самих же евреев, унижительное деление на «жидов» и «евреев». Эта трусость богатых евреев вызывала естественную насмешку. Уже в «Губернских очерках» Салтыкова фигурирует Самуил Исаакович Шифель, влиятельный в городе медик, который «с трудом скрывает иудейское свое происхождение».

Евреи Салтыкова – это в подавляющем большинстве евреи финансисты, биржевики, спекулянты, ростовщики, откупщики. Их характерные черты – алчность, наглость, пронырливость, юркость, но все это вместе с трусостью, робостью, вечной неуверенностью в себе. Все они мелкие хищники, щуки финансового мира. Акула в виде «разжиревшего железнодорожника Вооза Давыдыча Ошманского» лишь маячит на горизонте. Для этих евреев Салтыков не жалеет сатирического яда. В «Дневнике провинциала в Петербурге» имеются сцены из жизни биржевых евреев, которые могли бы доставить истинное наслаждение всякому антисемиту. Эти Гершки, Иосели и Иерухимы бесконечно гадки, но русские кулаки не лучше. Салтыков не задавался целью обличить евреев; он обличал биржу, капитал, спекуляции, все, что претило народническому, демократическому духу русской литературы, сплошь враждебной буржуазному, торговому, промышленному началу. Но евреи были слишком живописной, характерной деталью в общей картине, чтобы можно было обойти их молчанием. Салтыков не молчал о евреях и не щадил их: чем крупнее хищник-еврей, тем злее и обиднее сатирический портрет Салтыкова. Но рядом с крупным и алчным хищником неевреем «жид» Салтыкова становился более жалким, беспомощным, в нем появлялись человеческие черты.

«Сколько раз Иерухим слезно молил Прокопа! Сколько раз валялся у него в ногах! – Васе высокородие, – вопиял он: конците! Вам зе ницего не стоит дать бедному, цестному еврею тысяцу рублей! Нехай его, собака, подавится! И вам хоросо, и мине... ай-ай-ай, как уфсем будет спокойно!

«Наружность Лазарь имел очень приличную. Это был еврей уже культивированный, понявший, что по нынешнему времени, прежде всего, необходимо освободиться от еврейского облика».

**М.Е. Салтыков.
«Современная идилия»**

Но Прокоп оставался непреклонен. – Нет, пархатый! – говорил он: – теперь я тебя не выпущу! Окрестись! обрежь свои кудри, оставь свою жидовскую веру – тогда кончу!..» («Дневник провинциала»).

Наиболее законченный портрет еврея-капиталиста дан Салтыковым в «Современной идиллии». Это Лазарь Ошмянский, брат известного железнодорожника. «Наружность Лазарь имел очень приличную. Это был еврей уже культивированный, понявший, что по нынешнему времени, прежде всего, необходимо освободиться от еврейского облика». О смешных чертах, выдававших его происхождение, мы упоминали уже. Была еще одна любопытная черта: «Когда он говорил о мужике, то в углах его рта набивалась слюна, которую он очень аппетитно присасывал». Жену свою Рахиль он называл «Рахэль», почему-то Францовна. Все мечты Лазаря поглощены были обогащением, и «заветнейшей его мечтой было заполучить железную дорожку... хоть узкоколейную». Он знал железнодорожное дело: в молодости был на побегушках на одной дороге, потом в писарях, потом десятником. Инженеры били его по голове, он терпел, молчал и присматривался. Капитал его покуда невелик, а семья растет, – он чадолобив. Целый день он суетится, хлопочет, разыскивает «дураков», дрожит над копейкой. В грезах он видит себя в Петербурге. «Купил в Большой Морской дом, прямо против дома Вооза; оба по две француженки содержат, оба на приюты жертвуют... Летом он посещает Эмс, в сентябре едет в Трувилль купаться... А инженер, между тем, ему дороги строит».

Это, пожалуй, обычные грезы всякого разбогатевшего буржуа. Тут нет ничего еврейского. Но Лазаря среди его грез смущают и тревожат странные призраки и мысли. У него нет «правожителства», и почва колеблется у него под ногами. Он бледнеет и пугается при мысли об исправнике. Затем он припоминает, как полководцы, приезжавшие к брату его, финансовому тузу, занимать деньги, уговаривали брата креститься: «А что бы вам, Вооз Давы-дич... право! махните-ка... а?», и Вооз, не смея их оборвать, отшучивался и возражал. Это отравляет покой и счастье Лазаря, но с тем большей жадностью он «набрасывается на гешефты – сосал, грыз, рвал...»

У этого нового еврея, как будто, нет связи с прежним, старым еврейством. Лазарь всячески старался скрыть следы своего происхождения, по внешнему виду он совершенный европеец. Еврейские идеалы ему чужды. «О восстановлении иудейского царства он не мечтал: слишком он был для этого реалист. Не мог даже вообразить себе, что он там будет делать...» В чисто публицистической своей статье о евреях Салтыков проводил мысль, что между евреем – капиталистом и не евреем нет существенной разницы. Один говорит «дурака сосу», а другой – «дурака шашу». Есть и некоторое различие в приемах сосания – это, однако, несущественно. Антисемитизм, таким образом, не имеет под собой почвы. Это, однако, не решает вопроса о еврействе. Типичен ли Лазарь Ошмянский для еврейства, и каковы взаимные отношения между Лазарем и еврейским народом? Этого вопроса не было раньше. Этот вопрос не смущал Некрасова, когда он проклинал «всехватающий союз». Но у Салтыкова есть ясное представление о том, что еврейство неоднородно, и где-то рядом с Лазарями и Воозами или, вернее, где-то позади их есть еврейская масса. «Имеем ли мы, – спрашивает он, – хотя бы приблизительное понятие о той бесчисленной массе евреев – мастеровых и евреев – мелких торговцев, которая кишит в грязи жидовских местечек и неистово плодится, несмотря на печать проклятия и на вечно присущую угрозу голодной смерти? Испуганные, доведшие свои потребности до минимума, эти злосчастные существа молят только забвения и безвестности – и получают в ответ поругание...» («Недоконченные беседы»).

Еврейство в представлении Салтыкова распадается на две неравные части. Подавляющее большинство – это сплошная масса полунищих тружеников и мелких торговцев, – они вызывают только снисходительную жалость или обидное презрение. Они недалеко ушли от того племени, к которому с презрительным равнодушием или жестокой насмешкой относилась русская художественная литература раннего периода. Из этой копошащейся в грязи массы выделяется активное еврейское меньшинство – хищники-торгаши, богатые подрядчики, откупщики, силой золота открывшие для себя вход в среду, где их встречают с явной и тайной злобой, ненавистью и насмешкой. Эти евреи несимпатичны, но только они и интересны, только на них и останавливается с любопытством взор писателя, и лишь мимоходом, случайно встречается образ еврея-труженика.

Отец Лазаря Ошмянского был честный старый еврей, ремеслом лудильщик... «Он не изменял завету предков, не снимал с головы ермолки, не обрезывал пейсов и по целым вечерам, обливаясь слезами, пел псалмы, возвещавшие и славу Иерусалима, и его падение. Он был один из тех бедных восторженных евреев, которые среди зловония и нечистот уездного городка умеют устроить для себя мучительно-возвышенный мираж, который в одно и то же время и изнуряет и дает силу жить».

Кроме этих бедных восторженных евреев была уже во времена Салтыкова довольно значительная восторженная еврейская интеллигенция, которая жила не гешефтами, а стремлением к просвещению, и устроила для себя возвышенный мираж братского слияния с русским обществом. Салтыков знал это. Он даже рекомендовал своим читателям знакомиться с еврейским миром тружеников и мечтателей, но отсылал их для этого к польской художественной литературе. И это странно: в русской литературе царят Тургенев, Толстой, Достоевский – величайшие художники-реалисты, а Салтыков может опереться только на свидетельство Элизы Ожешко.

IV

В романах и повестях Тургенева, Толстого и Достоевского действуют несколько сот главных и второстепенных героев, в сущности, вся Россия в лице типичных ее представителей. В большинстве это

дворяне и крестьяне, еще есть и купцы, и разночинцы, и мещане, люди чиновные и простые, богатые и бедные, из всех концов России, из городов и деревень. В этой яркой галерее живых образов евреи отсутствуют. Они не заполняют даже самой урезанной процентной нормы, которую все же считало необходимым допустить русское дореволюционное правительство в подлинной жизни. Великие русские писатели были людьми гуманными. Даже Достоевский в публицистической статье восставал против ходячего антисемитизма. У Тургенева в письмах его есть несколько либеральных фраз о евреях. Толстой написал несколько статей в защиту евреев. И все же великие писатели словно закрыли вход евреям в художественную свою лабораторию. Можно подумать, что они писали в стране, где евреев нет или же где они так незначительны, что могут и не попасться на глаза писателю.

Евреи – необходимая принадлежность социального пейзажа, и Толстой погрешил бы против правды, если бы опустил эту необходимую деталь. Однако взгляд его никогда на этой детали не задерживается.

Толстой словно умышленно отворачивается всякий раз, когда встречается с евреем.

А между тем и Толстой, и Тургенев, и Достоевский встречали и знали евреев. Евреи играли уже заметную роль не только в финансовом мире, а и в литературном, художественном, адвокатском, врачебном. Появились значительные кадры русско-еврейской интеллигенции, близкой образованному русскому обществу. Эта еврейская интеллигенция хорошо владела русским языком, внешних смешных черт у нее было меньше, чем у богатых банкиров и откупщиков, и держала она себя с достоинством. Не заметить ее никак нельзя было. Евреи появились в салонах, в литературных кружках и редакциях, в революционных организациях. Уже Бакунин писал о революционере Утине, сыне известного в свое время откупщика, в таком тоне, который изобличал в знаменитом анархисте русского дворянина-антисемита.

Правда, Тургенев, Толстой и Достоевский по своему рождению и воспитанию принадлежали к поколению сороковых годов. Евреи были для них новым элементом, чуждым прежнему помещичье-дворянскому аристократическому укладу. Они могли преодолеть предрассудки своей среды, подняться над ними, даже отречься от них. Все-таки новая буржуазная Россия была чужда им, и тем более чуждым было для них новое еврейство. Они не проклинали его, как Некрасов, не издевались над ним, как Салтыков. Если не считать тургеневского «Жида» и двух-трех желчных замечаний Достоевского, нельзя было бы найти неприязненных к еврейству нот. Но трудно вообще найти какие-либо определенные ноты. Великие русские писатели игнорируют евреев, не замечают их, не допускают их к себе близко. Их художественное восприятие не приемлет евреев, отталкивается от них.

Тургенев поддерживал дружескую переписку с бароном Г.О. Гинцбургом, был хорошо знаком с Антокольским. Живя за границей, он не только встречался с евреями, но знал и о существовании еврейского вопроса. В «Литературных воспоминаниях» человек «в серых очках» говорит о Рашель: «Да, это сила. Сила и цвет жидовства, которое теперь завладело всеми карманами целого мира и скоро завладеет всем остальным...» Тургенев не возражал своему собеседнику. Сочувствовал он ему? Возможно. Во всяком случае, среди дворян Тургенева нет места еврею. Как мог бы он попасть в «Дворянское гнездо», в общество Рудина или Кирсанова? Но его нет и среди народников «Нови», и среди эмигрантов «Дыма». Тургенев не замечал евреев, потому что не хотел их замечать.

Толстой часто встречал евреев. В рассказе «Набег» есть шкатулка, «которая была куплена у жида». В Севастополе на бастионе «около порога сидели два старых и один молодой курчавый солдат из жидов». В «Войне и мире» попадаются «австрийские жида», которые «предлагают всякого рода соблазны». В отрывке из времен польских восстаний старик Ячевский «принимал таинственных евреев-факторов, не по хозяйственным, а по революционным делам». В «Плодах Просвещения» двумя-тремя характерными штрихами зачерчен гипнотизер Гросман: «брюнет еврейского типа, очень подвижной, нервный, говорит очень громко». Среди присяжных, судящих Катюшу Маслову, есть «приказчик еврейского происхождения». В том же романе Нехлюдов сидит в вагоне среди «мастеровых, фабричных, мясников, евреев, приказчиков, женщин». Евреи – необходимая принадлежность социального пейзажа, и Толстой погрешил бы против правды, если бы опустил эту необходимую деталь. Однако взгляд его никогда на этой детали не задерживается. Толстой словно умышленно отворачивается всякий раз, когда встречается с евреем. Ни одного враждебного слова, ни одного ядовитого замечания, но и ни малейшего внимания к еврею. Художественная правда заставляет Толстого направить Стиву Облонского к еврею Болгарину, председателю железнодорожной компании, финансовому тузу и воротиле. Не трудно догадаться, кто послужил здесь моделью для Толстого: Болгарин – ов, Поляк – ов. Сцена разговора Облонского с евреем-финансистом представляла бы высокий художественный интерес. Несомненно, она должна была соблазнять и Толстого. Но с непонятной строгостью Толстой оставляет читателя у закрытой двери Болгарина. Еврей не показывается на сцене.

В этом нет случайности. Вряд ли можно сомневаться в том, что Толстой не любил евреев, питал к ним враждебное чувство и именно поэтому избегал говорить о них. Подвижной, торговый, городской еврейский народ был чужд и неприятен дворянско-крестьянскому аристократизму Толстого, его мужицкой религии, обожествившей натуральный уклад крестьянского хозяйства, покойную созерцательную жизнь, основанную не на социальном, а на личном совершенствовании. Толстой не любил евреев и не интересовался ими. Но писать о евреях неприязненно, называть их жидами и третировать их было уже неприлично в

прогрессивной литературе. Можно было молчать о них, не замечать их. Традиция такого молчания прочно укоренилась в русской художественной литературе.

Достоевский не скрывал нелюбви своей к евреям. В Исае Фомиче из «Мертвого дома» он охотнее всего подметил смешные карикатурные черты. «Жидочки» и «жидки» появляются иногда на заднем плане его произведений, но все это такое ничтожество, на котором и не стоит останавливаться. Достоевский, как и Толстой, как и Тургенев, не удостаивал евреев внимания; между тем наряду с презрением к «жидам» он испытывал смутный, полумистический страх пред еврейством. Он приписывал евреям огромную роковую роль в будущем. В его видениях евреи оказывались властителями мира, отрекшегося от христианства. Он говорил, что это тема огромная; он возвращался бегло к этой теме и в публицистических своих работах и в романе. Ему было ясно, что есть связь между нынешним жалким «жидком» и прошлой величавой историей еврейства; он даже преувеличивал эту связь и с негодованием относился к либеральным «образованным евреям», не видящим национальную связь. Однако его смутные видения и пророчества так и не отлились в форму законченных художественных образов. Он мог говорить о евреях и явно не хотел о них говорить. Художественное его восприятие отталкивалось от еврейских образов, органически их не воспринимало и не перерабатывало.

Русская художественная литература ярко отразила момент проникновения еврейской буржуазии в верхние круги русского общества. Нельзя сказать, чтобы это было объективное отражение. Русские писатели не могли скрыть и не скрывали своего раздражения по поводу вторжения еврейского пришельца. Несимпатичные, отталкивающие черты «нэпманов» XIX-го века были отмечены и переданы с художественно-портретной верностью. Но этот наглый пришелец своим приходом утверждал равноправие евреев в обществе. Некрасов проклинал его в стихах, но при встрече в клубах протягивал ему любезно руку. За Лазарями и Воозами Ошмянскими шли их сыновья и внуки – русифицированные интеллигенты-евреи, врачи, инженеры. Над ними нельзя было смеяться, их не за что было проклинать. Либеральный дух времени требовал признания за ними человеческих прав: гражданских, политических, культурных. Русская публицистика признавала эти права и выступала в защиту евреев. Но художественная литература только сторонилась молча. Она не отрицала и не утверждала; она замыкала невидимые какие-то внутренние двери и, не отказывая еврею в публичном, правовом, экономическом, политическом общении, отказывалась от интимного общения.

В русской литературе с момента появления еврейской интеллигенции исчезает свободное отношение к еврею – вот такое, какое было у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, молодого Тургенева. Так как говорить дурно о евреях нельзя – этого не позволяет хороший прогрессивный тон, – то литература предпочитает совсем не говорить о евреях. И совершенно понятно, что Салтыков должен был сослаться на польскую писательницу, чтобы показать в литературе подлинного еврея, не хищника, и не смешного, не карикатурного. У Глеба Успенского были попытки дать в рассказах облик честного труженика еврея, не зараженного страстью к наживе. В очерке «Жиденок» мальчик Юдка выбивается из сил в мучительной борьбе за кусок хлеба; его преследуют все, кому не лень, преследуют из тупой и животной ненависти. В ярмарочных сценах «В балагане» умирает нищий и несчастный еврей-шарманщик, одинокий, несчастный... Эти рассказы весьма гуманны по тенденции, проникнуты народническим духом; видно желание писателя противопоставить обычному представлению о евреях-ростовщике, коммерсанте образ еврея-труженика, бедняка. Но вместе с тем видно, что совсем чужие Успенскому и жиденок Юдка, и бедный шарманщик, и еврейский быт для него это нечто экзотическое, чего Успенский никогда по-настоящему и не видал и не наблюдал. Достаточно прочитать описание еврейской свадьбы в очерке «В балагане».

У Глеба Успенского было все же стремление поставить пред собой вопрос о евреях, уяснить себе внутреннее свое отношение к ним. Он видел, что евреи бывают разные, и рядом с типичными представителями ненавистного капиталистического мира есть еврейская беднота. Однако народ русский, мнение которого было для него – закон, не проводил никаких различий между одними евреями и другими. Антиеврейские погромы заставили Успенского напряженно искать выхода из противоречий. Во вражде русского простонародья к еврею ему чувствовалась какая-то народная правда. Он сочувственно цитировал пространную статью «крестьянина» о погромах; эта статья была одной из бесчисленных тогда вариаций на тему о еврейском экономическом засилье. Аргументация этого крестьянина казалась Глебу Успенскому убедительной, но сам он пытался найти объяснение более глубокое и высказывал такое, например, предположение: «Старческие черты много пережившего племени ненавистны нашей, если не молодости, то “вечной новизне” существования» («Побоище»).

Гл. Успенский не дал художественных образов современного еврейства, а публицистика его в еврейском вопросе не отличается глубиной и оригинальностью. Но он один из немногих русских писателей, который с искренней пылкостью старался свободно и открыто решить вопрос о евреях и русском народе.

За еврейской буржуазией и буржуазной интеллигенцией потянулись к русской культуре, к правам и общественному положению средние слои русского еврейства – мелкая буржуазия; молодежь этого социального слоя, обнаружившая исключительную страсть к образованию, получила характерное название «полуинтеллигенции». Евреи довольно глубоко проникли в русское общество, стали в нем яркой и влиятельной величиной. Обострился в связи с этим и еврейский вопрос. В некоторых отраслях свободных профессий – в периодической печати, среди врачей, в адвокатуре, евреи стали преобладать. Отношения к евреям усложнились. Увеличилось разнообразие еврейских типов. Хлынувшие массой еврейские экстерны оживили

смешной русско-еврейский акцент и жаргон; зато потомство еврейских миллионеров перестало отличаться по внешним признакам даже от родовитого русского дворянства.

Но соберите тысячную армию героев Горького – только один бедный, жалкий, трусливый Каин из раннего рассказа Горького бросится вам в глаза. Словно проговорился невзначай писатель этой карикатурной фигурой и затем замолчал, не желая подходить близко к неприятной и неудобной теме.

Евреи различных классов, групп и типов представили собой живую, интересную, богатую психологическим материалом картину. Но ни одной чертой, ни одним живым образом это новое еврейство не отразилось в современной русской литературе. Молчание ее стало абсолютным. Она стала, как будто, даже избегать слова «еврей». Чехов является единственным исключением среди выдающихся писателей новейшей литературы. О нем речь ниже. Но у других – у Короленко, у Горького – невидимая внутренняя цензура наложила строгий запрет на еврейские образы и еврейские темы.

Горького и Короленко нельзя обвинять в антисемитизме, во вражде к евреям, даже просто в антипатии к ним. Напротив, хорошо известно, что и Горький и Короленко неоднократно выступали в защиту евреев с хорошими статьями, письмами и манифестами. Их публицистика проникнута очень гуманными и либеральными чувствами к евреям, и нет никаких поводов сомневаться в искренности этих чувств. Но нас не публицистика интересует, а то интимное внутреннее чувство, которое находит выражение свое только в художественном творчестве.

Горький и Короленко хорошо знали евреев, и при том евреев различных общественных групп. Молодость Короленко прошла в уездном городе черты оседлости, в гуще еврейского населения. Среди его товарищей по гимназии, университету, по революционной деятельности и ссылке, впоследствии по литературной работе было много евреев. Они мелькают издали в очерках «Ночь», «В дурном обществе», они появляются в автобиографии, где без них нельзя обойтись, но их почти нет в галерее художественных образов. Знаменитый «Иом-Кипур» не идет в счет. Это не художественное произведение, а публицистика в якобы художественной форме, тенденциозно-сентиментальная статья на тему о «еврейской эксплуатации». По-настоящему о евреях Короленко избегал говорить. Художественная интуиция его от еврейских образов сознательно или инстинктивно уклонялась.

Максим Горький видел в своей жизни великое множество евреев, начиная от евреев-крючников и мелких торгашей в южных портах, до евреев-литераторов, евреев-банкиров и евреев-революционеров. Среди этих евреев были яркие и колоритные фигуры. Но соберите тысячную армию героев Горького – только один бедный, жалкий, трусливый Каин из раннего рассказа Горького бросится вам в глаза. Словно проговорился невзначай писатель этой карикатурной фигурой и затем замолчал, не желая подходить близко к неприятной и неудобной теме. Почему это так? «Душа не лежит», воображение не возбуждается еврейскими мотивами. Или же, как говорит смешному еврею Каину русский богатырь Артем: «Надо все делать по правде... по душе... Чего в ней нет – так уж нет... И мне, брат, прямо скажу, – противно, что ты такой... да!..» Артем не злобствует против еврея, он только не желает занимать им свою душу. То, что складывается в творческой фантазии, остается тайной художника. Было бы крайне интересно знать, какие еврейские фигуры в типичных их характерных чертах встают перед свободным воображением писателя, но нельзя это знать. Писатель не свободен. Он не может сказать то, что хотел бы сказать, и предпочитает молчать. И мы лишены возможности узнать, – как отразился современный многообразный еврей в русской художественной литературе.

Чехов не питал симпатии к евреям. Это известно, да он этого и не скрывал. Но он с недоверием относится и к тем евреям, которые легко отрешиваются от еврейства. Ему чудилась в еврействе большая органическая сила, от которой нельзя освободиться просто по желанию. Чехов присматривался внимательно к евреям и с тонкостью опытного наблюдателя открывал еврейские черты в людях, с первого взгляда ничем не выдающих своего происхождения.

Только Чехов сохранил свободу творчества и открыто рисовал евреев такими, каких видел. В ранних своих рассказах он подмечал преимущественно смешные черты. Выше мы говорили об этом. Впоследствии он с интересом присматривался к евреям. В очерках его нет ни предвзятой неприязни к евреям, ни сентиментальной или щепетильной предупредительности. Чехов в отношении своем к евреям прост и свободен. Картина жизни еврейской семьи на проезжей дороге в степи безыскусственна и правдива, зарисована с той же художественной объективностью и меткостью, как и степь, и обоз, и степные помещики. Моисей Моисеич в «Степи» есть подлинный еврей-торговец, комиссионер, каких много на юге России; его беседа с проезжающими, со священником художественно точна и убедительна. В рассказе есть знание еврейского быта, такого, каким он должен был представляться внимательному наблюдателю со стороны. Это не экзотический быт, а свой, еврейский быт, вошедший в русскую жизнь. Еврей Чехова это живой человек – не просто «шпион», «эксплуататор» и не образец добродетели по либеральным прописям.

Чехова в особенности интересовала та часть еврейской интеллигенции, которая пришла в самое близкое соприкосновение с русским обществом и с русской культурой, которая даже отреклась формально от еврейства и все же осталась еврейской.

Этот тип русифицированного еврея очень часто встречается у Чехова. Еврейская критика резко отзывалась о рассказе «Тина». Критиков шокировала анекдотическая фабула рассказа. Но Сусанна Моисеевна, представительница фирмы «наследников Ротштейн», одевающаяся по последней парижской моде и все же вульгарная, кокетничающая своим антисемитизмом, развязная до цинизма и жадная к деньгам, – она так же художественно верна, как любой из чеховских героев. Характерные черты еврейской интеллигенции определенного пошиба схвачены и переданы с удивительной проницательностью. «Кажется, я мало похожа на еврейку», – говорит о себе Сусанна Моисеевна, и в ней действительно мало внешних еврейских черт. «Я очень часто бываю в церкви! У всех один Б-г...» И все же она еврейка, подлинная еврейка из современной разбогатевшей еврейской семьи. Нелепо ставить в вину Чехову неприятное впечатление, какое производит эта типичная для своей среды еврейка.

Но вот другая еврейка – тоже из богатой еврейской семьи. Она отказалась от семьи, от веры, от богатства. Ее звали Сарра Абрамсон, теперь она Анна Петровна, жена русского помещика Иванова. Муж говорит о ней: «Анюта замечательная, необыкновенная женщина... Ради меня она переменяла веру, бросила отца и мать, ушла от богатства и, если бы я потребовал еще сотню жертв, она принесла бы их, не моргнув глазом». Казалось бы, ничего еврейского не осталось в этой еврейке, – и все же она еврейка, и это чувствует Иванов, чувствует сама Сарра, и это знает, в этом убежден Чехов. Есть нечто, что отделяет еврея от нееврея, хотя и нельзя точно определить, что это такое.

В «Степи» Моисей Моисеевич – еврей цельный, только внешне тронутый русской культурой. Рядом с ним младший его брат Соломон, молодой еврей, у которого и манеры и акцент еврейские, но у которого под влиянием русской культуры произошел глубокий душевный переворот. Это еврей, которому противно и невыносимо стало унижение еврея перед паном, и он готов ненавидеть самого себя за свое еврейство. Моисей Моисеевич угодлив и почтителен перед проезжающими панами. Соломон – вызывающе дерзок и груб. «Нет такого барина или миллионера, который из-за лишней копейки не стал бы лизать рук у жида пархатого. Я теперь жид пархатый и нищий, все смотрят на меня, как на собаку, а если бы у меня были деньги, то Варламов передо мной ломал бы такого дурака, как Моисей перед вами». Соломон – полусумасшедший, таким считают его окружающие, брат его побаивается. Но в душе этого еврейского полуинтеллигента есть горячая жажда социального протеста. «Варламов, хоть и русский, – говорит он, – но в душе жид пархатый; вся жизнь у него в деньгах и в наживе, а я свои деньги спалил в печке. Мне не нужны ни деньги, ни земля, ни овцы, и не нужно, чтоб меня боялись и снимали шапки, когда я еду».

Этот Соломон презрительно смотрел даже на всеильную графиню Драпицкую, пред которой склонялись все. Среди евреев он чувствовал себя чужим и охотно ушел бы от них, но не мог же он уйти от своей карикатурно-еврейской фигуры, большого птичьего носа и смешного акцента. Чехов увидел в нем и с поразительной чуткостью угадал одного из пионеров многочисленной еврейской «полуинтеллигенции», которой суждено было впоследствии сыграть такую выдающуюся роль в истории своего народа и в судьбах русской революции.

Соломону казалось, что он ничего общего не имеет по духу с еврейством. Он отрекся от старого еврейства во имя неопределенного социального и личного протеста. Но и русское общество – это тоже «жиды пархатые», преклоняющиеся пред сильными и богатыми. Выхода нет, и Соломон остался бессильный, жалкий и смешной в услужении у своего брата. «Пропавший человек», – говорит о нем снисходительно Моисей Моисеич.

Чехов не питал симпатии к евреям. Это известно, да он этого и не скрывал. Но он с недоверием относится и к тем евреям, которые легко отрещиваются от еврейства. Ему чудилась в еврействе большая органическая сила, от которой нельзя освободиться просто по желанию. Чехов присматривался внимательно к евреям и с тонкостью опытного наблюдателя открывал еврейские черты в людях, с первого взгляда ничем не выдающих своего происхождения.

В рассказе «Перекасти-поле» еврейский юноша рассказывает в монастыре историю своей жизни, обычную историю еврейского экстерна, сбившегося в конце на необычный путь. Русская культура захватила его. Старое еврейство – религиозное, традиционное, торгашеское, стало казаться тюрьмой. Типичны его рассуждения: «Иудаизм отжил свой век и держится еще только благодаря особенностям еврейского племени. Когда цивилизация коснется евреев, то от иудаизма не останется и следа. Вы заметьте, все молодые евреи уже атеисты...» Этот отбившийся от еврейства молодой человек ищет выхода в христианстве, в православии. Ему кажется, что есть этот выход, и днем он с увлечением участвует в крестном ходе и отбывает монастырские службы. Но ночью Чехов заставляет его испытать глубокую тоску – такую же тоску, какая охватила Сарру Абрамсон, когда покинул ее Иванов и она увидела себя несчастной и жалкой «жидовкой».

Этот прекрасный рассказ написан с теплотой, с искренним сочувствием к беспокойному и мятущемуся еврею, которого русская культура оторвала от еврейства и не дала успокоения. Еврей остается чужим в русском обществе, чужим даже в том случае, если он отрекся от еврейства. Русифицированный еврей ненатурален, в нем нет простоты. Для Чехова есть в нем нечто лишнее и тяжелое, напускное, искусственное, чего Чехов так не любил.

Огромный и сложный исторический процесс приобщения толщи русского еврейства к русской культуре только одной стороной своей отразился в произведениях Чехова. Он видел и наблюдал лишь тот угол

еврейской жизни, где сильнее всего происходило разложение старых традиционных начал, но на смену им ничего не возникало. Еврейская молодежь, прикоснувшись к русской культуре, словно отравлялась ею. У одних, как у Сусанны Моисеевны, цинизм, полная беспринципность, разрыв со всякими моральными и национальными устоями; у других – мучительный надрыв, не столько революционное, сколько анархическое отношение ко всему окружающему миру, или же бегство от жизни в монастырь. Чехов не видел ничего привлекательного в старом еврействе; он подмечал в нем охотнее всего черты торгашества, мелочности, унижения. В новом еврействе он видел беспокойный дух, поиски чего-то нового. Он относился к этому с осторожным скептицизмом, с любопытством и с осязательным холодком. Он не любил этого еврейства, хотя относился к евреям и к еврейскому вопросу с гуманной щепетильностью подлинно культурного человека. Его отношение к еврейству вполне свободно и потому вполне достойно. Он не боялся писать о евреях и писал так, как думал.

Но Чехов является почти единственным исключением в новой русской художественной литературе, если говорить о выдающихся представителях ее. Эта литература не жалеет общих прогрессивных фраз, ее нельзя упрекнуть в антисемитизме. Современный литератор не позволит себе употребить в печати слово «жид» или обрисовать еврея карикатурными чертами. Но он и не решается открыто сказать свою внутреннюю интимную правду об евреях, как подсказывается эта правда художественным восприятием, более убедительным, чем либеральная публицистика. Красноречиво, конечно, и это молчание – словно по общему уговору. Менее всего его можно принять за равнодушие или доброжелательное безразличие. Однако, благодаря этому молчанию, огромная и важная полоса жизни, не только еврейской, но и русской, остается неотраженной в художественной литературе.

«Академія єврейська», 1923

Военное лето

Ерзяей Ичә

В 1942 году, зимой, Иче попал в Ашхабад – город горячий и глиняный. Когда в поезде у бабушки спрашивали, куда они едут, и бабушка отвечала – в Ашхабад, собеседники одобрительно кивали: хорошее дело. И только проводник разводил руками, удивляясь. Проводник говорил:

– И чего всех туда тянет? Что там, булки на елках растут?

В Ашхабаде булок не было. В Ашхабаде был дождь. Лил день за днем, ночь за ночью, размывал глиняные домишки, и людям негде было укрыться от воды. А народ все прибывал... И уже сам Иче серьезным голосом говорил:

– И чего едут? Здесь булки с тутовника не падают!

Иче жил при госпитале, где бабушка работала санитаркой, и по утрам ходил в детский сад.

Ему было уже семь лет – школьный возраст, но бабушка не пустила его в школу: там не кормили.

А в детском саду кормили. И по субботам давали сладкую сахарную свеклу.

Чтобы добраться до детского сада, нужно пройти три километра по шоссе и – за горой прессованного жмыха – свернуть на окраинную улицу. Оттуда недалеко.

Ходить по шоссе пешком считал Иче ниже своего семилетнего достоинства, – подстерегал телегу и устраивался на жерди, которую по-трамвайному называл «колбасой». Ерзя на жесткой деревяшке, он мечтал о добром кучере, который посадит на козлы и даст в руки кнут, и он, Иче, дернет за вожжи... На козлы попадал нечасто. Разве что встретится госпитальный кучер Варзарь, про которого говорят, что он сумасшедший.

Проезжая мимо жмыхов, Иче соскакивал, чтобы незаметно для сторожа сунуть за пазуху зеленую твердую плитку. Порой удавалось... Жмых был американский. Иче ел и угощал Таню. Ее вывезли недавно из блокадного Ленинграда, а Иче забрала бабушка из уфимского детдома, – жмых казался им очень вкусным.

В детский сад ходил мальчик по имени Рома. Он не ел жмых (зачем?), пил молоко и жевал пирожки с рисом, которыми его мать торговала на базаре. Однажды Рома подошел к Тане (уж больно была она беленькая среди коричнево-глиняных домов и лиц) и потянул к себе:

– Стой возле меня!

Тане было все равно, где и с кем стоять, а Иче нет – и он задирает Рому.

Первая драка произошла летом, в день появления тапочек. К тому времени дожди прекратились. Иче дотронулся до ашхабадской жары пятками. Местные мальчишки свободно бегали босиком по песку и асфальту, но у Иче, нездешнего, кожа на пятках надувалась и лопалась.

Конечно, хотелось новые тапочки – кожаные, как у Ромы... Да где ж их достать? И бабушка сделала тапочки сама. В госпитальной кухне выпросила у повара стертый клеенчатый передник. Из него-то и были изготовлены тапочки. Бабушка шила по ночам, на дежурстве, большой толстой иглой, одолженной у раненого матроса. Самое трудное, думала бабушка, уговорить Иче, что тапки настоящие, из кожи, как у Ромы.

Но Иче не спорил. Надел тапочки, сказал «спасибо» и побежал на улицу оседлать «колбасу» поудобней.

День начинался великолепно! На зависть всей улице Иче промчался в интендантской двуколке, жара не слишком донимала, а сторож жмыхов кричал: «Разбирай, ребята! Все одно американский!» Два милиционера – худенькие девушки – растерянно держали его. Не то вести в отделение (кому ж тогда охранять жмых?), не то ждать подмоги...

В этот суматошный час к складу подкатил Иче. Разом сообразил, что к чему, и в детский сад явился со жмыхом за пазухой. Как обычно, отломил Тане, но она отвернулась: Рома обещал пирожок с рисом.

Рома не нарушал своего слова: сказал – сделал. Принес горячий, жаренный в масле пирожок. И Таня запихивала его в рот кусками и была счастлива.

А Иче вынул жмых. И впервые за жизнь в Ашхабаде вдруг понял, что жмых – это не для людей. И посмотрел на самодельные тапочки, которые бабушка создавала по ночам тяжелой матросской иглой (какой бы Иче был мальчишка, если бы не знал этого!), и, посмотрев на свои тапочки, невольно сравнил их с Ромиными.

В тех все было правильно: шнурочки, подметочки... То были чистые тапочки мальчика, который обедает каждый день, а после читает смешные книжки. Если же хулиганит (Рому зачислили в хулиганы) или вместе со всеми ворует жмых, то просто так, за компанию...

Сегодня Рома притащил из дому скалку, короткую толстую дубинку, которой раскатывают тесто, и размахивал ею, как палицей. Иче не испугался кухонной палицы, – подошел к Роме и толкнул его. Балованный мальчик Рома не любил долго разговаривать, особенно при Тане, и ударил Иче скалкой по голове.

Мир раскололся. Желтое двухэтажное здание детсада приподнялось левым боком и, подпрыгнув, упало на прежнее место. Тут же смеялся Рома – загонял ногой камешки в лужу.

Иче кинулся на Рому, выбил скалку и, обхватив, свалил. Они пыхтя катались по песку, малопомалу приближаясь к большой придорожной луже. В сущности, лужа была не придорожная – занимала всю проезжую часть... В этой-то луже Рома и одолел Иче, – рванул за ворот и окунул в грязную воду.

– Попей глинки, – приговаривал Рома, – поглотай!

Когда Иче совсем изнемог, Рома отпустил его. Стоял рядом с Таней и ждал, вылезет Иче или нет... Иче не вылез – он потерял тапку.
 Ползал на четвереньках по дну – тапки не было.
 – Ну ты, чушка, вылезай! – кричал Рома. – Или тебя глиной накормить?
 Иче молчал. Он искал тапку. Рома постоял еще малость.
 – Эй, будет хрюкать, вылезай!
 Потом Рома ушел, и Таня семенила за ним, тряся косичками.
 Иче хотелось плакать. Он не мог – искал тапку. Ползал по дну до самого вечера, пока за ним не пришла бабушка.
 Иче шагал с бабушкой остывшими улицами, грязный, в одной тапке, и не плакал. За пазухой болтался жмых. Иче достал, взвесил на ладони, понюхал и надкусил.
 – Г-споди, – сказала бабушка, еще сильнее сжимая его руку, – ведь кончится она когда-нибудь... Только бы дожить... ведь кончится!
 Но война продолжалась еще целых три года.

1956

ÑÌ ÈÑÈÈ

*Àdàí èé è wàdèèè tǎǎ nò dǎí ù,
 Ááá íí è wèèè èç-çà àíéí ù.
 À í dǎkèáá çí àèè í íáí òí,
 xòí òí áyò çááíí áíááá ááç í áéúòí.
 Çèí íp - éàòí. È éàòí - éàòí.
 Áááéá nǎáçáé: «Èdàé nǎàòá!»*

Однажды бабушка Лея пришла с ночного дежурства раньше обычного, растолкала невестку и заговорила, приглушая от волнения голос.
 Из слов свекрови сонная Фира Наумовна поняла лишь то, что нужны какие-то списки. Какие именно, было не очень ясно, хотя бабушка в который раз повторила, что сейчас только ее вызвала предместкома и велела составить подробную опись имущества, сгоревшего при бомбежке или оставшегося там. (На это там бабушка Лея особенно напирала.)
 – Кончится война – все вернут! С немца взыщут!.. А как же!.. Всякую, говорят, вещь впишите с указанием цены.
 – Мама, тут письмо от Яши... – сказала Фира Наумовна. – Я к вам на полочку положила.
 Иче – шестилетний сын – заворочался на шатком дощатом топчанчике, потому что солнце добралось и до него. Разлепил веки, но глаза, не выдержав яркого света, зажмурились, и он увидел продолговатые, разных цветов круги, от которых ему стало больно.
 – Мама... – он уткнулся в подушку, выставив острый стриженный затылок, – мама, а как ты думаешь, кого на свете больше – людей или кошек? – И удивился чужому, шедшему из подушки голосу: – Людей или ко-о-ошек?
 – Вставай и не бубни, – сказала Фира Наумовна. – Папа письмо прислал.
 – Письмо от папы! – завопил Иче. – Ура!
 Он соскочил с топчанчика и, танцуя, закружился по земляному, чуть влажному полу.
 – Ну, слава Тебе! – Бабушка спрятала письмо на груди и прикрикнула: – Ты что, с ума сошел – босиком!.. Одевайся!
 Но Иче подпрыгивал, сильно сгибая ноги в коленях, хлопал в ладоши и пел:
 – Письмо от папы! Письмо от папы!
 Вечером того же дня обе женщины занялись списками. Бабушка Лея была твердо уверена, что теперь уж, конечно, все убытки будут возмещены. И предложила разделить: ей – столовую и общее пользование, а Фире Наумовне – спальню.
 Иче шумно носился, рубил воздух желтой, в чернилах линейкой, которую Фира Наумовна взяла на работе. Вдруг ему захотелось, чтобы его убили, – с разгона бросился на топчанчик и, умирая, долго катался по нему. Скрипели доски, и Фира Наумовна вписала первую вещь:
 «Кровать детская, 1 (прописью – одна) штука. – Подумала. – Никелированная, с сеткой».
 – Что ж ты столовую описываешь? – обиделась бабушка Лея. – Уговорились ведь...
 – Хорошо мы жили... – сказала Фира Наумовна. – Верно, мама?.. Яша две комнаты получил...
 – А-а! – отмахнулась бабушка. – Ваш «дом специалистов» – как раз против кладбища. Я сразу подумала – не к добру это...
 Война, которая свалилась на них так неожиданно и нелепо, казалась теперь настолько закономерной, настолько обусловленной всем ходом событий, что они терзали себя, как не додумались, не догадались, не учуяли в воздухе, – ведь была она вот, рядом! И любое слово, оброненное ненароком, любая случайность вырастала в грозное многозначительное предзнаменование.

Он плюхнулся на живот и стал думать, кого же все-таки в мире больше – людей или кошек? Одна девчонка, – Иче завидует ей, потому что летала на самолете, – одна девчонка из Ленинграда рассказывала по секрету, будто бы там едят кошек...

Вдруг услышал шаги. Человек волочил ноги, и песок шипел под ботинками. Подошвы шаркнули о каменное крыльцо. Человек тихонечко постучал. Ждет... И опять постучал. Сильнее. «Ох!» – закричал. Совсем как бабушка, когда нагибается.

– Вы кто? – спросил Иче.

Дверь не ответила.

– Жулик? – спросил Иче.

– Как фамилия? – спросила дверь

Иче назвал.

– Письмо там нашел... на пороге?

– Ага! – сказал Иче. – Нам и вчера письмо было.

Почтальон топтался на крыльце, словно вытирал ноги.

– Я нашел письмо, – сказал Иче, – только помятое.

– Руставели улица знаешь где? – спросил почтальон.

– Чего? – сказал Иче.

– А-а, тоже эвакуированный! – И под ботинками зашуршал песок. – Ноги потеряешь в этом городе... у нас в Днепропетровском...

Письмо было странное: не солдатский фронтовой треугольник, а фабричной работы конверт. Иче поставил его поперек солнца и увидел насквозь. Тоненькая бумажка, а больше ничего... Разорвал конверт и вынул бумажку.

Серая, шершавая. Буквы печатные, как на кубиках в детском саду. А между ними, красивыми, кто-то вставил свои, некрасивые. И звездочка. На самом верху. Маленькая и черная.

Иче обрадовался: «Значит, от папы, раз звездочка! Значит, от папы!» И поволок табурет к полке с хлебом. Письмо, конечно, не выпускал, и если бы вдруг окликнули – стал бы размахивать и кричать: «А у меня что есть! А у меня что есть!»

Но бабушка спала, а мать улыбалась во сне. С высокой табуретки Иче хорошо видно, какая молодая у него мать и какая старая бабушка.

Он доел горбушку и подумал о том, что сколько бы ни было на свете кошек – лучше хлеба ничего нет. И благодарно смотрел на письмо, которое поспело так вовремя. Вспомнил про бумаги, что писали вчера мать и бабушка, и положил письмо рядышком...

Скоро вернется папа, и пойдет снег, и папа будет катать его на санках... И очень было обидно, что не умеет читать даже по-печатному. То подносил письмо к самым глазам, то любовался издали и все горевал, что не умеет читать.

*В аїдаїо́, є̇ ҃҃҃҃҃҃
І̇ дї̇ ҃҃҃҃҃҃ а̇а̇ і̇ ҃҃҃҃҃҃ а̇а̇
В о́о а̇а̇ а̇а̇ і̇ дї̇: є̇ о̇ а̇р
Њо̇ і̇ о̇у̇҃҃҃҃҃҃҃҃҃҃
Є̇ м̇ а̇о̇у̇ і̇ дї̇ о̇ а̇о̇ а̇҃҃ і̇ а̇ м̇ а̇а̇
І̇ і̇ а̇ і̇҃҃҃҃ і̇ а̇а̇ є̇ а̇а̇а̇ і̇ а̇о̇у̇
Є̇ є̇р̇ а̇ а̇а̇ і̇, çà «м̇ а̇і̇ а̇і̇»
А̇а̇а̇о̇у̇ і̇ і̇ а̇ а̇а̇о̇ і̇ є̇ о̇у̇ є̇ а̇о̇у̇
В аїдаїо́ а̇і̇ є̇ і̇ о̇ і̇, і̇ а̇ і̇ і̇ у̇ є̇
Є̇ і̇ а̇
І̇ а̇ а̇ а̇ і̇ і̇ у̇ є̇ м̇ а̇ а̇ і̇ є̇
І̇ і̇ а̇ о̇ і̇ є̇ м̇ о̇ і̇ о̇ і̇ є̇, о̇ і̇р̇ а̇ а̇ і̇ і̇ є̇,
І̇ і̇ а̇ о̇ і̇р̇ є̇ да̇ м̇ і̇р̇ çàç̇ а̇ і̇ є̇.*

1957

І̇ Н̇ Е̇ І̇ Е̇ І̇ А̇ Н̇ А̇ Д̇ А̇ О̇ А̇

Когда я придумал этот рассказ, мне было семнадцать лет. Это рассказ о моей матери. О том, как она работала в госпитале и вела «Книгу смерти», которую начальник выдал ей под расписку. Мать заперла «Книгу» в дальний ящик стола, надеясь, что она нескоро понадобится.

На следующий день умер первый раненый. Его звали Иван Королев.

Мать отперла свой ящик маленьким ключиком, который хотела бы потерять, достала «Книгу смерти» и вписала фамилию, имя, отчество, откуда родом, воинское звание. Она должна была получить в МЭПе (местном эвакуационном пункте) пачку похоронных и заполнить одну из них. И отправить в такую-то область, в такой-то район, в деревню такую-то.

Мать рассказывала мне, что похоронная была маленькая бумажка, отпечатанная в типографии. Текст ее, единый для всех, требовал от заполняющего очень мелких, конкретных уточнений: ваш сын, отец, муж (ненужное зачеркнуть)...

Потом оказалось, что отвозить умерших в морг, сопровождать их, предъявляя соответствующий документ, – тоже обязанность моей матери. И всю войну ездила она на жестких, грубо сколоченных солдатских гробах.

* * *

Госпиталь находился на окраине города, в здании бывшего сельскохозяйственного техникума, в наследство от которого досталось ему множество ржавого железа. Оно валялось по всей территории, но начальник госпиталя подполковник Сутырин не хотел сдавать его во «вторчермет».

Стоя у окна кабинета, он нередко наблюдал, как по двору, группами и в одиночку, гуляют выздоравливающие, подходят к кучам ржавчины, что были прежде плугом, сеялкой или бороной, глядят рыжее ноздреватое железо, а другой раз присаживаются на жесткое вогнутое сиденье, словно ощущая себя прежними – трактористами, прицепщиками... И подполковник Сутырин отходил от окна.

В отличие от начальника главный госпитальный хирург майор Браславский полагал, что, напротив, сельхозинвентарь (так выражался ученый доктор) лучше всего пустить в переплавку. Но подполковник Сутырин не торопился, и время от времени раненые продолжали сходить к ржавому железу.

Порой к ним присоединялись какие-то гражданские лица, в большинстве – женщины, которые расспрашивали раненых, не встречался ли им на фронте тот или этот: сын, отец, муж... Раненые успокаивали женщин: мол, не тревожьтесь, мамаша, жив-здоров, в отпуск едет, из одного котелка щи хлебали... Серьезные же беседы (о войне, о фронтовой жизни) вели между собой, допуская гражданских только в виде исключения.

Впервые они сделали такое исключение седой неприбранной женщине, которая ходила в госпиталь неустанно, изо дня в день, ибо у нее, как видно, был простой план – поговорить с каждым раненым в отдельности. Наверное, она думала, что ведь не может того быть, чтобы среди стольких раненых не нашелся один, который все знает. Надо лишь поговорить со всеми, никого не пропустить. Кто-нибудь да знает, обязательно!

Женщина была упорная, а вернее сказать – одержимая. Она искала сына. Единственного... И сотрудники госпиталя, все эти многочисленные сестры и санитарки, жалели ее. Им казалось: она никого не найдет.

Но она нашла. Того человека, который знал что-то о ее сыне, звали Айтмагомбетов. Омар Раззакович Айтмагомбетов, лейтенант, 23 года и, кажется, ровно столько же (или немножечко меньше) осколков.

У него было такое тяжелое и редкое ранение, что оно поставило в тупик даже главного хирурга Браславского. Самое удивительное то, что лейтенант жил. Вообще создалось странное положение: осколки застряли в столь важных органах, что извлекать было невыносимо, однако и не извлечь тоже нельзя... И врачи прописали ему покой.

И он лежал терпеливо и неподвижно, весь связанный и перебинтованный. Чтобы не разговаривал, стянули рот марлей, а чтобы не шевелился, прикрутили ремнями к кровати. Врачи знали: все это бесполезно. Тем не менее они сделали это, потому что это был их долг. Так по крайней мере они думали.

Кормили Айтмагомбетова из поильника. Он был как чайничек для заварки, но с длинным носиком. Изредка – искусственное вливание. А из солдатской палаты вызывали другого, выздоравливающего казаха, который читал Айтмагомбетову письма, – они приходили со станции Кандагач. Этот же солдат сочинял ответы: писал, а затем прочитывал написанное. И если Айтмагомбетов был удовлетворен, – легонько кивал.

Все это могло длиться часами. И седая неприбранная женщина покорно ждала своей очереди, чтобы поговорить с Айтмагомбетовым (если только та форма общения, какую они практиковали, называлась «поговорить»).

Женщина садилась и, стараясь оставаться спокойной, спрашивала:

– Товарищ Айтмагомбетов, вы точно знаете Фридкина? (Он мигал.) Фридкина Григория Натановича... Гришу... (Он мигал.) Айтмагомбетов, голубчик, вы хорошенько припомните... вы уж, пожалуйста, миленький, а?... Фридкин Гриша – молоденький такой, книжки читает в очках... училище кончил в Саратове...

Женщина вспоминала все новые и новые приметы своего Гриши. Они были несомненные и ясные. Айтмагомбетов мигал. Он мигал, когда говорила, что Гриша – танкист... и что краснеет, как девушка...

– Только, пожалуйста, Айтмагомбетов, не проболтайся, что я сказала...

И Айтмагомбетов согласно мигал, и женщине чудилось, что в глазах его бродит улыбка, даже чуть-чуть похожая на Гришину. Конечно, он знает!.. И женщине виделось: вот с Айтмагомбетова снимают повязку, и он говорит, говорит...

И как умела, приближала желанное время. Приносила Айтмагомбетову передачи. Скромные и скудные (особенно по сравнению с тем, что присылали из Кандагача), но женщина не смущалась. Шла к дежурной сестре и объясняла, как пользоваться лекарством, какое она добыла сегодня.

Снабжать Айтмагомбетова лекарствами начала с того дня, как узнала, что лечат его только покоем. Пообтrepалась (продала с себя кой-какую одежонку), зато всякий раз доставала что-нибудь свежее: то

новейшие таблетки, то дефицитные порошки, а то вдруг местный знахарский отвар – зеленая жижа и красные корешки. Чтобы не обидеть ее, сестры брали лекарства, и они копились, нетронутые, у них в тумбочках.

Главный хирург госпиталя майор Браславский видел эту женщину. Не мог не столкнуться с ней, навещая к Айтмагомбетову почти ежедневно. Всякий раз, подходя к раненому, бубнил: «Жив, жив, жив! – А после осмотра: – Ну хорошо, жив. Но почему? Ведь это так же нелепо, как если бы...»

Сравнение не подбиралось. Майор Браславский не был поэтом. Он был медик. Родился медиком и был им всю жизнь. Он потому, допуская, и не женился, что смотрел на женщину как врач, как хирург, как специалист по женским болезням, если угодно...

Айтмагомбетов жил. Лежал на койке, не шевелясь и не разговаривая: он был дисциплинированный. За все время никто не слышал от него даже стоны.

Майор Браславский рисовал ужасные картины тех страданий, которые, должно быть, навалились на раненого. Правда, представлял боль теоретически, так сказать, со стороны, потому что был очень здоровый человек и никогда ничем не болел, – вот и преувеличивал боль до кошмара.

Ведь не железный же он!.. Такой же человек, как другие! Я режу их по пять в день... режу до того, что руки дрожат, а глаза чешутся... А тут еще эта Фридкина! И чего лезет?

Майор Браславский завидовал женщине. Она неученая. Не знает (да и не хочет знать) тех сокровенных внутренних процессов, какие видит он и какие сковывают его, майора Браславского, волю. Вот приносит лекарства, советует сестрам, как ухаживать за Айтмагомбетовым, предлагает режим питания... Пусть это бесполезно и наивно, но она что-то делает!

«Нет, надо решиться! – бубнил майор. – А то я рассуждаю и рассуждаю, как терапевт... – И через минуту: – Решиться – это понятно. А на что?» Медицина не предусматривала подобных случаев, а сам он ничего придумать не мог. Да и что можно придумать, если у человека осколок в сердце и он живет...

Майор Браславский собрал консилиум. Пришли лучшие профессора города – московские и ленинградские светила, которых загнала сюда война. Светила посоветовались и тоже сказали «ждать».

– А чего ждать? – допытывался майор Браславский. – Чего именно? Пока он умрет?

Профессора разводили руками.

– Мы не боги, Израиль Борисович!

Этот маленький желтый казах, который даже не стонет, хотя боли у него нечеловеческие, непосильные боли, – он жил. Жил, попирая все законы. Жил вопреки всему, как было очевидно из рентгенограммы. Жил, несмотря ни на что.

Где-то далеко-далеко родила его мать. И мальчик принял в себя все лучшее, что было вокруг. Тысячи людей передавали ему это лучшее. Весь народ. Да, весь народ. И когда он, майор Браславский, положит его на стол, перед ним будет не один человек с фамилией Айтмагомбетов, а весь народ. И ему становилось страшно.

И если прежде у него была какая-то докторская, профессиональная злость на этого лейтенанта, ибо он был живым укором ему как медику (примером человеческой, а не медицинской силы), то теперь майору Браславскому хотелось чуда. Живет же он, дышит! Это ли не чудо само по себе?.. Майор привык звонить во II хирургию и слышать ответ дежурной сестры:

– Раненый Айтмагомбетов? Состояние удовлетворительное.

Но однажды сестра замешкалась, в голосе почудились слезы, и все оборвалось – умер. Было такое чувство, будто его обманули... Нет, не может быть! Не должно быть!

– Раненый Айтмагомбетов? – переспросила сестра. – Состояние удовлетворительное.

И тогда он сказал тихо и отчетливо:

– Подготовьте к операции.

Майор Браславский сидел в кабинете и, как положено правилами, писал эпикриз.

...Сделан разрез, – писал он, – от второго межреберья по левой парастеральной линии до пятого ребра. На передней поверхности левого желудочка обнаружено... У верхушки обнаружено... При осмотре задней поверхности сердца обнаружено... Раненый умер во время операции.

«Чудо! – передразнивал он свои мечты, пытаясь уйти от мысли, что именно он, майор Браславский, виноват в смерти железного казаха. – Никаких чудес в природе не существует. Организм отказал, и больной умер. Нельзя жить, когда в сердце осколок».

Вот и закончена история болезни. Собственно, можно было не начинать. Он-то знал: ничего другого не будет.

Идя по госпитальному двору, майор Браславский не глядел под ноги, напоролся на ржавый острый лемех и разозлился. Опять! Тысячу раз говорил: пора сдать весь этот хлам, этот лом!.. Майор решил, что устроит подполковнику скандал. Пускай убирает этот хлам или расстается с главным хирургом.

Майор Браславский вошел в кабинет начальника без разрешения, грозно затворив дверь. Постоял и ринулся на подполковника, чуть не под нос тыча штанину.

– Вот полюбуйте! Долго терпеть...

– Майор Браславский!

И будто сразу опомнившись, спокойно и зло хирург вытянул из кармана зазубренный кусочек металла. Опустил его на стол перед Сутыриным.

Стол был покрыт стеклом, и осколок не быстро установился на нем. Переваливался с боку на бок, тоненько, нежно тренькал... Если бы Айтмагомбетов жил, он хранил бы его, твердый смешной комочек, и в торжественных случаях показывал бы друзьям. Осколок бы ходил по рукам, и друзья бы говорили: надо же... в самое сердце...

– Айтмагомбетов умер, – просто сказал Браславский.

– Знаю, – сказал Сутырин.

И в тоне его послышался упрек, которого не было на самом деле. А упрек послышался потому, что лично он, майор Браславский, казнил себя за эту смерть и всюду виделось ему осуждение.

– Я не бог, я врач! – крикнул майор в лицо Сутырину. – Да, я врач и не верю в чудеса. Семнадцать дней он жил наперекор природе! Наперекор, понимаете? Он не мог жить. Его жизнь – это так же нелепо, как если бы... как если бы ходил трамвай, когда нет электроэнергии. Ну, вы же знаете! Идемте, покажу, что у него было, – склад боеприпасов!.. Если бы жил, это было бы чудо!.. Наперекор природе!..

Подполковник Сутырин стукнул кулаком по столу. От удара сместилось стекло, и осколок, режущее, тягуче звякая, шлепнулся на пол.

– Вчера, вместо того чтобы спать, ты сделал три операции, – сказал Сутырин.

– Это другое, это другое! – крикнул Браславский. – Понимаешь, я врач... родился врачом... Ну вот, могу сходу, не пальпируя, ткнуть тебя в печеньку... вижу человека насквозь.

– Это действительно, – подтвердил Сутырин.

Они долго сидели молча. Потом дверь приоткрылась, и секретарь сунулась в кабинет.

– Тут одна женщина... просит товарища майора...

– Давайте, – сказал Сутырин.

И вот вошла эта женщина...

– Как же так? – повторяла она. – Лежал спокойно, не жаловался, не стонал. Один раз мне показалось, что улыбается. Сестра говорила: скоро поправится, потому что главный хирург Браславский... Как же вы не уберегли его? Это совсем неправильно, что он умер... такой молодой... А Гриша? Сказал, что с Гришей?

В сущности, женщина была самая обыкновенная. У каждого человека могла быть такая мать. В руках – худая авоська с кульками на доньшке... и майор Браславский подумал: и сегодня, поди, с лекарствами... и услышал голос Сутырина:

– Сказал... сказал... – говорил подполковник. – Жив... Он сказал – жив.

– Да? Правда?

Пальцы разжались. Из авоськи выпала желтая надрезанная луковица. Покатилась, покатилась...

Майор Браславский отвернулся к

окну.

Жизнь во дворе шла обычным, повседневным порядком. Раненые собрались у ржавого железа и по-солдатски медлительно беседовали. Один читал письмо («кажется из девятой... с бедром») и пока читал – улыбался. Потом спрятал письмо и с той же далекой мирной улыбкой принялся растирать землю. Мял, перемалывал ладонями... И земля лилась между пальцами тоненькой струйкой и уходила с рук неохотно, словно дождалась наконец хозяина.

1958

САÒÈÐÈÀ

Все было самодельное и продавалось на штуки. Конфеты домашнего изготовления, короткие, толстые, рассыпались по прилавку, выпятив полосатые, словно в розовых тельняшках, животы. Напротив разлеглось тесто. Плоские чуреки – белые, в коричневых поджаристых пятнах. Жирные пышки, как щеки толстяка. Длинные пироги – желтые мучные рыбы...

– Иче, ты что хочешь – пирожок или конфету? – спросила Фира Наумовна.

Сын подумал и сказал:

– Пирожок.

Все было дозволено! Иче жевал пирожок и запивал кислым молоком, которое стоило десять рублей стакан и называлось певучим, на итальянский лад словом «мацони».

А потом они купили масло. Целый килограмм масла – литровую банку!.. Торжественно, кусок за куском продавец извлекал его из воды, долго встряхивал, брызгая веселыми прозрачными каплями, и в пышных вьющихся волосах качалась пилотка с глубоко вдавленной зеленой звездой – след настоящей звезды, красной.

Они шли по базару. Задрал голову, Иче прыгал около матери, видел над собой, в ее руках, круглое желтое дно и канючил:

– Мам, дай понесу! Ну дай! – А когда наконец получил, прижал мокрое стекло к голому пузу и посмотрел темными счастливыми глазами. – Холодная...

Фира Наумовна варила затирку. Иче расхаживал по двору и хвастал соседской Зойке, что отец – живой и прислал вызов, и они с матерью уезжают в Москву.

– А что ж раньше не писал? – спросила Зойка.

– Он в партизанах был.

Из окна несло шипенье примуса. Пахло мукой и луком – желанными запахами будущей затирки.

Зойка завистливо сказала:

– Мой папа – тоже партизан. И даже больше твоего не пишет. Твой два года не пишет, а мой три года не пишет.

– Нет, мой больше не пишет, – сказал Иче.

И вечером, перед сном опять ел затирку – мамину, от обеда. Было немного совестно, да мама сама не хотела. Он и тарелку отпихивал. Два раза!

Спали во дворе. Иче был сыт и быстро уснул, свесив из-под одеяла тонкую ногу с оттопыренным большим пальцем. Фира Наумовна вернула ее на место, тщательно и торопливо подоткнув одеяло, – вот цапнет напоследок какая-нибудь местная нечисть!.. Потом легла сама, просунув под голову шершавые, темные от загара руки.

...Проснулась, разбуженная, как всегда, жирным запахом керосина, – хозяйка, опасаясь moskitov, мазалась на ночь. От этого запаха кружится голова и всякий раз – начало войны, родной город, по которому идут втроем: муж, она, Иче.

Потому ли, что жгли документы и товары, а может, из-за обилия пустых неподвижных машин, но бензинно-керосиновый запах стойко держался в воздухе.

– Пи-ить! – тянет Иче. – Пи-ить хочу!

Они заходят в ближайший двор. Несколько человек наступают на них голыми спинами и, тяжело тужась, без привычного «раз-два», опускают в яму кованые сундуки и железом обитые ящики.

– Попить не дадите, хозяева? – спрашивает муж.

На голых спинах напрягаются мускулы...

Старуха в шерстяном платке выносит воду. Лицо желтое, будто старуху только что вынули из этой ямы, где она пролежала всю жизнь. И такая же – нет, еще желтее, – вода, которую подает. И когда детскими прозрачными пальцами тянется Иче к желтой старухе, к желтой воде, Фира Наумовна теряет себя:

– Не пей! Вода отравленная! – кричит в голос, точно созывая народ. – Отравили воду! Отравили, отравили, отравили!

...Очнулась в грузовике. Мужа не было. Попутчики сказали – провожал их военный. Иче спал, упиравшись щекой в чей-то портфель. Наверно, отъехали далеко, потому что здесь недавно прошел дождь и в светлых лужах плавали куски заката, словно вода разбавлена кровью.

Иче заворочался, и она увидела на щеке отпечаток портфельного замка. И вспомнила, как выбирали имя. Если мальчик, то Иче – Ицик, Ицхак... Лежали тихие, молчаливые, взрослые...

И глядя на сына, как спит он, щекой на чужом портфеле, Фира Наумовна заплакала.

* * *

Иче не помнил отца. Когда поезд подошел к первой большой станции, указал на какого-то военного и спросил:

– Это папа, да?

– Нет, – сказала Фира Наумовна.

Он пожалел, что не угадал. Военный – полковник. А отец кто?.. Мать не знала.

Поезд тащил их от станции к станции, на каждом перроне – полно военных, и, расплющив нос об оконное стекло, Иче высматривал между ними отца. А вдруг генерал? Его, Иче, отец – генерал!

В Москве – дождь. Земля почернела, слилась цветом с рельсами, но крытая платформа – сухая, серая. Только следы черные – длинные путаные тропинки... Капли на стекле перегоняли друг друга. Фира Наумовна терла окно рукой. Иче говорил:

– Мама, это ведь с той стороны!

Она кивала и вглядывалась, стучаясь лбом. Стекло потело... Опять протирала.

В коридоре выстроилась очередь. Хлопали двери. Где-то смеялись, чмокали поцелуи, а потом сразу – слезы. «И чего плачут?» – думал Иче. К ним в купе заглянул бородатый военный. Иче дернул мать за руку. Она и военный посмотрели друг на друга, и военный сказал:

– Извините. – И вышел.

Иче тихо спросил:

– Это не папа?

И Фира Наумовна ответила:

– Не знаю.

На перроне, в дожде, толпилось много народу – военных и невоенных. Иче испугался:

– Мама, а как ты узнаешь папу?

И Фира Наумовна снова ответила:

– Не знаю. – И заплакала.

Но дверь с треском растворилась, и бородатый военный схватил ее за плечи. И поцеловал. И она еще сильнее заплакала.

– Иче! – закричал военный. – Здорово!

– Здравствуйте, – сказал Иче.

Он понимал: этот бородатый – отец. Но сказать ему «здравствуй» не решился. Было грустно. Отец – не генерал и не полковник. Просто старший лейтенант.

Они вышли в город. Иче сидел у отца на руках, совсем рядом с погонами. Хотелось потрогать, провести пальцем по красной ниточке, колупнуть звездочку. Он не решался. Вдобавок погоны золотые... А кто воевал – у тех зеленые, полевые. Отец, что ли, не был на фронте?

– Был, брат, был, – засмеялся отец, – всюду был. Только зеленых не хватило мне – разобрали. – И тряхнул Иче на руках. – Ничего, скоро все такие нацепят – войне конец!

Дома угощал их. Маленькие блестящие рыбки плавали в железной банке. Дымила картошка. Было на столе еще что-то – красное, липкое.

– Икра, – сказал отец гордо.

– А у нас – масло! – прихвастнул Иче. – Целый кило!

– Хочешь масла? – спросила Фира Наумовна. – Давай достану. – И пошла распаковывать чемодан.

Отец помогал ей.

Иче попробовал икру, и сразу стало не по себе – соленая, кислая. Взял картофелину – обожгла рот. А рыбка в железной банке исколола язык. Кости острые, мелкие... Он закашлялся.

– Брось ты эту закуску! – сказал отец. – Вот сейчас будет мясо. Мужчина должен мясом питаться, тогда он мужчина.

Сели за стол. Отец мазал икру на хлеб, а мать ела картошку с маслом. И у всех на тарелках было мясо. Иче тыкал его вилкой. Отец говорил:

– Погоди, нарежу. – И рассекал на куски.

Иче жевал и никак не мог прожевать. Казалось, в рот напихали резину или кожу, или вату. Вязнет да застревает. Сухое, шершавое...

– Ты что, – спросил отец, – мяса ни разу не ел?

– И не буду! – закричал он. – И не буду!

Вспомнил последний радостный день, когда ходил по базару, был героем двора, когда Зойка завидовала ему и два раза ели затирку. Не вернется счастливое время! И товарищей своих не увидит, и Зойку...

Он плакал и размазывал слезы, и кричал, что не будет есть мертвых рыбок с костями и проклятого ватного мяса. А будет только затирку, одну затирку, и больше ничего!

И Фира Наумовна сделала ему затирку. И утирая слезы, довольный, он снова уселся за стол. Но с первой же ложки почувствовал: затирка не та. Наверное, его обманули, подсунули какую-то другую, ненастоящую, подмешали что-то, напортили... Обманули, обманули!

А напротив сидел отец, смотрел странным холодным взглядом, и под этим взглядом Иче вылизывал каждую ложку... Внезапно отец вскочил, ударил плашмя по тарелке. Она полетела, крутясь на ходу, врезалась в стенку, разбилась. И тонким ручейком, извиваясь, потекла по обоям желтая лужица.

1959

Ї "ДУОЇ"

Летом, в каникулы, все дни – на одно лицо. Первой просыпается бабушка. Уходит за хлебом и всякий раз спрашивает Иче, запирает его или нет. И всегда запирает.

Иче стоит у окна, видит, как за капитаном приезжает студебеккер. Капитан хлопает по крылу, восхищается: вот машина – бог дорог! Потом весело прыгает на сиденье и пропадает до вечера.

Порой капитан задерживается дольше, на неделю, на две. Он знает об этом заранее и перед отлучкой, прежде чем весело скрыться в кабине, кидает ключи от своей комнаты.

– Отдашь бабке!.. Приедут ко мне – пусть отопрет.

Но к капитану еще ни разу никто не приезжал.

Война давно кончилась (целый год), но в глухих лесах, подступающих к городу, все еще бродят разные сборные люди: и немцы, и бандеровцы. Пробиваются за реку, в Польшу. Оттуда – к морю. И на все четыре стороны. Терять им нечего. В плен не сдаются... И каждое утро увозит капитана студебеккер, и у Иче от зависти чешется косточка на левой ноге.

Из булочной приходит бабушка. Ворчит, что Иче опять рылся в шкафу и успел наесться. Бабушка кипятит чай, режет хлеб, и, едва проглотив завтрак, Иче срывается...

– Куда? – кричит бабушка.

– Купаться!

К реке – две дороги. И если побежит Иче через весь город, кружным долгим путем, обязательно будет кувиркаться в песке, елозить спиной, подгрести под мокрый холодный живот. Но не нырять ему и не плавать, выбери он вторую дорогу – короткую, мимо станции.

За серым огромным зданием вокзала, среди приплюснутых домиков и палисадников с подсолнухами, пленные немцы строят баню. В латаных мундирах шагают по пыльным завокзальным улицам, и

оттого что здесь, в пыли, ходят они каждый день, их когда-то нарядные кители стали тусклыми, пыльно-серыми, словно пропылились навек.

А недалеко от колонны крадется Иче. Ему б обогнать! Весело подбрасывая ноги, мчатся по толстой и теплой пыли, чувствуя, как набивается между пальцами, сыплется и щекочет. Да он не может! Как привязанный, идет и идет за этими немцами. Дышит прерывисто и тяжело, будто пробежал из конца в конец главную улицу города.

И знает: не бывать ему сегодня на речке. Затаится около бани, за разбитым остовом «мерседеса». Солнце будет нещадно палить, и железо на «мерседесе» нагреется так, что желтые и ржавые капли станут капать, как капли пота. Немцы скинут мундиры, потом майки. Голые по пояс, будут неспешно таскать тачки, носилки с кирпичом...

Лето очень жаркое. Даже в Чимкенте, в детдоме, не было такого лета. Тело у Иче темное, а волосы светлые... Но немцы, которые работают без рубах, не загорели совсем – на площадке шевелятся белые молочные тела. Наверное, наше тяжелое солнце не пристает к ним, брезгует ими.

Иче девять лет. И жизнь его рубится пополам: на «до войны» и войну. И что было «до войны» – наполнено гулом. Потому что отец был летчик и они жили возле самого аэродрома. Тут. На границе.

Но однажды гул особенно усилился. Что-то визжало, ухало. В кухне разбилось стекло, хотя никто не швырял камень. Отец сидел за столом, обхватив голову, и зло говорил такие слова, каких Иче никогда не слышал. И мать, прижимая Иче, сказала:

– Что же ты при ребенке?.. Постыдился бы, Яша.

Отец подскочил к окну, распахнул створки.

– Горят, Фира! – И заплакал.

Иче оторвался от матери, вскарабкался на подоконник и увидел, как на зеленой траве аэродрома дымят черным дымом и гулко разламываются наши «ястребки» с красной звездой. Отец поцеловал Иче. Но тот был так увлечен взрывами, что отстранился от жестких отцовых губ.

Потом они шли куда-то с матерью. Шли, шли и шли... Иче помнит, как горячая мамина рука сжимала его руку. Было жарко, и все время хотелось бежать.

Сели в поезд. Дорогой часто останавливались. Надо было прыгать из вагона и падать на землю. Иче вертел головой. Мать стучала его по макушке, и черная земля набивалась в рот, в нос. Он чихал.

Ехали долго. Иче привык лежать, глухо уткнувшись в землю, привык вскакивать по паровозному гудку...

И вот паровоз загудел, Иче резво поднялся. А мать не поднялась.

Какие-то люди подхватили Иче, повезли с собой... и далеко впереди, в глубоком тылу, где на остановках не зарывались в землю, а бежали на рынок, сдали его в детдом.

И он пробыл там всю войну, все четыре года. Пока за ним не приехала бабушка и не взяла к себе, в этот город.

И теперь он живет тут, на самой границе, в бывшей Польше. В краю, где все машины зеленые с белыми военными номерами. Где в красный кирпич домов глубоко врезаны черные латинские буквы. Где на окраине, за колючей проволокой, – бараки пленных. И пленные ходят через весь город под охраной маленького солдата с большим ружьем.

Строят баню. И никто не интересуется ими: ни мальчишки, ни взрослые. Все спешат по своим делам, а немцы пылят, пылят...

Иче стыдно, что он – не как все. Что нет у него привычки и равнодушия к этим людям, которые убили отца, убили мать, которые сделали так, что он, Иче, спал на полу, потому что на всех сирот не хватало коек.

И сидит Иче за горячим остовом «мерседеса», и не спускает глаз с бледнотелых и длинноруких, таскающих тачки и пьющих воду, – с них, с немцев.

– Мальтшик...

Иче вздрагивает. Перед ним стоит немец, который только чтопил воду: на подбородке – неподвижная, как бородавка, светлая капелька.

Иче немного страшно: впервые в жизни, лицом к лицу, столкнулся он с «фрицем», о котором воспитательница в детдоме рассказывала, что он поджигает дома, загоня туда стариков и женщин, а для забавы расстреливает детей – тренируется в меткости.

Иче кажется, немец сейчас набросится на него. Куда бы спрятаться, убежать?.. А когда немец тянется рукой, Иче отпрыгивает и хватается за камень. Но немец размыкает кулак, и на ладони видит Иче перо. Маленькая стальная лодка, словно по рекам, плывет по извилистым глубоким морщинам, и твердыми желтыми волнами вздымаются впереди бугры мозолей.

– Мальтшик... – говорит немец, и грудь его, прежде надутая, опадает.

Из нее выпирают ребра, изнутри утыкаясь в кожу, – вот-вот прорвут. А посреди, между ребрами, что расходятся гнутыми крутыми дугами, лежит прямая канава, которая начинается возле шеи глубокой и круглой ямой.

«Мальчик!» – говорит немец языком впалых щек и кругов под глазами. Иче понимает этот язык. Он понимает, о чем говорит ремень, во всю длину утыканный дырками. «Мальчик! – говорит ремень. – Мы

даем тебе перо, очень хорошее стальное перо: пиши целый год, не сломается... И за такое замечательное перо просим самую малость – кусок хлеба».

И немец почти насильно втискивает перо. А Иче не знает, что делать, потому что скорым шагом, громыхая прикладом по кирпичу, бежит конвоир. Машет свободной рукой, выкрикивает что-то гневное...

И немец уходит. По пути несколько раз оглядывается – смотрит на Иче синими, заранее благодарными глазами. А Иче долго бредет по улице: камень в одной руке, перышко – в другой.

...Ему нужно перышко, как нужны тетради в линейку. И «Арифметика», поделенная на пятерых. Ему нужна стерочка, потому что бритва, подаренная капитаном, дерет бумагу. Ему нужно все. Но ведь живет же он без этого, живет!

Пишет пером, которое бабушка выкрала на почте. Пишет в тетради, которую сам разлиновал и сшил из бумаги. А бумага скверная – буквы расплываются... «Арифметику», как сказано делит (умножает, вычитает и складывает) с пятью товарищами, а требуется что-нибудь стереть, пользуется капитанской бритвой.

И вот – перышко. Да от кого? От немца. Они razорили нашу страну. Убили отца с матерью. Из-за них нет тетрадей и обыкновенных ластиков. Это они, фашисты, хоронятся по лесам, и всякий день капитан уезжает на студебеккере.

Жарко. На деревьях лопается кора и сухими горькими щепками валится в траву. Уже второй месяц нет дождя, и бабушка все позже приходит из булочной.

Иче хорошо знает, как живет людям, если они – с хлебом. Но еще лучше знает, как без хлеба. И когда вырастет и станет большой, будет помнить только то, что ел. Ничего другого не будет помнить.

Но Иче сейчас не голодный... И бабка хватается за руку и тащит к капитану – он человек военный, вышибет дурь!

Капитан бредет. Зеркало отражает разом: вспененное, намыленное лицо капитана, возбужденное – бабушки и полное хмурого равнодушия лицо Иче. Оно не умещается целиком – торчит красное прозрачное ухо да коричневый глаз уставился куда-то в сторону.

– Вот наказание! – жалуется бабушка. – Обещал какому-то «фрицу» хлеб – и с ножом к горлу: подавай, бабка!.. Замучил совсем... – И рядом с зеленой щербатой мельницей опускает перо.

Капитан, не двигаясь, скашивает глаза и, накрепко сомкнув губы, выбривает скулу. Иче молчит.

– Немца жалко? – спрашивает капитан.

Иче молчит.

– А он нас жалел? – опять спрашивает капитан. – Слезы лил?.. Когда жизнь мне разбил, плакал он?

У капитана дрожат руки, но бритва скребет по скуле.

– Унесите, – говорит капитан. – Смотреть не могу... унесите!

Бабушка нерешительно забирает перо. Они с Иче уходят.

И наступает утро, и начинается день – такой же, как все дни в этом городе. Бабушка запирает Иче. За капитаном приезжает студебеккер. Капитан стоит на подножке. А Иче впервые замечает, какой острый у капитана затылок, – вон как выпячивается под фуражкой. И капитан говорит свои обычные слова:

– Может, придут ко мне... придут... Скажешь бабке – пусть отопрет. – И кидает ключи в окошко.

Бабушка приходит поздно. Засовывая ключи в буфет, не находит трех вчерашних картофелин. А всего было семь... Бабушка не бранится. Молча разогревает четыре оставшихся, приправляет луком. Ставит тарелку с картошкой и велит Иче есть.

– А ты? – спрашивает Иче.

Бабка берет у него картофелину и мелко откусывает. Под пальцем выдавливаются ямочки, картошка крошится, но бабушка вовремя подставляет ладонь.

– Ты карточки потеряла? – пугается Иче. – На хлеб?

Бабушка не отвечает, только смотрит как-то особенно. И глаза ее такие большие, что Иче видит себя самого: склонился над тарелкой, подбирает крошки... Вдруг бабушкины глаза мигают, туманятся, он, Иче, исчезает – мелкий прозрачный шарик выкатывается из-под век. Как на цепочке, тянет за собой следующий, и круглыми бусинками нанизываются они по сухим бабушкиным щекам.

– Бабушка! – кричит Иче. – Не плачь!.. Ну и что, что потеряла? Проживем! Уже сентябрь скоро!

Бабушка утирает слезы.

– Ну, иди, иди... Проживем... Погода хорошая.

На улице около булочной – толпа, и, продравшись вперед, читает Иче сырую бумажку, облепленную хлебным мякишем: ...СИГО ДНЯ НИ ПРОИЗВОДИЦА! И уходит. Бежит на речку самым коротким путем.

Немец возле бани показывает на «мерседес». Иче дожидается там, за обгоревшим остовом. И ему странно: неужто сидел здесь, среди битых кирпичей, привалясь к жаркому железу? Сидел и глазел на пленных?.. С чего бы? Ну немцы и немцы. Работают, лопочут по-своему... Был бы хлеб – почему не поделиться? Но хлеба нет. Нет для бабушки. Для капитана. Для него, Иче. Нет и для немца.

И единственное слово – nein – говорит Иче, отдавая перо. И уходит на речку.

День жаркий, душный. Иче разучивает «стойку» – упирается руками в песок и считает выстрелы, доносящиеся с границы.

– Раз, два, три... – Изо всех сил сдвигает ноги. – ...Четыре, пять... – Иче падает.

– Последних изводят, – говорят люди про выстрелы.

* * *

Через неделю к дому подкатывает студебеккер. Из кабины выскакивает капитан. Только не старый капитан, не знакомый, а новый, – просит ключи от комнаты старого капитана. Бабушка мнетя: как же так, ключи ведь не шутка, – и на тебе, вдруг отдать встречному-поперечному... И тогда новый капитан говорит, что старый капитан больше сюда не вернется.

– Что ж его, перевели? – интересуется бабушка.

– Перевели.

– И не попрощался... А далеко перевели-то?

И новый капитан, вздохнув, отвечает:

– Убили его, бабушка.

А бабушка причитает, плачет:

– Такой молодой, такой молодой... тридцати лет не жил... всю войну прошел...

Новый капитан распрямляется. Лицо его приобретает выражение гордости, свойственной людям, которые общаются со смертью. Он как бы хочет сказать: попало ему... могло мне...

На другой день капитана хоронят. Его везут через весь город – насквозь. Он лежит в кузове своего студебеккера. Борта откинуты, и кузов покрыт кумачом с черной траурной лентой. Играет оркестр. Когда музыка замолкает, слышно, как, жалобно всхлипывая, урчит мотор.

Иче идет рядом с машиной. Зеленые спины офицеров смыкаются-размыкаются перед ним, и в просветах, очень близко, он видит лицо капитана – бледное, с черной бородкой. И вспоминает тот день, когда капитан брился (лицо было в мыльной пене) и говорил: унесите!..

– Да никого не было! – спорят между собой зеленые спины. – Жену с девочкой в войну потерял. И родителей... Все искал их. Вот приду, говорил, с задания, а жена дома... Ключи оставлял.

На кладбище опускают капитана в глубокую яму. Все подходят и по очереди, пригоршнями бросают песок.

Подходит Иче. Останавливается над ямой, и ему открывается, какая она глубокая: сперва желтый песок, потом черная земля. Да, в такую яму человека кладут навсегда, чтоб никогда уж не вынуть. «На всю жизнь», – думает Иче.

Ему жалко капитана. Ему так жалко капитана, что, не бросив своей пригоршни, он тихонько отходит в сторону.

А люди кидают землю. Она рассыпается на лету, стучается о деревянную крышку. Потом приходят солдаты, убирают лишнее, делают невысокий холм. А другие солдаты палят из винтовок. Вот и все.

Могила капитана. Она была самая обыкновенная военная могила. Синий деревянный столбик с красной звездой и надпись: «Капитан Лифшиц. 1918 – 1946».

À ÒÌ ÒÀÀÌ Û

Íàò íàùèé çíàèíí ùé Í èí òàíí Èíò ñí ðííè Èàçàðÿ Ááí èàí èííàè:-à Ñàðáòáàíèíá, áá è èàé àíððàò èé ïíÿ ò 9 í áÿ 1945 áíá.

Á èàáðá ïíá Ì ïíèáíé, áùé ïò ááò, á Ááíèòáí èéíáá Í áñ 58 þ, ááðæàèé á ïò ááíèííí ïáðáèá è ááðáíðáèé ïí:-é çáíèííèéí ðáàéí: ïíááíá..

ááçíááí ðí:-íáÿ èàí è ò óéÿ óéÿ.. Í í áíèáò ñéóèáíí ïááááèíÿ «èí» - ïíáðáíèííí ï:-áííúé - ï ðèíí ïò ðáòóí çá «íí èé ò è:-áíèéí è»

(Í á èàáðííí ñéáíáá èçáéí è ò á «ò à ò è ñ ò àí è»). Í á ïíá:-àèáí èé è òí? Í à ò èé :-áííí è ðèáíé ðíæé? Í á áíððàòíÿ è ù ó èíá áðáæáíèíáíèíáíí?

- Á áí?

- Èæè èé ñááá ááòí ñí èí, áííðááèá ñí èí ó

- Áùé áíðíáí íé?

- Áà, í á ðááí ò áèè.

- È :-òí ááèàèè?

- Èæé áííáá, òí èéíááèé í á àí í è ñ èè.. Á á ááíðáè è ò áéííí í áíÿ áèè. Èæè òíÿ, á è þéá.. ááçáð è ðáí.

À ðáí-Èæéá

ЭПИГРАММЫ

Èàçàðíí Ñàðáòáàíèíèéé

Ñíááííòóí í á í á ðáí áí þ
B í è í áí é, í è ñ à ò è ð þ:
Í á ò ááè þ è í á á ðáí þ,
Á áíáá è è ò ú
éíí ñ ò à ò è ð þ.

2

Ðíííè èí è è ò ò è ðí ò çèí á
Ñ í ï ðí çáí è, ñí á è í ú í è á ò ÿ í è..
Áíèáè ò íí:-áé ò ú á
Í ò ðáí ó èè
è áí Í ò èí á

3

Ááòí ð ó è í è á «Áááíð è è á ò áí áíð á»
Í ú æ è è á í è ù ó á è á ò, :-áí áááíð è,
Èæé áááòí ðÿáíí,
Áðíáá áí áíð á..
Í í í á ò ïíí ú ò í é á ç í ñ:-è è:
Èíí ó - í áíð á
Èíí ó - í áíð á:-é
è.

4

Ááí ááè è ò ó Ñáðí í á ò
Í à ò ï è ð í á í:-áí ú ñ è è á á á í,
Á í áí ï ðí:-í ú ò í á ò ï ñ í á
Í á áíÿ è è Ááí - Ááí-Èáááí...
Áí ò áíð ú è Ááí Ñáðí í á

5

Ñéçÿí éá
È ð è ò èé Èáá Áí í é í ñ è è ò á è è ç é í æ è è ñ þ ð í á í ñ é í á í ç þ: ï í ï ò ó í á ñ é í é è é í è è - áíííè é è à ç à è, ï í
í á ò á ð è í ñ é í é - ááð á.

Í ò Ì ïíèáí áí Á ðáí ò á
Í à ò ò á è í á í áíð á
Ááá á í á ç í á è Áí í é í ñ é í á Èíáá:
Á é í é áí è á ááçá ò á

Àà è á Èí ò áðí à ò á
Àðæ à ò ñ í è ì ÿ è è ò à è á ò à ò á á

Í í á ñ á á ñ á á
Ñ í è ì á ò æ í ù á ò á è,
Ó á ÿ ò ð á ñ ñ é á ñ ò þ á á:
Á í æ í í á á ñ á ò è ñ á á è ù
Ó í è í ò á è Á á á á è ù
Í á ò à ò þ ò è ð á í í á ð á ñ ò á í!

6

Á á á è þ ð á è í ó
Ó í ò ÿ á è è ò á ó Á á í è ð á è í á
Á ñ á ò á á è ò á è ù í á á ò æ í í
Í í ñ ò è ò á á, í á ñ è ò è á ç æ ÿ á,
Ñ é í ð á á á ñ ò, ÷ á ì æ è á è í á á ò.

7

Á í á ò ù é ò ð á æ è á ð ò í í è ÿ ð á í ù á
È á ò ð á æ è í ù é á á ò ð í ð á á è ÿ
ò ð ð á:
Á è ç á ù ò è á á ñ ò ù á á ç á á è ç á á è è ÿ
ì ó: í ù á -
È í ó á ò á è ÿ í í ç á á è á è ÿ ó æ è
è á í ó á

8

Á á è á á ò ÿ í í ò ç í í á è ñ á æ í í á
ð í è ù á á æ í á á è ñ ò í ð è ñ ò ð á í ù:
Á í è ð á æ á í ÿ ñ ò á è è í á è Á ð æ í á á á
Á í á ì × á è è ñ ò à ñ á æ í á í ù.

9

× ò í ñ è á ç ò ù á á è è ì ù ñ è ð ñ í ñ á í í
Í í í á á á ÿ: á í è è ò ó è í è è ñ è ñ ò á í ?
È á æ á ù é ñ ñ á è ò ñ ó í à í í-ñ á í á í ó
Í í á á ç á ù ù í ð è ñ ò á á á í !

10

Í á ó: è ì ñ ÿ ì ù è í á ó: è ì,
À ð á í ñ ÿ è ñ é á í á á è á ì è ç á è è ù á ì.
Í á á á æ á ñ ò á á á ù é í á ð á ì ó: è ì,
Á ñ ò á è í
Í á ò á è ù í í á á ð á í è þ ù è ì.

11

× á ð í è ç è í á ù í á ò á í í í á í è á ð á í ì á:
B ó ó: ó æ á è ÿ á á á á í á ò á
Á á á í á á á ð í á á ñ é á í « ÿ í è á ð á í ì á »
Á è í æ á í í á ù á í á í í: « È Á Ð Á ».

12

Вид от сути можно отличить,
Применяя методы старинные:
Яйца могут курицу учить,
Если эти яйца – не куриные.

13

Í á Ñ á ì ñ í, í á Ñ í á ò ð á è, í á Á í ð á í
ç á è á è á í ù é è á ñ í ð á ò
è á ñ ñ á ò è á ò, -
Á ñ á ð á í í ÿ á í ð á ò! Í í á í ð á ò,
Í ð í è á æ á á æ è è á ñ þ æ è ç í ù

Í à èíí àò èáã

14

*Í á í ó è ä ð ñ ÿ á ì í ò ì ð á
Á ñ ì ñ ñ á è í á ò á ñ ñ á
Í í ò ì í ó : ò í á è ð ñ ñ à ò ì ð è é
È ò í í è á ò ñ ñ á ñ í á ñ ñ ñ ò .*

15

*Í á í á ò á ñ ò ä ÿ
Á ð ñ ò í á ð ñ ñ ñ ò ð ñ ñ í é
Á í á ò á ñ ñ ò ù í á ù : á á
Í ù ñ á ñ è : é í í é
Í ó ñ ñ ñ á ñ è : é á*

16

*È á á - ò á ð ñ ç á ñ ð è . Á è á ñ ù è á í ò è ò -
í ð á è .
È ÿ ñ ñ í á ç á ñ ñ ù ñ è á ñ í é è è ò í é ò ,
× ò í ò ñ á è ð á ñ è í é ñ í ñ ÿ ò ù á
í ð è í á ð á è :
Ó ä è á ñ ò è ò í ò ,
È ò í í í ð è ð ñ á -
Ò è ù í é è*

17

*Í í á ä ò á ñ
B, ó á ñ , í á ò ð ñ ñ ñ í í è á ñ ÿ ,
Í á ó á ñ ò í é , í á è í í ó ð , í á í ñ ò :
Í í è è á ð ñ á ÿ , í í è è á ð ...
Á í á í í á í é : á á í á ð á ñ ò á ò .*

18

*Á ð ñ ñ è è ò ò ð ç í á è ç ð á è ä ÿ ,
Ð ñ è ù è á ð ð í á á è è è ç ð :
Í è è è í í ó í á í ð è -
í ù è á ð ,
Á á ñ ñ ñ è è ò ù á ñ ð á
í ù è á ð .*

19

*Ì í í ñ ñ á ñ á á í á á ð á : á è í í ò ð á ò ù -
È ò á ñ á ñ ò í ð è á ù á ò è ç ñ è í á ð .
Á á í á á í á ò -
Í ð è á ñ ò ÿ ò í è ð á ò ù ..
Ó í è ð á è , á ð è è ù á ,
Í á ç á ñ ð ñ á ñ !*

20

*Ó á á è á á ñ ñ í ò Á ð ñ ñ È á è á ó , í ð è ó : á ñ ò è è
è í ò í ð ñ á á ñ í è ñ ò è ð è á è ð á è á ñ ñ ñ ñ í á : á ò è á
Ð ù ù á ò á ñ ò á ð á Ñ è í á è í è í é í é í ð ñ ò ù í á
Í í ð á è ð á ñ í á
Í á á ñ è í á è ...
B ç í á è , : ò í ñ ð ñ ñ ñ ð ñ ñ è í ç ù : í ù ð
á á ð á á
Á ñ ò ù ò ù ñ à è í è á ñ : á á è ò ù ñ à
á ð á ñ í ò á á á
Í í È ð á ñ ñ í á í í ð á , á á á « è » á ù è í*

*ñò òí-íúì,
Çàñò ààèèí ñ-áñò ùyòí çí àí ùá
Íàòí-íúì!*

21

*B áááèèñý á èíí òá èíí òíá
Ííúò òàçí úò ýí íò èçááááá
Èòí íá ííàòí òýàò íòèáèè íòòíá
Òíò ííàòí òýàò íòèáèè áááíá*

Ḍàáó èè òàðñò àí ààò ù..

Ì ààéúñ Èàí àí

*Áèààà í àðààÿ
Yèüÿèèì ááí Òèçèèÿ*

«Город могучий, город прекрасный, всей земли нашей отрада» – так описывал сладкоголосый певец Израиля Иерусалим в зените его славы. Увы – из-за прегрешений людских лишился священный город былого величия и погрузился в печаль и бедность. Но все равно, даже и сегодня Иерусалим – по-прежнему совершенно особое место, единственное в мире. Вид на город, открывающийся с Масличной горы, чудесен, хотя, по совести сказать, чем-то странен, непривычен, рождает в душе смутные чувства, неясные даже самому смотрящему. На севере виднеется гора, названная именем пророка Шмуэля; согласно преданию, она и есть та самая упомянутая в Святой книге «вершина дозорная», с которой бросали паломники первый взор на великий город. С востока подымается скалистая гряда, рассеченная множеством оврагов и ущелий, они простираются вдаль и над Иорданом и Мертвым морем срываются почти отвесно вниз – туда, где лежит, как говорят, самая большая в мире низина. За Иорданом же тянется другая горная цепь, по каменистым ее долинам струятся воды Арнона, воды других горных речек. Цепь простирается от вершин Гилада на севере до вершин Моавских гор на юге. В утренние и полуденные часы эти вершины источают ослепительное голубовато-белое сияние; но на склоне дня, когда солнце плавно, хоть и неудержимо, катится к водам Средиземного моря, сияние слегка тускнеет и обретает иной оттенок, и его уже не описать никакими словами. Поблизости от западного склона Масличной горы и раскинулся город Иерусалим с окрестностями. Неслыханной красоты зрелище являет он ранним утром. Каждое ущелье, каждая вершина, даже каждое, самое маленькое, строение вырисовываются тогда с необычайной четкостью. А сверху город обволакивает какая-то печальная лиловато-серая дымка. Со всех сторон он окружен кладбищами. Там спят люди всех вероисповеданий. Стоит случайный прохожий, глядит – и в сердце его возникают легкая грусть и томительное влечение к этому великолепному городу.

Наша история поведет читателя на улицы и площади Иерусалима и перенесет в те времена, когда на Храмовой горе еще возвышался Храм, заново отстроенный царем Иродом. Храм красоты почти сказочной.

Ираильская знать обитала в ту пору в роскошных домах – можно сказать, дворцах. Одним из самых уважаемых граждан священного города был Эльяким бен Хизкия. Его огромный дом гордо возвышался среди других домов на улице, ведущей к воротам Водоносов. Эльяким владел не только этим домом, у него были еще и многочисленные стада, поля и виноградники. Даже имение под Яффо. За всем приглядывали рабы и наемники. Помимо всего прочего, у него в доме имелась казна, полная золота и серебра.

Род Эльякима был из древнейших в Иудее. Он вел свою родословную от Нахсона, сына Аминадава, первого князя колена Иеуды. Но уважение сограждан снискал не столько богатством и знатностью рода, сколько благочестивостью, мудростью и знанием Торы. А также благородством души, добротой и состраданием к бедным. В дни юности ему посчастливилось быть учеником старца Гилела, князя Израиля, и уже тогда он считался самым способным и умным среди ровесников.

Эльяким не стремился к мирским наслаждениям – в отличие от многих иерусалимских богачей его времени; те оправдывали свое предосудительное поведение учением, созданным членами одной секты, не верившими в загробный мир. Эльяким до глубины души был предан Создателю и соблюдал заповеди Торы так, как учили мудрецы Израиля.

Несмотря на все богатства и доброе имя, в жизни Эльякима стряслось немало ужасного. Любовь его юности, его обожаемая жена родила ему двенадцать детей. Одиннадцать из них умерли в младенчестве, а рожая двенадцатого, покинула его и жена. Ушла в лучший мир. Эти беды сломили его дух, измучили сердце неизбывной тоской. Нетрудно представить, как дорог был Эльякиму единственный выживший сын Итамар, как он дрожал над ним, как берег его. Всего себя он посвятил заботам о мальчике. И тот, на радость отцу, рос смышленным, прилежным, способным. И вообще был очень славным ребенком. Отец нанял для него самых лучших наставников. Его учили понимать Тору, вселяли в душу любовь к Б-гу и страх перед Ним.

*Áèààà àò íðàÿ
Ḍíñòèè íáí ààéñòè*

В те времена Храм, как уже говорилось, еще стоял на горе и жизнь еврейского народа текла мирно, ничем особенно не нарушаясь. День за днем козны совершали жертвоприношения, как это заповедано Торой. Трижды в год все жители Израиля совершали паломничество в Иерусалим, священный город, дабы предстать пред местом обитания Г-спода. Члены Великого Сангедрина ежедневно заседали в Храме, указывая всему народу Путь, разъясняя Закон, и любой сложный случай представлялся на их рассмотрение. Лучшие среди мудрецов обучали людей и наставляли их в священной Торе.

Тем не менее над спокойным существованием Израиля понемногу начали сгущаться тучи. Разногласия вносили раскол в духовное и политическое единство нации, разделяя ее на обособленные группы. И каждая из них смертельно ненавидела остальных. Религиозное единство народа разрушалось главным образом из-за болезненно-непримиримой вражды двух основных сообществ – цдуким – садукеев и прущим – фарисеев. К цадоким относились в основном люди весьма богатые; это религиозное течение отрицало устную Тору, грядущее воскрешение мертвых и вообще жизнь после смерти. Его последователи стремились максимально наслаждаться радостями земного бытия. Название свое их философия получила по имени

учеников Антигеноса, человека Сохо. Как известно, Антигенос, человек Сохо, повторял: «Не будьте как рабы, что служат своему господину ради платы». Его намерением было убедить учеников исполнять заповеди лишь из не замутненной корыстью любви к Г-споду, а не в надежде получить награду, предназначенную слугам Его. Но Антигенос никогда не отрицал того, что человеку за дела его положено воздаяние в мире будущем. Однако двое приверженцев Антигеноса, Цадок и Бейтос, в сердце своем не желавшие признавать никакого религиозного учения, кроме письменной Торы, усмотрели в рассуждениях своего учителя возможность опереться на его непререкаемый авторитет. Они, разумеется, не решались высказывать свои взгляды прямо – из страха, что народ этого не потерпит и учинит суд над отступниками. Оба истолковывали слова учителя в том смысле, что в будущем мире для человека нет никакого воздаяния, и дошли до открытого неприятия устной Торы. По именам их всех, считавших, будто бы они правы, называли цдуким и бейтосим. Именно по этому поводу произнес Автальона знаменитые слова: «Мудрецы, будьте осторожны в своих речениях, чтобы не постигла вас тяжесть изгнания, а изгнаны будете к водам недобрым (то есть туда, где царят отступничество и заблуждения), и станут ваши ученики пить вослед за вами, и умрут, и будет осквернено Великое Имя (то есть распространят ошибочные мнения и придадут им силу)».

Противниками цдуким и бейтосим были прушим. Великие мудрецы и праведники, целью жизни своей они почитали глубокое проникновение в Тору и исполнение заповедей. Их называли прушим («отделенные»), потому что они были весьма осторожны во всем, что касалось законов ритуальной нечистоты, – другими словами, как бы «отделились» от нее.

Народ в большинстве своем склонялся на сторону прушим, поэтому цдуким и бейтосим не оставили заметного следа в национальной истории – разве вот только привлекли к себе в качестве единомышленников нескольких израильских царей.

Политический раскол оказался не менее болезненным и опасным, чем религиозный. Спор между двумя братьями Хашмонеи династии – Горканосом и Аристоклосом, связанный с престолонаследием, привел к тому, что Иудея попала в зависимость от Рима и ее властители оказались у Рима в прямом подчинении. В результате дальнейшей распри между потомками Хашмонеев династия пришла в упадок. Дошло в конце концов до того, что один из рабов Хашмонеев – эдомитянин по имени Ирод извел династию под корень и стал править Иудеей от имени Рима. Нет нужды говорить, что народ не любил выскочку Ирода. Он взшел на трон по трупам зверски убитых им людей и смог сохранить власть над страной, лишь опираясь на римские легионы. Он безжалостно казнил всех членов тогдашнего Сангедрина и большинство мудрецов Израиля своего времени. Он боялся, он ждал протеста с их стороны, так как знал, что закон Торы гласит: не быть рабу царем над Израилем. Лишь один из мудрецов, Бава бен Бута, был оставлен им в живых, и то лишь после того, как самозванец выколол ему глаза. Однажды Ирод предстал перед Бавой бен Бутой, прикинувшись царенавистником, и хулил при нем царя, и призывал к восстанию. Но из ответов Бавы бен Буты он понял, что мудрецы не склонны прибегать к насилию, хоть и не приемлют нынешнюю власть; и тогда в сердце его пробудилось раскаяние в содеянном зле. И посоветовал ему Бава бен Бута заново отстроить Храм во всей красе его, и Ирод последовал совету. Но народ все равно терпеть не мог жестокого диктатора. В течение всей жизни Ирода не прекращались отчаянные попытки поднять восстание против самозванца, и оттого земля то и дело обгалялась кровью чистых сердцем и дерзких помыслами.

Гилел и Шамай, возглавившие вновь собранный Сангедрин, старались оставаться в стороне от политики. Все свои силы они положили на то, чтобы сохранить и передать Тору будущим поколениям, и стремились поэтому увеличить число изучающих священную книгу. Большинство учеников разделяло их отношение к миру.

Эльяким тоже избегал политических схваток, избегал всеми возможными способами и никогда не подвергал риску свою жизнь и состояние.

После смерти Ирода трон унаследовал сын его Архилеос. С евреями он вел себя ничуть не лучше отца, зато с Римом оказался вообще не в силах поддерживать добрые и устойчивые отношения, как это делал Ирод. Спустя недолгое время он был смещен римлянами и сослан в Галлию. С этих пор Иудея, к величайшему горю ее жителей, стала римской провинцией, то есть попросту одной из многих поработанных Римом стран.

К тому времени сын Эльякима Итамар вырос и превратился в стройного и пригожего восемнадцатилетнего юношу. Эльяким надумал женить сына и единственного наследника на дочери своего друга Элизера Тирце. Элизер, как и Эльяким, был уважаем и знатен. И не менее богат. Он с радостью согласился. Молодые люди уже давно любили друг друга, так что, казалось, препятствиям для этого брака неоткуда было и взяться.

Нашелся, однако, человек, чье сердце пылало гневом при одной мысли, что Тирца и Итамар поженятся. Это был раб из дома Эльякима по имени Орев. Человек извращенный и злобный, он воспылил непопулярной страстью к прекрасной Тирце и тайно жаждал обладать ею. Многие поколения предков Орева жили в семье Эльякима. Все они были верными слугами своих господ. И господа поддерживали с ними добрые отношения, как вообще было принято у евреев в отличие от многих других древних народов. Орев давно стал правой рукой своего повелителя. Он отвечал за дом, за все хозяйство, за имение. Под его началом находился скот. Пастухи тоже ему подчинялись. Он вел расходные книги, через его руки проходили все деньги – и вырученные, и потраченные на жизнь. Столь высокого положения Орев достиг благодаря долгой беспорочной службе. Он всегда старался выполнять распоряжения своего господина с усердием и преданностью, надеясь в награду когда-нибудь получить от него вольную. Ему уже исполнилось тридцать, он

страстно хотел жениться, но только не на рабыне. А дочери Израиля по закону Торы не могли принадлежать рабу. Вот почему он так рвался к свободе.

Однажды Эльяким заговорил с ним о женитьбе. Орев решил, что настал наконец час открыться перед господином, посвятить его в свои тайные планы и добиться желаемого.

– Милостивый господин! – воскликнул он. – Всю жизнь служил я вам верой и правдой, вы поставили меня над своим хозяйством, доверили мне все ваше имущество, и оно заметно приумножилось моими неусыпными стараниями. Никогда не просил я никаких особых наград за свою честную службу. Но теперь, когда вы сами считаете, что мне следует поспешить с женитьбой, я нижайше молю вас: освободите меня! Дайте мне волю, чтоб я мог жениться на свободной еврейской девушке, чтоб дом мой стал одним из домов Израиля. Я и в дальнейшем останусь вашим верным слугой и не потребую за это никакой дополнительной платы. Клянусь, я удовольствуюсь тем, что вы мне дадите, и до конца дней буду вести и хозяйство, и все другие дела ваши.

– Дорогой мой Орев! – отвечал Эльяким. – Тебе ли не знать, что такую просьбу выполнить я не в силах?! Я очень высоко ценю твою службу, твою преданность, твои усердие, расторопность и честность. Я бы с радостью отпустил тебя на волю, да ведь всем известно, что Тора запрещает освобождать канаанских рабов. В ней специально говорится: «Оставьте их после вас детям вашим, дабы унаследовали они их в собственность, вовеки будете владеть ими». И как объясняют наши мудрецы, это вовсе не право, а именно обязанность. Дорогой Орев, проси у меня чего хочешь за верную и многолетнюю службу. Все от меня зависящее я сделаю, дабы наградить тебя по заслугам. Лишь свободы не проси. Это невозможно. Тут я бессилен».

Орев молчал. Он уразумел наконец, что нет никакого смысла настаивать на вольной. Не видать ему ее как своих ушей. И в душе его пробудились глухая горечь и злоба, она-то и привела его со временем к мыслям о мщении. Но раб умел скрывать свои чувства и внешне продолжал держаться и с Элькимом, и с сыном его почтительно и смиренно.

Вскорости настало время готовиться к свадьбе Итамара и Тирцы. И чем больше говорилось в доме о грядущем торжестве, тем сильнее пылали в сердце Орева страсть к Тирце и гневная обида на господина. Постепенно у него созрело твердое решение убрать Итамара с дороги и заполучить Тирцу. Это стало бы заодно и жестокой мстью хозяину, ибо знал Орев, что для Элькима единственный сын дороже всех богатств вселенной.

Āēāāā òðāòüŷ Ī òñòðāí áí í úé í'ādāññāŷüàí í èè

В конце эпохи второго Храма первосвященника назначал царь – однако с согласия римлян. Как правило, выбор определяла взятка. Назначали того, кто мог предложить римскому наместнику бо́льшую сумму, и поэтому высокую должность зачастую получали люди и вовсе того недостойные. Впрочем, они редко там задерживались: первосвященника снимал Рим или царь. Либо его настигала кара небес, ибо дурной человек не смел в Судный день войти в Святая Святых

Храма.

Во времена, к которым относится наша история, римским наместником в Иудее служил некто Валериус Гратус. Страной он правил от имени императора Тиберия. Наместник этот лишил должности первосвященника Анана и назначил на его место рабби Ишмаэла бен Фиаби. Рабби Ишмаэл считался одним из самых почитаемых первосвященников за всю историю второго Храма. Мудрецы утверждают: стоило ему ступить на территорию Храма, как раздавался глас небесный: «Раскройте, порталы, пусть взойдет Ишмаэл бен Фиаби, ученик Пинхаса, и совершит торжественное богослужение!»

Он был одним из немногих первосвященников, кому выпала честь готовить пепел рыжей коровы; этот пепел смешивали с живой водой для очистительного окропления тех, кто прикоснулся к мертвым. Обряд совершался на третий и седьмой день. Первую такую корову принес в жертву еще в эпоху Моисея первосвященник Эльзар, сын Аарона. За долгий период в тысячу триста лет всего было сожжено семь коров. Последнюю, седьмую, привел рабби Ишмаэл бен Фиаби незадолго до разрушения Храма. Право сожжения рыжей коровы предоставлялось лишь самым великим праведникам Израиля – таким, как Моисей, Эзра, Шимон а-Цадик, первосвященник Йоханан. В этом почтеннейшем ряду числился теперь рабби Ишмаэл бен Фиаби. Нетрудно вообразить, до чего любим и уважаем народом был этот человек..

Именно все возраставшая народная любовь и привела к отставке праведника от должности. Римский тиран не мог долгие терпеть его необыкновенную популярность. Сам Валериус Гратус приказал лишить рабби Ишмаэла сана и назначил первосвященником другого.

Народ пребывал в глубоком унынии. Люди преисполнились возмущением, многие пылали ненавистью к римлянину, который посмел столь нагло, столь бесцеремонно посягнуть на самое святое, самое сокровенное в духовной жизни евреев. Боль и обида долго не утихали. С великой радостью встретил народ весть о том, что первосвященство передано в руки достойного и богобоязненного человека. Сильна была теперь общая горечь оттого, что высоким званием облечен недостойный.

Римский наместник пытался, конечно, оправдать свои действия и объявил, что люди из окружения рабби Ишмаэла будто бы вели себя неподобающим образом, а тот этому вполне сознательно попустительствовал.

Израильтяне, однако, не желали принять объяснения Гратуса, ибо считали их лживыми и необидительными. Вообще-то римляне и прежде не пользовались особой любовью в народе из-за своего корыстолюбия и из-за непосильного налогового бремени, от которого страдали иудеи. Теперь же ненависть к ним распалилась необычайно. Молодые люди не только не скрывали своих чувств, но при всяком подходящем случае громко выражали неприязнь к владычеству латинян. Страна кишела римскими шпионами и доносчиками, и смелые выходки еврейских юношей не проходили безнаказанно – многие горячие головы были преданы суду. Жесткие меры сделали, разумеется, свое дело – никто уже не решался высказываться открыто, но тем сильнее кипели в душах тайное недовольство и жажда возмездия.

Как и многие другие, Итамар бен Эльяким возмущался бесчестными, несправедливыми поступками римского наместника и его присных. Однако отец почти ежедневно предостерегал и увещевал его и даже умолял бежать от политики как от чумы. Не раз и не два он цитировал ему царя Соломона:

– «Трепещи Всевышнего, сын мой, а меж царем и народом ропщущим не вставай». Всевышний, да будет Имя Его благословенно, – говорил Эльяким, – за грехи наши отдал нас в рабство римлянам. Да, Эдом угнетает нас жесткой рукой и уже принес нам море зла. Но так судил Всевышний в великой своей мудрости. Мы наказаны за проступки наши, и не нам роптать, не нам восставать против нечестивого владычества. Когда станем мы достойны избавления, тогда Г-сподь своей рукой пошлет нам спасение. Придет день, в который исполнится сказанное: «И поднимутся избавители на вершину Сиона, чтобы судить вершину Эсава». Но до тех пор, пока не настал этот день, не должны мы самочинно пытаться свергнуть ярмо Эдома и тем отменить приговор небес. Ибо горек будет плод и тяжки последствия подобного деяния. А посему, сын мой, прошу тебя всем сердцем – беги от общества бунтарей.

Àèàà : àò ààò àÿ P íúé òèi èÿí èí

Однажды, когда Эльяким обращался к сыну со словами увещевания, от наместника прибыл посыльный, чтобы позвать Итамара во дворец. Каюс Цимбер, молодой и знатный римский гражданин, товарищ детских игр Итамара, прибыл в Иерусалим и выразил желание немедленно встретиться со старым другом. Его отец долгие годы был в Израиле сборщиком податей и поддерживал дружеские отношения с Эльякимом. Пять лет назад он вернулся в Рим. Теперь его сын направлялся в Кесарию для службы в сирийском легионе и по дороге заехал в Иерусалим повидаться с друзьями прежних лет, особенно с Итамаром.

Посыльный отвел Итамара в дворец

овый сад, где на тенистой скамейке сидел Каюс в ожидании приятеля. Заслышав шаги, он вскочил.

– Здравствуй, дорогой, здравствуй, друг мой Итамар! – воскликнул он с жаром.

– Как ты вырос и возмужал! – отвечал изумленный Итамар, – Я и не узнал бы тебя, не скажи гонец, кто меня ожидает!

– Да и ты уже не тот отрок, с которым дружили мы пять лет назад. Я тоже, наверное, не признал бы тебя, если б встретил случайно в городе.

– Как поживаешь, Каюс? Я слышал, ты завербовался в солдаты?

– Конечно, мой друг, конечно. А как же иначе? Марс правит этим миром. Рим уже завоевал большую его часть, но остались еще земли, нами пока не захваченные. Я отправлюсь со своим легионом на восток. Мы двинемся по следам Александра Великого, дойдем до самой Индии, края это богатейшие, и завоюем их во славу императора Тиберия. У меня есть все, чтобы стать настоящим солдатом. Мышцы мои крепки, и дух неколебим. Я получил отличную подготовку в учебных сражениях на стадионах. Лучшие римские наставники учили меня воинскому искусству. Я теперь сведущ в тактике, в технике осады крепостей, в инженерном искусстве и даже в ведении штурма. Пройдет немного времени, и я стану командовать когортой, а затем, глядишь, и легионом. Я это чувствую. Марс будет на моей стороне. И однажды я вернусь в Иудею наместником и тогда, Итамар, назначу тебя на должность первосвященника!

Итамар улыбнулся:

– Смелые, однако, ты вынашиваешь планы, Каюс. От всего сердца желаю тебе: пусть они сбудутся. Что же до меня, то я заранее освобождаю тебя от обещания. Я не могу быть первосвященником, ибо происхожу не из семени Аарона, но из семени Аминадава бен Нахшона, первого правителя Иудеи.

– И каковы твои намерения?

– Хотел бы пойти по стопам отца – обрабатывать свое поле, заботиться о стадах и виноградниках.

Но главное – хочу преуспеть в изучении нашей священной Горы.

– И тогда в один прекрасный день ты сможешь стать членом Сангедрина!

– Дай Б-г, чтобы когда-нибудь я удостоился такой чести.

Римлянин бросил на друга взгляд, полный жалости.

– Благодарю богов, что родился благородным римлянином, а не евреем. До чего же тесен твой мир, до чего мелки цели, которые ты перед собой ставишь! Лучшее, на что тебе можно рассчитывать, – это приличная должность в Иудее! Разве так живут люди? Ты не познаешь наслаждений, какими изобилует этот мир, не увидишь дальних стран! Тебе суждено прозябать в крохотном мирке, среди коров и виноградников, за учебой и в Храме, на гумнах, в винодельнях и в ткацких мастерских! Как заманчиво выглядит на этом фоне мое будущее! Я вернусь в Рим в венке победителя, и сам Кесарь воздаст мне почести на глазах у восхищенной

толпы! А потом будут пиры и празднества, игры и соревнования в мою честь, и все мыслимые удовольствия станут доступны мне на долгие годы...

– Такая жизнь, должно быть, подобает римлянину. У нас, евреев, иное жизненное предназначение. Единый Всемогущий Б-г, создавший небо и землю, избрал нас, чтобы служить ему, быть его народом. Более тысячи трехсот лет назад мы были поработаны египтянами. Точно так же сегодня над нами властвует Рим. Мы часто попадаем в зависимость к чужеземцам: нами правили и ассирийцы, и вавилоняне, и персы, и мидяне, и греки. Все эти народы по прошествии времени лишились былого могущества, а народ Израиля занимает прежнее место. Многие государства, стремившиеся к мировому господству, поначалу взбирались вверх, к успеху, под звуки победных труб, они даже добирались до вершин; тогда-то и начиналось падение. Сегодня все они простерты в пыли, лежат в ничтожестве.

Рим ждет точно такая же судьба. Может быть, день гибели еще далек, но он неминуемо наступит. И тогда рассыплются в прах великолепные римские дворцы с их каменными божествами. А Израиль будет стоять вечно, ибо его хранит Всевышний. И наше единственное стремление – посвятить себя служению Ему целиком.

– Что за чушь ты несешь, Итамар! Разве можно сравнивать Иудею с Римом? Твоя Иудея – всего только горсть песка, рассыпающегося от дуновения ветра. А Рим... Рим – это весь мир!

– В чем-то ты, конечно, прав, Каюс. Ныне Рим во многом превосходит Иудею. Это так. Но мы по-прежнему – народ Всевышнего, избранный народ Того, кто властвует над землей и небом. Народ Б-га, пред которым римский Кесарь – ничто. Б-г дал нам священную Тору, Он воевал в наших войнах. Творил для нас победу. Он шел с нами на всех путях наших. Нет предела Его любви и милосердию, и, даже наказывая нас, Он поступает с нами словно любящий отец с сыновьями. Он укоряет и учит нас, дабы направить на путь праведный, дабы жила душа наша. Высшее духовное стремление человека – приблизиться к Создателю. Ведя праведную жизнь, исполняя заповеди Всевышнего, любя Его, изучая Тору, достигает человек своей цели. Вот истинное блаженство! Истинное наслаждение! А все, что ты перечислил, – наслаждения ложные, суетные и преходящие, не возвышающие души.

– Так отчего же вы не преуспели в своем великом предназначении? Отчего вы теперь в таком жалком состоянии? Вы, нация, склонившаяся под гнетом чужаков?

Лицо Итамара побледнело, потом налилось кровью. Его руки непроизвольно сжались в кулаки, а губы скривились и напряглись от еле сдерживаемого гнева. Каюс ощутил, какую глубокую обиду и горечь вызвали у Итамара его слова, и вымолвил примирительно:

– Я не хотел обидеть тебя, Итамар. Давай останемся друзьями при всех наших разногласиях. Мне нужно отправиться в Кесарию уже сегодня: победный марш легионов империи на восток вот-вот начнется. Я римлянин, ты иудей; наши взгляды на жизнь поэтому непременно будут различными. Когда мы дружили в детстве, разница еще не была столь явной, столь глубокой. За то время, что мы не виделись, ты слушал тексты Торы, которые читал рабби Гамлиэл, а я изучал науки, постигал различные искусства под руководством лучших учителей Рима. Наши пути разошлись, но это не должно помешать нам быть близкими людьми.

Он протянул Итамару руку.

– Прости меня и останемся друзьями!

Итамар пожал протянутую руку и ответил:

– Я простил тебя и по-прежнему остаюсь твоим другом.

Каюс проводил Итамара до ворот дворца, там они и расстались, еще раз скрепив дружбу рукопожатием.

По дороге домой Итамар не мог отделаться от ощущения тяжести, лежащей на сердце. В его ушах вновь и вновь звучало: «Отчего вы теперь – нация, склонившаяся под гнетом чужаков?»

*Āēāā i'jōāy
Nī'ānā'ēā*

Возвратившись домой, Итамар узнал, что отец его внезапно и тяжело заболел. Любящий сын, он испугался чуть не до слез. И немудрено: страшна одна только мысль о возможности потерять горячо любимого человека. Кроме отца, у Итамара не было родных. Матери своей он не знал, а братья и сестры умерли еще до его появления на свет. Беззаветной любовью любил Итамар своего старого отца. И вот теперь его жизни угрожала реальная опасность. День и ночь безотлучно сидел юноша у постели больного; иной раз, правда, задремывал на короткое время, чтобы хоть немного восстановить силы. В эти редкие минуты его подменял Орев. Щедрой рукой раздавал Итамар деньги беднякам, и все праведники и мудрецы иерусалимские молили небеса о скорейшем и полном исцелении достопочтенного Эльякима.

Молитва их была услышана. У больного спал жар. Врач, однако, велел ему пока даже не думать о том, чтобы встать с постели, ибо силы старика заметно истощились.

Бессонные ночи, в страхе и волнении проведенные у изголовья отца, не прошли бесследно и для Итамара: он выглядел бледным и измученным. Эльяким как-то посмотрел на него пристально и с тревогой.

– Сын мой! В радость ли будет мне выздоровление, ежели ради него я должен буду лишиться тебя? Сейчас уже нет никакой необходимости в постоянном твоём уходе: я чувствую себя гораздо лучше. Слуги могут обо всем позаботиться. Пришло время и тебе подумать о собственном здоровье. Надо как следует

отдохнуть после тяжких трудов, после всех этих изматывающих бессонных ночей. Ты должен бывать на воздухе, встречаться, как и прежде, со сверстниками. Орев будет тебя сопровождать. Он вообще позаботится о том, чтобы ты вернулся к нормальной жизни.

Орев, присутствовавший при разговоре, не смог сдержать при этих словах злорадной ухмылки. Ни старик, ни юноша, однако, ее не заметили. Быстро овладев собой, Орев проговорил с обычной почтительностью:

– Вам не о чем беспокоиться, милостивый господин. Я буду беречь нашего Итамара как зеницу ока. Пойдем, Итамар!

Итамар обнял Эльякима со словами:

– Отец дорогой! Я в точности последую твоим указаниям. Мне и самому, по правде говоря, хочется подышать свежим воздухом, размять ноги.

– Может, лучше всего поехать в Яффо, в ваше имение? – предложил Орев. – Бодрящий морской ветер, животворный аромат свежей зелени, наполняющий сад, – все это полезно для здоровья нашего Итамара. Он окрепнет и повеселеет.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Эльяким. – Поезжайте-ка, действительно, в Яффо, проведите там несколько недель.

– Несколько недель – это слишком много, отец, – возразил Итамар. – Мне трудно будет покинуть тебя на столь долгий срок.

– Ничто не доставит мне большей радости, ничто не будет так способствовать моему полному выздоровлению, как мысль о том, что и ты приходишь в себя. Конечно, даже на отдыхе ты отведешь определенные часы для изучения Торы. Я в этом не сомневаюсь. Однако слишком не напрягайся, прошу тебя. Не выбирай темы, требующие очень уж углубленного умственного труда.

– Хорошо, отец, пусть все будет как ты хочешь.

– Что ж, Орев, тогда иди и готовься к путешествию. Возьми с собой несколько рабов, распорядись не мешкая, чтобы запрягли ослов для поклажи.

...На следующий день Орев и Итамар в сопровождении десятка слуг верхом на ослах выехали из Иерусалима и направились в Яффо.

Яффо был портовый город неподалеку от столицы. Очень древний, он существовал еще в те времена, когда сыны Израилевы только-только завоевали страну. Именно там пророк Иона поднялся на корабль, чтобы бежать в Таршиш. Именно туда привозили ливанские кедры для строительства Храма во времена царя Соломона. В эпоху второго Храма, во времена Хашмонейских войн за обладание Яффо велись тяжелые бои. В конце концов евреи овладели городом.

Главную красоту Яффо от века составляли бесчисленные фруктовые сады, раскинувшиеся в самых разных местах. Верхний слой почвы был, естественно, песчаный, но под ним лежал другой, плодородный, – слой отменного чернозема, и воды в округе имелось сколько угодно. Кактусы широкими полосами окружали сады, служа им превосходной защитой. В каждом саду был каменный колодец или родник. И кроме того, резервуар для воды на самом возвышенном месте. Наполняли его из источника при помощи специального колеса, приводимого в движение ослиами.

Смысл существования Яффо, если можно так выразиться, заключался в его гавани, хотя и довольно неудобной и даже опасной для кораблей. Не слишком высокие скалы тянулись далеко вдоль берега по обеим сторонам гавани, надежно прикрывая землю от волн. Между скалами и береговой линией поблескивала узкая полоска чистой воды. Правда, гавань была мелковата; лишь совсем небольшие суда отваживались искать в ней укрытие. Большие же корабли обычно вставали на якорь в открытом море. Их пассажиры и груз переправлялись на берег с помощью небольших весельных баркасов. Впрочем, даже этим суденышкам удавалось приблизиться к берегу лишь в часы прилива. А когда наступал отлив, и обнажалось морское дно, и полоска воды между скалами и берегом мелела едва не досуха, – тогда матросам зачастую приходилось перетаскивать пассажиров с баркасов на собственных плечах.

Вот уже восемь дней минуло с тех пор, как Орев и Итамар прибыли в имение Эльякима бен Хизкии, расположенное на побережье в окрестностях Яффо. Как и следовало ожидать, деревенский воздух оказал на Итамара самое благотворное действие. Он выглядел здоровым и посвежевшим. И уже рвался назад в Иерусалим, ибо очень скучал по отцу.

Но в день, когда назначили отъезд, на море неожиданно разыгрался сильнейший шторм. Итамар как раз кончил утреннюю молитву и собирался снять тфилин, когда началась небывалая буря. Юноша подошел к окну и выглянул. Волны с грохотом бились о скалы, белая пена, заливая все вокруг, высоко взмывала над берегом. Орев присоединился к Итамару, и вдвоем они наблюдали, как бушует стихия.

– Нелегко сейчас кораблям, что стоят вблизи берега, – заметил Орев.

– Послушай, Орев, видишь вон ту маленькую черную точку? – воскликнул возбужденно Итамар. – Вдали, среди волн? Она мелькает то там, то сям, словно мяч в игре... Боюсь, это корабль!

– Это действительно корабль, – подтвердил Орев, – и, если не ошибаюсь, он похож на римскую военную триеру. Да погибнут враги твои, Израиль!

– Не говори так, Орев! Разве не сказано: «И милость Его на всех Его созданиях»? Г-сподь наш жалеет и спасает даже последних грешников, ибо не смерти их, но раскаяния желает Он. В час, когда египтяне тонули в

море, Создатель не позволил ангелам пропеть пред Ним хвалебную песнь, и мы тоже не говорим по этой причине благодарственную. Пойдем на берег. Может, на судне есть люди, нуждающиеся в помощи. Может, тот римлянин, которого нам удастся спасти, будет помнить об этом с благодарностью, и, кто знает, вдруг в один прекрасный день из этого выйдет что-то доброе для Израиля... Написано же: «Отпускай свой хлеб плыть по водам, ибо по прошествии дней он вернется к тебе»!

– Нет смысла даже пытаться прийти им на помощь, – пожал плечами Орев. – Корабль, можно сказать, уже погиб. Еще немного – и его бросит на скалы и разобьет вдребезги, а обломки море похоронит в своих глубинах. Даже спасти команду нет никакой возможности: в такое бурное море лодку не пошлешь. У них не осталось шансов.

Не дослушав, Итамар поспешил на берег. Орев неохотно поплелся следом. На берегу уже стояли десятки людей. Мужчины, женщины, дети... Затаив дыхание, не в силах оторвать взгляд от ужасного зрелища, все смотрели, как боевой римский корабль тщетно пытается противостоять безжалостным волнам. Вопли несчастных моряков перекрывали и шум бури, и треск ломающейся о скалы корабельной обшивки.

Буря стихла лишь через несколько часов, и тогда море начало выбрасывать мертвецов на берег. По большей части это были рабы-гребцы, но кое-где виднелись и тела римских матросов. Итамар ходил между ними, проверяя, нет ли такого, в ком еще теплится жизнь. Наконец он дошел до римского офицера; тело его еще не остыло. Он закричал, призывая Ореву на помощь, и вдвоем они принялись возвращать беднягу к жизни. В конце концов их труд увенчался успехом и офицер открыл глаза.

– Орев! – воскликнул Итамар. – Беги скорей за носилками. Мы отнесем этого человека к нам в дом и будем ухаживать за ним, пока он не поправится.

Прежде чем исполнить приказание молодого господина, Орев вытащил из кармана флягу и поднес к губам римлянина. Тот глотнул несколько раз; крепкое ливанское вино привело его в чувство, и он смог подняться на ноги. Орев уже двинулся было за носилками, но римлянин остановил его:

– Иудеи! Примите искреннюю благодарность за помощь, которую вы мне оказали. Но в вашей заботе больше нет необходимости. Я чувствую себя в силах самостоятельно вернуться на корабль к своим товарищам.

– Корабль твой, – отвечал Итамар, – разбился о скалы, и его обломки носятся по морю. Все твои товарищи погибли. Ты – единственный, кто остался в живых. Я прошу тебя отправиться вместе со мной в мой дом, там ты сможешь отдохнуть и набраться сил.

– Благодарю тебя, иудеи, за щедрое предложение. Но сейчас я не вправе отдыхать, да и нет у меня в этом надобности. Скажи мне, однако, как твое имя?

– Меня зовут Итамар бен Эльяким.

– Ну что ж, иди с миром, Итамар. И если случится тебе быть в Риме, помни, что Каниус Сиранус был бы рад оплатить тебе за доброту и гостеприимство.

Āēāāī oāñōāy Yēūācāđ āāī Ōāī āī ēy

Итамар и Орев вернулись в Иерусалим. Эльяким, который к тому времени окончательно оправился от болезни, встретил сына с великой радостью.

– Орев! – сказал он слуге на следующее утро. – Ты пока позабудь о своих обычных обязанностях. Вернешься к ним позже. Итамар тоже не будет пока заниматься изучением Торы. Ему нужен отдых. По совести говоря, я предпочел бы, чтобы вы задержались в Яффо еще на некоторое время. Вы пробыли там меньше, чем мне бы хотелось. Понимаю: тоска по дому заставила вас вернуться раньше намеченного. Значит, придется продолжить отдых здесь, в родных стенах. Итамар еще слишком юн, чтобы расхаживать по всему городу в одиночку. Поэтому прошу тебя, Орев, сопровождай его повсюду, куда бы он ни пошел. А ты, сын мой, ступай, развлекись и развейся немного в обществе друзей. Кстати, у моего друга Ханании есть сын примерно твоего возраста. Неплохо было бы тебе с ним познакомиться и завести дружбу.

Человек, которого назвал Эльяким, был тот самый известный Ханания бен Хизкия бен Гурион, о котором рассказывает Гемара. Он и еще несколько иудеев записали Мегилас Таанис. Среди его заслуг числился и комментарий к трудам пророка Иехезкела, разъяснивший написанное таким образом, что книгу не пришлось предать забвению. Дело в том, что в рассуждениях пророка Иехезкела есть несколько темных, непонятных мест, которые на первый взгляд противоречат сказанному в Торе. Мудрецы Израиля собирались поэтому упрятать подальше все тексты пророка, чтобы люди не впали в заблуждение, читая его. Но Ханания решил, что будет сидеть над книгой дни и ночи напролет и сумеет найти в конце концов такое объяснение темным местам у Иехезкела, что они не будут противоречить Торе. Триста сосудов с оливковым маслом для пропитания и освещения в ночное время было принесено к нему на чердак, и долгое время не спускался оттуда Ханания, сидел и изучал книгу, не покидая комнаты, думал и сопоставлял, пока не дошел до него с Б-жьей помощью и ради величия пророка истинный смысл непонятных мест. Потому и сказали о нем мудрецы: «Да будет славен этот человек, ибо если бы не он, была бы предана забвению книга Иехезкела».

Ханания бен Хизкия вообще пользовался величайшим уважением и авторитетом среди мудрецов своего поколения. Ничто важное не решалось без него. Даже когда сидел он безвылазно на чердаке над книгой пророка Иехезкела, мудрецы не раз собирались у него для принятия серьезных решений.

Сын его, Эльазар, не был похож на своего великого отца. Для того в мире не существовало ничего, кроме законов Алохи. Конечно, Эльазара с детства воспитывали в почтении к мудрости Израиля и готовили к изучению Торы, но характер этого юноши был таков, что более всего его волновали и тревожили страдания и унижения, которым подвергали иудеев властолюбивые и алчные римляне. Эльазар горел желанием свергнуть ярмо римского владычества и вернуть своему народу былую независимость. Его уверенность в грядущей помощи Всевышнего борцам за свободу была беспредельна. Он ни минуты не сомневался, что повстанцам легко удастся силой оружия победить и изгнать из страны римлян, а затем восстановить трон и династию царя Давида. Он был убежден: избавления следует добиваться здесь и сейчас, немедленно подняв мятеж, разгромив римлян и положив конец их власти. Конечно же, Эльазар всей душой любил Тору, но полагал, что лишь свободный человек может исполнять ее законы во всей полноте. И разве жизнь не подтверждала его правоту? Разве мог любящий Тору еврей спокойно смотреть, как без всякой причины снимают с должности достойного первосвященника, чтобы освободить место тому, кто более приглянулся римскому наместнику?

Свою глубокую любовь к Торе и безграничное упование на Создателя довелось Эльазару доказать совсем недавно. Старинный свиток Торы, переписанный и выправленный еще по свитку Эзры, был выставлен на продажу наследниками одного богатого человека, жителя Иерусалима. Некий римский еврей, находившийся в то время в городе, собирался его купить. Но Эльазар пришел в ярость при мысли, что такой старинный и редкий свиток уйдет куда-то за море, на чужбину. И сам купил этот свиток, заплатив за него сто мане. Книгу положили в шкаф, почерневший и разохшийся от старости. На следующий день, желая как следует рассмотреть свое сокровище, Эльазар вошел в комнату, где находился свиток, и обнаружил, что тот исчез вместе со шкафом. Поиски были напрасны. Никто ничего не знал, не видел.

Убитый горем, отправился Эльазар в Храм и вознес молитвы Всевышнему. По обыкновению, входящие в Храм шли направо – все, кроме пребывающих в трауре, отверженных, пришедших молиться за больного и тех, у кого пропала ценная вещь. Эти сворачивали влево. Таким образом они привлекали к себе общее внимание, и остальные молящиеся просили Б-га снизить к ним, ободрить и помочь. Ибо человек, за которого просят многие, может быть удостоен высшей милости ради их заслуг.

Войдя в Храм, Эльазар повернул налево, и присутствующие дружно произнесли привычную фразу: «Пребывающий в этом доме, да обратит сердце нашедшего и да вернется к тебе твоя пропажа!» Эльазар, однако, отступил к выходу, снова вошел и опять двинулся налево. Так он поступил несколько раз. А присутствующие вновь и вновь повторяли просьбу, пока наконец не пришли сказать, что пропажа Эльазара нашлась. Как выяснилось, кто-то из слуг решил, будто бы древний разохшийся шкаф больше не годен к употреблению, и отнес его на свалку старой мебели.

Этот случай еще больше укрепил веру Эльазара в благосклонность небес и в свою правоту, и он пришел к выводу, что Всевышний непременно поможет ему воплотить в жизнь смелые замыслы, которые он пока что вынашивал втайне от всех.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Ì ÀÈÑÈÈÀ Ì ÀÌ ΒΟΙ ÛÀ ÄÀÒÛ

1 Ì ÀΒ

85 èàò ì ì áÿ ðæääéÿ Героя Советского Союза капитана Владимира Самойловича Левитана (р. 1918, Жеребец Таврической губ.).

2 Ì ÀΒ

130 èàò ì ì áÿ ðæääéÿ микробиолога, эпидемиолога, инфекциониста, члена-корреспондента АН СССР, исследователя этиологии и профилактики кори и скарлатины, автора трудов по изменчивости микробов и вакцинотерапии Семена Ивановича

Златогорова (наст. имя и фамилия Шмуэл-Шлоймо Липманович Гольдберг, 1873, Берлин – 1931, Ленинград).

3 Ì ÀΒ

215 èàò ì ì áÿ ì àððè (1 ияра) общественного деятеля, одного из родоначальников хасидизма, возглавившего первую группу хасидов, переселившихся в Эрец-Исроэл, рабби Менахема-Мендла из Витебска (1730, Витебск – 1788, Цфат).

70 èàò ì ì áÿ ðæääéÿ физика, члена АН США, Лондонского королевского общества, профессора Техасского университета, автора трудов по физике элементарных частиц, лауреата (совм. с Ш. Глэшоу и А. Саламом) Нобелевской премии по физике 1979 года за создание объединенной теории электромагнитного и слабого взаимодействий Стивена Вайнберга (Weinberg, р. 1933, Нью-Йорк).

5 Ì ÀΒ

10 èàò ì ì áÿ ì àððè архитектора, народного архитектора СССР, действительного члена Академии художеств СССР, одного из ведущих архитекторов по реконструкции и застройке Москвы (Юго-Западный район, цирк, Университет дружбы народов им. П. Лумумбы), автора архитектурно-скульптурных ансамблей мемориалов советским воинам в Трептов-парке в Берлине и на Мамаевом кургане в Волгограде, лауреата двух Государственных премий СССР и Государственной премии России

Якова Борисовича Белопольского (1916, Киев – 1993, Москва).

7 Ì ÀΒ

65 лет со дня гибели государственного деятеля, наркома внутренней торговли СССР Израиля Яковлевича Вейцера (1889, Дряя Виленской губ. – 1938, расстрелян в Москве).

8 Ì À6

65 éàò ì ãíý ì àðòé пианиста, композитора, профессора Ленинградской филармонии Самуила Моисеевича Майкапара (1867, Херсон – 1938, Ленинград).

10 Ì À6

25 éàò ì ãíý ì àðòé дирижера, народного артиста СССР, главного дирижера Ленинградского Малого театра оперы и балета, Ленинградского театра оперы и балета им. С.М. Кирова, профессора Ленинградской и Московской консерваторий, лауреата трех Государственных премий СССР Бориса Эммануиловича Хайкина (1904, Минск – 1978, Москва).

11 Ì À6

65 éàò ì ãíý ðíæááí éý адвоката, председателя президиума Московской городской коллегии адвокатов, представлявшего в судебных процессах интересы Б.Н. Ельцина, А.Б. Чубайса, Е.Т. Гайдара, В.И. Новодворской, В.А. Гусинского, Б.А. Березовского и др., Генри Марковича Резника (р. 1938, Ленинград).

12 Ì À6

900 éàò ì ãíý ì àðòé (10 ияра) талмудиста, автора «Книги законов» – труда по кодификации Талмуда и Алохи (т.н. «Большой свод законов» или «Малый Талмуд», включается в большинство изданий Талмуда) рабби Ицхака Алфаси (Риф, 1013, Калат Хамад, Алжир – 1103, Лусена, Испания).

95 *éàò ìí áíÿ ðíæääí éÿ* экономиста, представителя неокейнсианства, профессора Кембриджского университета, автора трудов по проблемам экономического роста, занятости и инфляции лорда Николаса Калдора (Kaldor, 1908, Будапешт – 1986, Кембридж).

18 *Ì À6*

105 *éàò ìí áíÿ ðíæääí éÿ* актрисы, режиссера, педагога, народной артистки РСФСР, профессора ГИТИСа, главного режиссера Центрального детского театра, лауреата Государственной премии СССР Марии Осиповны Кнебель (1898 – 1985, Москва).

19 *Ì À6*

80 *éàò ìí áíÿ ðíæääí éÿ* историка и экономиста, академика РАН, директора Института США и Канады РАН, автора трудов по проблемам мировой экономики и международных отношений Георгия Аркадьевича Арбатова (р. 1923, Херсон).

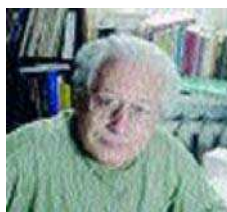
21 *Ì À6*

710 *éàò ìí áíÿ ìí àðòè* (19 ияра) талмудиста и тосафиста, духовного руководителя европейского еврейства, автора сборников респонсов рабби Меира из Ротенбурга (Маарам, ок. 1215, Вормс – 1293, Энзисхейм, Эльзас, в 1307 году перезахоронен в Вормсе).

20 *éàò ìí áíÿ ìí àðòè* физикохимика и биофизика, разработавшего (совм. с Я.И. Френкелем) статистическую теорию цепных молекул с ограниченной гибкостью и (совм. с Д.Л. Талмудом) теорию

глобулярного строения белка, автора трудов по рекомбинации ДНК, мутагенезу, хроматографии вирусов
Семена Ефимовича (Хаимовича) Бреслера (1909, Береза-Картузская Гродненской губ. – 1983, Ленинград).

75 ёаò ìì äíý ðíæääíéý психолога, социолога, академика АПН СССР, автора трудов по философии истории, истории социологии, социальной психологии, проблемам личности, сексологии Игоря Семеновича Кона (р. 1928, Ленинград).

80 ёаò ìì äíý ðíæääíéý физика, академика РАН, автора трудов по физике полупроводников (теории термомагнитных явлений, бесщелевым полупроводникам и др.), лауреата Государственной премии СССР Исаака Михайловича Цидильковского (1923, Ракитно Киевской губ. – 2001, Екатеринбург).

22 Ì ÀВ

15 ёаò ìì äíý ìì äòðè искусствоведа, литературоведа, коллекционера, инициатора и одного из редакторов сборников «Литературное наследство», автора книги «Художник-декабрист Николай Бестужев», собравшего коллекцию русской живописи и графики (более 2 тыс. произведений, преимущественно XIX – начало XX вв.), переданной в дар государству; основателя Музея личных коллекций при Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, лауреата Государственной премии СССР Ильи Самойловича Зильберштейна (1905, Одесса – 1988, Москва).

24 Ì ÀВ

45 ёаò ìì äíý ìì äòðè акушера-гинеколога, члена-корреспондента АН УССР, главного акушера-гинеколога Минздрава УССР, лауреата Государственной премии СССР Александра Юдимовича Лурье (1897, Климовичи Могилевской губ. – 1958, Киев).

25 Ì ÀВ

85 ёаò ìì äíý ðíæääíéý кинорежиссера, народного артиста СССР, поставившего фильмы «Трое вышли из леса», «Молодо-зелено», «Женитьба Бальзаминова», «Дядюшкин сон», «Рудин», «Шапка» и др., Константина Наумовича Воинова (наст. фамилия Кац, 1918, Муром – 1995, Москва).

70 ёаò ù áú ðæääéú легкоатлета, обладателя золотой (1964) и серебряной (1968) олимпийских медалей
Ромуальда Иосифовича Клина р. 1933, Хвоевое Минской обл.).

26 Ì ÁВ

85 лет со дня рождения математика, члена-корреспондента АН УССР, профессора Киевского государственного университета, автора трудов в области теории вероятностей и математической статистики Иосифа Ильича Гихмана (1918, Умань – 1985, Киев).

ἘΣΤΙ ΑΘΑΕΪ ΑΕΝΕΪ ΕΪ Ϊ ΧΟΥ

Полемика вокруг статьи в сентябрьском номере журнала «Лехаим» в минувшем году «Депортация – мистификация. Прощание с мифом сталинской эпохи» Геннадия Костырченко, отрицающего свидетельства о подготовке Сталиным депортации евреев СССР, мне кажется очень напоминающей схоластический спор на тему: «Сколько чертей уместится на острие иглы?» Не отрицает господин Костырченко «безусловное наличие в последние годы правления И.В. Сталина реальной угрозы депортации евреев». А вот против того, что «советское руководство, осуществив планирование этой масштабной акции и установив срок ее начала – март 1953 года, будто бы приступило к ее конкретной подготовке: составлению списков, строительству барakov... и пр.» «...я решительно возражаю».

Я не ученый-историк. Я – строитель. Однако я жил в то время и знаю, что нашему кадровику было дано указание: выделить из общей картотеки карточки сотрудников с еврейскими фамилиями. Можно, конечно, полагать, что это предпринималось на предмет выдачи евреям всех возрастов путевок в пионерлагерь «Артек». Но, извините, не каждый второй из нас – законченный идиот. С какой стадии подготовки затеваемая акция перестает, по мнению ученого Костырченко, быть мистификацией?

«Убийцы в белых халатах», «буржуазный националист Михоэлс», «пламенная патриотка Лидия Тимашук», «безродные космополиты», «пятый пункт» – вся организованная и дирижируемая антисемитская истерия... Это всё – МИФ??

Очень растрогало автора статьи, что «... акция затормозилась. А, может быть, и была отменена». Но почему? Быть может, совесть заговорила?! Вот это была бы хохма! Какая совесть, какая мораль после всего-всего? А вот идея какой-то новой, очередной многоходовой провокации – была вполне вероятна, но вмешалась госпожа Смерть... Если на шкуре черного кобеля появится светлое пятно, не обольщайтесь, что его удастся отмыть: старый кобель просто начал линять и сесть... Есть ли смысл дискутировать с г-ном Костырченко на тему: «Миф или не миф» в зависимости от того, что остановило депортацию евреев и на какой стадии: смерть злодея или его новая «задумка»?

Ἰ. Ἐαῖῖ - Διὰ τὸ ἀαεῖ Ἰ ἡεῖᾶ

С большим волнением я прочитала в февральском номере «Лехаима» статью Владимира Познанского «Одиссея мальчика из гетто». С этим мальчиком, Семеном Додиком, я жила до войны по соседству. Мои родители – Духовные, Шойл и Туба, и 13-летний брат Мендл, как и семья Семы Додика, расстреляны немцами.

После войны, уже в Перми, я получила от Семы письмо, в котором он подробно описывает трагедию евреев Бара. Более 55 лет я храню это письмо как самую важную реликвию, свидетельство предсмертных мук близких мне людей.

Об «одиссее» Семена Додика я рассказывала своим детям и внукам много раз. Я счастлива, что наш «Лехаим» помог мне связаться с Семеном и рассказать ему, какую роль в моей жизни сыграло то письмо, что он прислал более полувека назад.

Пользуюсь случаем сказать: читаем наш журнал от корки до корки и ждем с нетерпением каждый новый номер.

**Ϛ Ἐοδῖᾶ (Ἀσοῖᾶῖ ἁῖ)
Ἰ ᾶῖ ἡεῖᾶ ἁδεᾶ, ὁ-εὸ ἀεῖῖ εὐᾶ,
Ἰ ᾶῖ ῖ**

Г-же Юрьевой из Владивостока, видите ли, стыдно, что Роман Абрамович и Борис Березовский принадлежат «к тому великому народу», что и она («Лехаим», № 3 с.г.). А ей самой не стыдно обвинять этих людей в том, что они «хамелеоны, хитрые, коварные»?

Неужели вы, мадам Юрьева, не видите, что везде евреев подставляют, во всех СМИ? Вот вам свежий пример, – сериал «Бандитский Петербург», фильм «Крах Антибиотика». Там старый еврей Моисей Гутман передает бумаги о контрабандной водке криминальным структурам. Вот и вы подпеваετε русским СМИ, называя Бориса Березовского и Романа Абрамовича хапугами. «Их цель одна – нажива», – пишете вы.

...До сих пор не могу получить присужденную мне премию Сороса за 1997 год. Украли ее у меня и в Москве, и в Перми, – деньги еврея-американца Сороса, предназначенные для подъема образованности России. Березовский виноват? Или Гусинский? Так и их обобрали в России и продолжают обирать, а Бориса Абрамовича еще и судить собираются, если он, конечно, доживет до суда.

Очень удивлен, прочитав это письмо в еврейском журнале. Не спорю – евреи тоже разные. С 1941 по 1944 год я был малолетним узником Жмеринского гетто, а многие мои родственники погибли на фронте, и племянник погиб на чеченской войне. А когда другой племянник, призванный со 2-го курса университета, прибыл на ракетную точку в Сибири, то на него бегали смотреть, как на экзотическое животное, – еврея впервые увидели...

Неужели вы еще не поняли, мадам Юрьева, что провал страны и в экономике, и в политике свалят на евреев? Уже в «КП» появляются призывы «взяться за топоры и вилы» («КП», 15 марта с.г.). А чьи головы будут рубить эти топоры и в чьи животы войдут эти вилы? Тут не надо иметь семь пядей во лбу, все понятно...

Не кажется ли редакции, что она публикацией письма Г. Юрьевой только подливает масла в огонь ненависти против нас, евреев?

À. ĩ àðòŕŕ,
Ī àðŕ ũ